

СМЕНА

декабрь 12 05

126 Шестёрка — хуже всего!

148 Что скажут боги в XXI веке?

34 Две любовницы, да еще и жена

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

12
2005
декабрь (1694)

главный редактор

Михаил Кизиллов

зам. главного редактора

Тамара Чичина

Над номером работали:

Башнев Мансим
Вартамян Галина
Исмагилова Олеся
Налинина Людмила
Ним Александр
Молчанова Надежда
Подольяч Нирилл
Подорванова Светлана
Сипакова Марина
Фомина Светлана
Чейшвили Владимир

Сдано в набор 15.10.2005.
Подписано к печати 21.11.2005.
Печать офсетная.
Заказ № 11838
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная.

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 19, стр. 2,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения:

257-31-37,

sales@smena-id.ru

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.

Per № 014832.

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ".

Отпечатано в ФГУП "Смоленский
полиграфический комбинат"
по адресу: 214020, Смоленск,
ул. Смольянинова, д. 1.

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 2005.

наследие веков

Денис Логинов
4 Версаль

Ирина Опимах
12 Анжелико

издалека

Любовь Русева
24 Terra Australis incognita

жизнейские истории

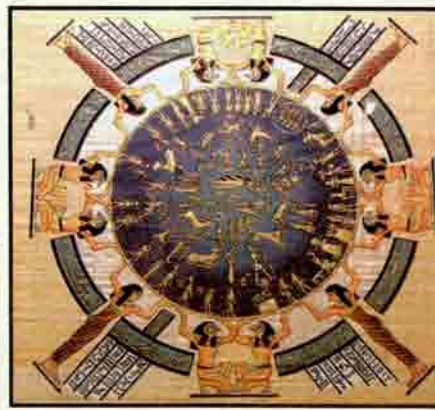
Иосиф Гольман
34 Ехал Грека через реку

детектив

Ренс Стаут
68 Убей сейчас, заплатишь после

▼ стр. 24

стр. 177 ►

стр. 143 ►

стр. 12 ►

love story

Майя Орлова

112 Классический вариант

неформат

Екатерина Кочеткова

126 Спросите совета у чисел

балет

Елена Воробьева

131 Откровение танца

◀ стр. 138

▼ стр. 170

молодой бульвар

Евгения Белокурская

138 От таракана до слона...

Александра Зотова

143 Подарить праздник

Кирилл Подоляк

146 Времена года

Кирилл Соронин

148 Гнев богов

Екатерина Постникова

150 Уйти красиво

Анжелика Подоляк

154 Сладкий поцелуй от

Джессики

Максут Хундамов

159 Укрощение

огнедышащего дракона

Просто Кир

164 Горят фонарики

Ник Сигарищенко

168 История без

продолжения

Денис Логинов

170 На родине

рождественской ёлки

Полина Теслер

173 Новый год у ворот

Анна Шеркунова

177 Звездный сувенир

Максим Башкеев

180 Однажды в студеную

пору...

Евгения Гордиенко

184 Пока часы

двенадцать бьют...

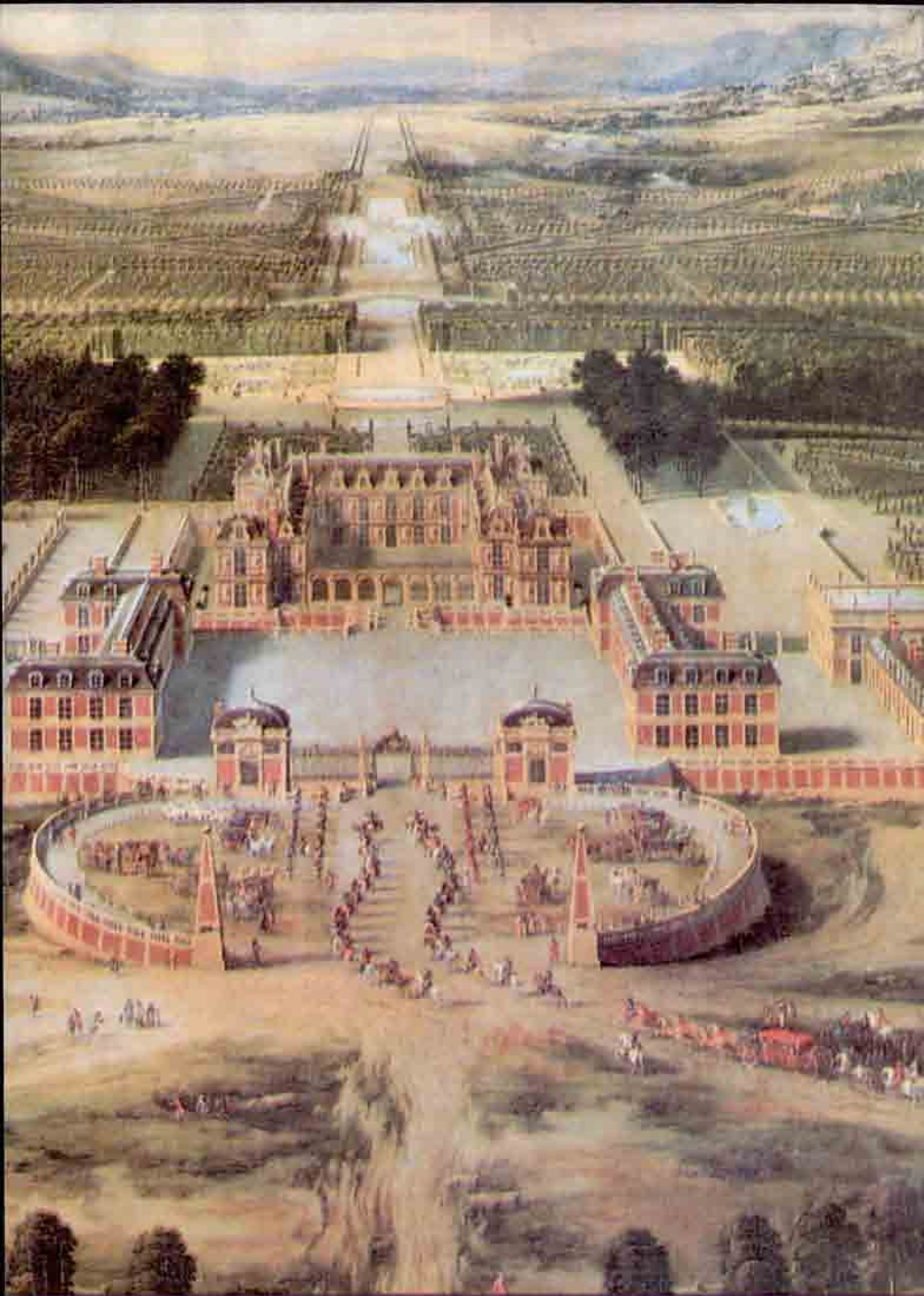
Джозефина Тей

ПОЮЩИЕ ПЕСКИ

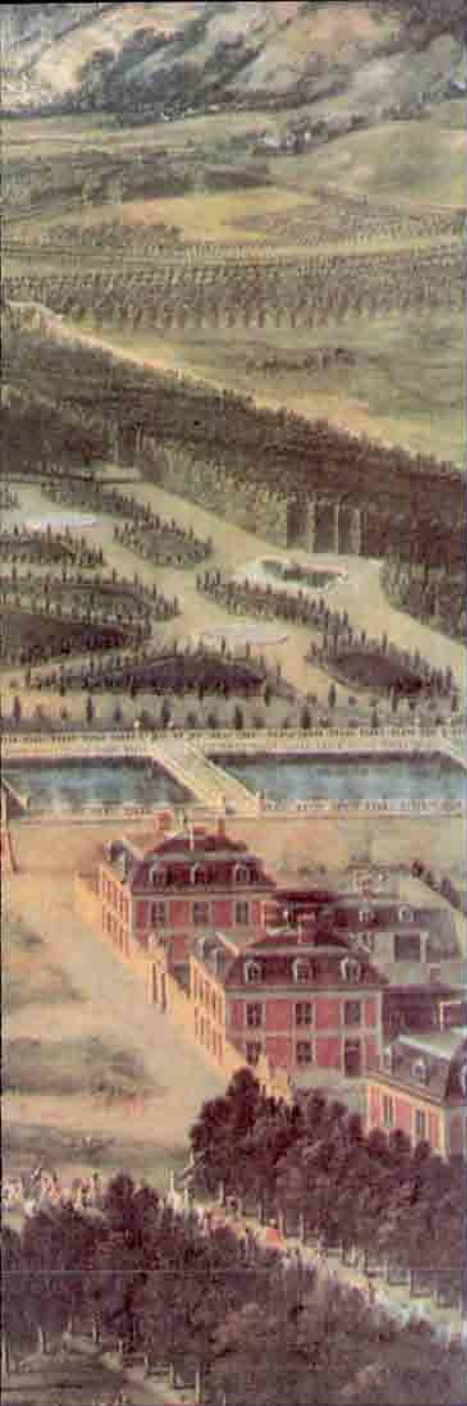
Инспектор Скотленд-Ярда Алан Грант, получивший отпуск по состоянию здоровья, планирует провести его в Шотландии. В ночном поезде он натывается на мертвого человека и машинально прихватывает его газету, на которой наспех были записаны загадочные стихи о "поющих песках". И эти строчки становятся началом захватывающего расследования по установлению личности погибшего...

январь 2006

АНОНС: 1

Версаль

Имя этого городка, в котором находилась одна из резиденций французских королей, уже давно стало нарицательным. Версаль — это невероятная роскошь и абсолютная власть, сосредоточенная в руках могущественного властителя, вершителя судеб отдельных людей и целых народов; Версаль — это интриги и козни, празднества и театральные действия, армии прекрасных фавориток... Версаль — символ Монархии в ее древнейшем понимании, власти, данной от Бога.

Долина Гали, с ее прудами, пустошами, пастбищами, Версальским холмом, где находилась мельница, деревня и заброшенный замок, издавна славилась среди любителей охоты. Все знали, что тут водится много дичи. В 1623 году эти земли приобрел Людовик XIII, любивший поохотиться здесь со своими приближенными, и частенько на ночь, когда было лень возвращаться в Сен-Жермен-ан-Ле, где находился его дворец, он устраивался в старом замке или на мельнице. В 1623 году каменщик Николя Хуо построил в деревушке Версаль для короля охотничий дом, вскоре превратившийся в настоящий замок. Таких охотничьих замков у короля было множество, и Версаль ничем особенным не отличался. Но король почему-то

полюбил Версаль, и когда он увлекся фрейлиной королевы Луизой де Лафайет, он предложил ей поселиться именно там, "под его опекой и подле него", как писала в своих мемуарах мадам де Монтевиль. Однако девушка оказалась слишком благонравной — она отвергла ухаживания короля и ушла от соблазна в монастырь.

Людовик XIV, как-то заехавший в Версаль, подумал — а почему бы не построить здесь настоящий дворец? Сен-Симон, признанный летописец правления Короля-Солнца, объяснял желание Людовика создать резиденцию в Версале разными причинами, среди которых была и любовь к охоте, и желание уединиться вдали от толпы, дабы спокойно, без свидетелей, пообщаться вдоволь с очередной фавориткой, еще одной Луизой — де Лавальер.

Для воплощения своих замыслов — а замыслил Людовик поистине нечто грандиозное — созвали самых лучших архитекторов, строителей и мастеров. Возглавили работы архитектор Луи Лево, Ардуэн-Мансар, первый художник короля Шарль Лебрен и выдающийся

мастер садово-паркового искусства Андре Ленотр.

"Было болото. И были архитекторы и садовники. И были линии, углы, треугольники, прямоугольники, окружности и пирамиды. И стал парк, и в этот парк вдохнул душу Ленотр", — писал в своей пьесе "Версаль сияющий" Жан Кокто. Король сам следил за ходом работ, существовал даже некий манускрипт, в котором излагались основные идеи короля по созданию дворцово-паркового ансамбля, и назывался этот манускрипт так — "Способы показывать сады Версаля". И результат его не разочаровал — Версаль получился не просто дворцом с прилегающими парками, нет, это было пространство, преобразованное единой волей, целый микрокосмос, в котором правил монарх. Замок встал в точке пересечения осей, направлений, и в них находились город, сады и дорога в Париж. Окна спальни короля выходили на восток, и, в соответствии с версальской космогонией, Солнце вставало в Мраморном дворце, а садилось за садами. Сады состояли из партеров — открытых участков земли — и боскетов, маленьких рощиц из стриженных

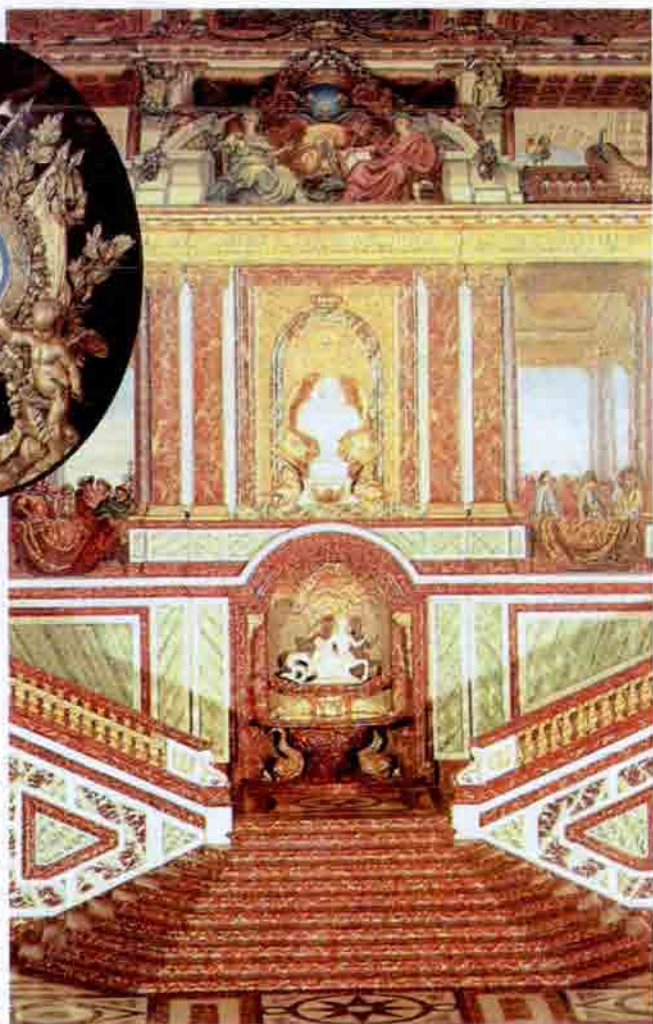
кустарников или деревьев. А еще тут были бассейны, каналы, и везде — скульптуры, колонны, гроты... И ансамбль Зеркальной галереи с салонами Войны и Мира, посвященными победам короля, апофеоз Версаля. Такой красоты, такого совершенства, такого величия мир еще не видывал!

Король был человеком весьма необычным. Красивый, обладающий шармом, прекрасный дипломат, наделенный сильным характером, незаурядным умом и тонким чувством юмора. Он великолепно танцевал, любил музыку и живопись. Его единственный недостаток — полное отсутствие скромности. И, пожалуй, увлечения женщинами, которые, в свою очередь, не могли устоять перед его обаянием.

Когда в 1661 году умер кардинал Джулио Мазарини, который на посту первого министра восемнадцать лет неограниченно правил Францией, Людовик XIV получил полную самостоятельность и сосредоточил в своих руках всю власть в стране. Отныне, заявил он, "я сам буду своим первым министром". Ему было тогда двадцать два года. Теперь ни-

кто не смел его ограничивать ни в чем. Обожествляя королевскую власть, Людовик отождествлял государство с самим собой ("Государство — это я"). И правление его при этом было весьма успешным. Каждые десять лет Франция заключала какой-нибудь мирный договор, приносивший стране новые земли и богатства. И, конечно же, король при этом не забывал и свой Версаль, который любил все больше и больше. За мирными договорами следовали очередные строительные работы в Версале, которые требовали очередных денежных вливаний. За ними следил генеральный контролер финансов знаменитый Кольбер. 1 января 1664 года он был назначен суперинтендантом строительных работ, искусств и мануфактур, и Версаль оказался в его прямом ведении. А помогли ему братья Перро — будущий сказочник Шарль и врач и архитектор Клод. Только с 1661 по 1663 год на строительство потрачено миллион триста тысяч ливров! В 1684 году в Версале работали 22 тысячи человек, в 1685 году — 36 тысяч. Работы проводились нелегкие, и среди рабочих смертность была невероятно высока.

Мадам де Севиньи рассказывала, что "каждую ночь отправляли, словно из больницы, повозки, полные мертвых". В результате, за двадцать лет умерли 227 тысяч рабочих. Но короля это не смущало ничуть — что могла значить смерть отдельного человека, когда возводили символ могущества государства! В эти годы создавались парки, сады и два параллельных корпуса перед замком Людовика XIII. Затем построили так называемый Конверт, в который "завернули" старый замок — Новый дворец.

В 1687 году у края парка начали возводить дворец Большой Трианон. Раньше здесь была маленькая деревушка Трианон, но король купил эти земли и повелел крестьянам убраться, куда они хотят. И вот на месте их жалких хибар вырос дворец, где король мог вдали от всех

приятно проводить время с фаворитками. Постепенно и тут стали устраивать шумные празднества, пиры, оперные и балетные спектакли. Трианон отличался от Версальского дворца — здесь дышалось легче, не было столько позолоты — белые стены украшали лишь лепные узоры, зеркала и изящная живопись. А вокруг дворца журчали ручьи и фонтаны, благоухали роскошные цветники и апельсиновые деревья.

Постепенно в Версале сосредоточивалась вся светская жизнь. Людовик чрезвычайно любил окружать себя придворными. "Те, кто не бывал при дворе ежедневно, утрачивали расположение монарха, — писал Сен-Симон, — а те, кто там вообще не появлялись, уж точно впадали в немилость".

Праздники и все торжественные церемонии организовывало специальное подразделение — Меню-Плезир. Балы, балеты, ужины, фейерверки, концерты, театральные представления вносили приятное оживление в жизнь Версала. Особо отмечались военные победы короля. Во время празднеств в садах строились временные здания и павильоны, сцены, привозились устройства для фейерверков. Как правило, режиссером этих невероятных шоу был Карло Вигарани. Король сам очень любил музыку и даже прилично играл на гитаре и клавесине. И неудивительно, что именно здесь, в Версале, рождалась французская опера, при этом придворные во главе с королем и королевой наслаждались и итальянской оперой-буфф.

Король живо интересовался живописью, и потому Версаль украшали полотна не только французских мастеров, но и итальянских, голландских и фламандских живописцев. В результате, получилась блестящая коллекция шедевров европейского искусства — она хранилась в специальном кабинете редкостей. Король получал картины в подарок, покупал, а порой просто приглашал известных живописцев, скульпторов поработать в Версале.

Особенностью французского двора было то, что сюда, в Версаль, мог прийти любой подданный короля. По французской традиции, жизнь короля принадлежала его народу, и доступ в Версаль открывался для всех. Это очень удивляло иностранцев. Так, англичанин Артур Юнг, посетив Версаль, писал: "Забавно видеть проходивцев, прогуливающих без надзора во дворце и даже в спальне короля, людей, одежда кото-

рых свидетельствует, что они находятся на последней ступени нищеты. Я был единственным, кто спросил, какого дьявола они тут делают. Особенно публика интересовалась двумя моментами в жизни двора — трапезой короля и родами королевы. Несчастные французские королевы рожали в присутствии самого разного сброда!

Эти люди, толпами приходившие в Версаль, гадили в совершенно не приспособленных для таких занятий местах, и потому в парке, садах, в самом замке вонь стояла ужасающая. Переходы и дворы были полны фекалий и мочи... Подданные короля (как простые, так и высокородные) опорожняли свои желудки и мочевые пузыри безнаказанно и бесстыдно там и тогда, когда им этого хотелось.

После долгого периода мира (1678-1688) и пятидесятилетия короля началась война. Людовику еще предстояло тридцать лет правления страной и за эти годы дважды ему пришлось сражаться с европейскими монархами.

На Версаль теперь средств было явно недостаточно, и на военные расходы даже пошла серебряная мебель — ее отправили в переплавку.

В 1699 году суперинтендантом строительства был назначен Арлуэн-Мансар, и тогда началось строительство Капеллы — важнейшее событие версальской истории.

9 сентября 1715 года король охотился в Марли. Почувствовав себя плохо, он вернулся в Версаль. Хотя в последующие дни он, несмотря на недомогание, занимался государственными делами, всем стало ясно, что состояние его здоровья ухудшается. 24 сентября двор, друзья короля и его врачи начали серьезно беспокоиться из-за течения болезни. На следующий день Людовик XIV принял соборование. В течение следующих дней он попрощался с придворными, с членами своей семьи и приготовился к смерти. 30 сентября он потерял сознание, гангрена распространилась на колено и все бед-

ро. Людовик XIV умер ранним утром 1 октября. С его смертью Франция потеряла одного из самых великих своих королей, чье правление наложило неизгладимый отпечаток на историю и культуру страны, а достижения вызвали многочисленные подражания далеко за пределами Франции.

Версаль стал его завещанием потомкам, его вкладом в мировую культуру. Ему удалось создать особый стиль — версальский, которому впоследствии подражали во всех странах Европы.

В 1717 году Францию посетил Петр I. Его принимали с большим почтением в главных резиденциях французских монархов — в Лувре, Фонтенбло и, конечно же, в Версале. Одним из результатов этой поездки стало создание русского Версаля — Петергофа.

Когда Людовик XV стал королем, ему было всего пять лет, страной управлял регент, герцог Орлеанский, предпочитавший жить в Париже. Но мальчику всегда нравился Версаль, и когда он мог, то с удовольствием приезжал туда. Новый

этап в жизни Версаля начался около 1730 года, после рождения дофина. Молодая королевская чета поселилась в Версале, и король, дабы продемонстрировать свою признательность супруге, подарившей наследника, переделал ее парадные покои. Затем началось строительство Оперы, которая открылась в день бракосочетания дофина с Марией-Антуанеттой, а потом продолжилось строительство дворца. И, как всегда, все тормозилось во времена военных кампаний, в частности, во время войны за независимость в Америке.

Людовик XV очень отличался от Людовика XIV, который обожал публичность и не мыслил себе жизнь без своих придворных и своих громких появлений перед народом. Преемник Короля-Солнца всеми способами пытался избежать придворной жизни, найти место, где бы его никто не видел. Он построил себе в Версале Малые апартаменты — там он спал и работал, и уж туда, в отличие от Больших, не позволялось входить никому, кроме тех, кого звал к себе король. А как только предоставлялась возможность, он вообще уезжал из Версаля в маленькие охотничьи замки в Рамбуе, Ла Муэт, Шуази, Сен-Юбер и т. д. Установлено, что в некоторые годы он проводил в Версале менее 100 ночей.

10 мая 1774 года Людовик XV умер от оспы. Теперь в Версале царствовали Людовик XVI и его супруга Мария-Антуанетта, полюбившая версальский Трианон — там, вдали от придворных, возненавидевших ее за это, она устраивала вечера и свои праздники, о которых в народе поползла молва — говорили, что это настоящие оргии. Королеву в народе не любили.

А вскоре Францию захлестнула Великая Французская революция. 20 июня 1789 года в версальском Зале для игры в мяч после провозглашения Национального собрания (17 июня) депутаты третьего сословия поклялись не расходиться, пока не будет принята конституция, ограничивающая абсолютную власть ко-

роля. 5 октября женщины из предместья Сент-Антуан и базарного квартала — их было около семи тысяч — отправились в Версаль, чтобы потребовать у короля хлеба и зерна. Их сопровождали 20000 солдат Национальной гвардии. Утром они проникли прямо в покои королевы, и тогда король с семьей покинули Версаль. Вскоре Людовика и Марию-Антуанетту казнили. Казалось, Версаль, этот символ французского абсолютизма, обречен на забвение.

Но прошло всего лишь несколько лет, и Наполеон обратил свое внимание на него, пожелав своим возвращением в Версаль продолжить традицию абсолютной власти. Однако и его правление оказалось недолговечным, и последующие правители Франции, помня о судьбе своих предшественников, уже предпочитали править страной из Парижа.

Но Версаль продолжал играть роль в истории. Во время Парижской Коммуны сюда эвакуировались верховные власти, отдавшие Париж восставшему народу. В его стенах провозглашена Третья республика, ассамблеей парламента избирались президенты Франции вплоть до Пятой республики, в 1919 году подписывался мирный договор, положивший конец Первой мировой войне.

Ныне Версаль — один из самых великолепных и значительных в Европе дворцово-парковых ансамблей. Со всего мира приезжают сюда люди, которых привлекает невероятное очарование Версаля, где столь тесно переплетены история власти и история страны, ярко отразившиеся в совершенной архитектуре, роскоши и красоте внутреннего убранства, в картинах, скульптурах, версальских парках и садах.

Версаль, создававшийся как символ абсолютной монаршей власти, сегодня живет как монумент и воплощение блистательной эпохи Короля-Солнца Людовика XIV, как напоминание о том, что жизнь человеческая, даже жизнь королей, так быстротечна, зато искусство и народная память — бессмертны. ■

Анжелико

Есть во Флоренции удивительное место — монастырь Сан-Марко. Эта обитель доминиканцев и ныне действующий монастырь, перестроенный под патронажем герцога Козимо Медичи великим флорентийским архитектором Микелоццо ди Бартоломео, в XV веке был влиятельным религиозным и культурным центром Флоренции, да и всей Италии. Но сейчас не это влечет сюда толпы туристов и любителей искусства — дело в том, что монастырь стал своеобразным музеем здешнего монаха, одного из самых выдающихся художников раннего Возрождения фра Анжелико. Здесь, в стенах монастыря, украшенных его фресками, словно погружаешься в давно ушедший мир, мир, в котором жили гениальные художники и великие правители, в мир, в котором рождалось искусство итальянского Ренессанса. В мир великого итальянского живописца Гвидо ди Пьетро, прозванного за свое искусство Ангелом.

Гвидо ди Пьетро родился в городке Виккио ди Муджелло, на границе владений флорентийских герцогов. Точно дата его рождения не известна. Вазари утверждает, что — 1387 год, но, скорее, это важнейшее событие в истории живописи произошло позже — между 1395 и 1400 годами. При крещении он получил имя Гвидо, но все звали его Гвидолино — видно, людям хотелось обращаться к нему, используя эту уменьшительно-ласкательную форму имени, из-за его тщедушного строения и доброго нрава. Уже в юные годы Гвидо приехал во Флоренцию, которая тогда переживала трудное время...

Совсем недавно столица Тосканы избавилась от страшной угрозы: ее самый грозный враг, Джан Галеаццо Висконти, к 1400 году завоевавший Сиену, Пизу, Перуджу, Кортону, Кьюзи, Сполето, Ассизи и Болонью, был готов вот-вот напасть на Флоренцию, но, слава Господу, он внезапно умер, и городу удалось сохранить свою независимость. Однако не прошло и десяти лет, как появился новый враг: неаполитанский король Владислав, решив выступить "объединителем" Италии и завладев Римом и прилегающими территориями, Кортоной и Болоньей, стал посягать на Флоренцию. Но и тут Бог не оставил своей милостью флорентийцев — в августе 1414 года Владислав, как совсем недавно Джан Галеаццо, тоже умирает! Флоренция, укрепив свою независимость, начинает интенсивно развиваться. В 1421 году Флоренция — собственница двух морских портов, Пизы и Ливорно.

Флоренция захватывает новые города и порты, становится морской державой, ее политический авторитет растет, а в 1419 году приходит и признание Рима — папа Мартин V возводит флорентийского епископа в сан архиепископа. Во Флоренции постепенно складывается самая передовая в Европе политическая и общественная система. Формируются сильные характеры, появляются новые таланты, которые имеют все возможности реализоваться. Среди них — выдающийся писатель и поли-

тический деятель Леонардо Бруни, блестящий знаток латыни и греческого языка, изучавший труды Аристотеля и Цицерона, автор известнейших трудов "Похвала Флоренции", "История флорентийского народа"; канцлер Флорентийской республики Поджо Браччолини, автор веселого трактата "Следует ли старику жениться" и хозяин библиотеки, где хранились произведения его любимых античных авторов, а также античные скульптуры.

И среди духовенства появлялись смело мыслящие люди. Среди них — Амброджио Травесари, в душе которого словно боролись два совершенно разных человека — монах, посвятивший жизнь служению Богу, и человек нового времени, новой гуманистической эпохи. Во Флоренции жили и замечательные ученые, такие, как, например, Паоло даль Поццо Тосканелли, выдающийся математик, геомер, медик и философ.

Неудивительно, что Флоренция влекла к себе архитекторов и художников из разных стран. Здесь работает испанец Герардо Старнина, португалец Альваро Пирез и многие другие. И уже существовали великие творения Джотто, во многом обогнавшего свое время. Создавал свои шедевры великий Мазаччо, работал блистательный Филиппо Брунеллески, архитектор, скульптор, инженер, ученый, мастер перспективы, создатель грандиозного купола флорентийского собора Санта Мария дель Фьоре и многих других замечательных зданий.

Флорентийский гуманизм дал мощный толчок в художественных поисках. Широта взглядов, свобода мысли, подкрепленная усвоением античного опыта, вывела флорентийцев на передовые рубежи развития искусства. Так флорентийское Возрождение с его идеалами и представлениями о ценности человеческой личности и неограниченных возможностей человека сложилось в мощное течение, определившее интеллектуальную жизнь не только Италии, но и всей Европы.

Оказавшись в этом удивительном городе, в котором, казалось, царил искусство, Гвидо поступил в скрипторий — мастерскую по изготовлению манускриптов. Тут и переписывали старые рукописи, пришедшие в негодность, и создавали новые, украшая их изящными миниатюрами, а потом переплетали, изготавливая роскошные переплеты. Во Флоренции работали блестящие мастера книги, и первым среди них был Лоренцо Монако. По-видимому, Гвидо его хорошо знал и сумел многому научиться в скриптории.

Вазари говорит, что его мастерство живописца уже в юности было таково, что он мог бы хорошо зарабатывать и "при желании жить в роскоши", не имея проблем в получении заказов. Но Гвидолино предпочел совсем иной удел — он стал служить не людям, но Богу.

Двадцати лет, примерно в 1418 году, он вместе со своим старшим братом Бенедетто (тоже известным иллюстратором манускриптов) принимает постриг и становится монахом доминиканского монастыря во Фьезоле, местечке близ Флоренции. Теперь его зовут фра Джованни. Монастырь — место, где всегда есть крыша над головой, и где всегда найдется кусок хлеба и стакан воды, но самое главное, в его стенах можно укрыться от тревог мирских. А в них у флорентийцев недостатка не было. В 20-х годах над Флоренцией снова сгущаются тучи, на сей раз ее независимости угрожает опасность с севера. Противник Флоренции — снова из рода Висконти, многоопытный миланский герцог Филиппо Мария. Флоренция объявляет ему войну. Все средства городской казны идут на армию. Горожане проявляют высокий патриотизм, жертвуя на победу свои кошелки и жизни. Мудрость правителей города и в этот раз помогает Флоренции сохранить свободу — она объединяется с Венецией, противостоя могущественному Висконти, а в 1428 году подписывает мирное соглашение, правда, много раз нарушавшееся обеими сторонами. (Только в 1441 году в

Мадонна с Младенцем. 1450.

Благовещение, 1450.

Кремоне был заключен прочный мирный договор, положивший конец войне с Висконти.)

Но под сводами доминиканского монастыря бушуют совсем иные страсти. В те годы среди доминиканцев набирало силу движение в защиту заповедей Святого Доминика, требовавшего от своих последователей аскетизма и строгой дисциплины. Этот святой, родившийся в 1170 году в знатном испанском семействе и получивший блестящее по тем временам образование, создал один из самых грозных орденов — орден доминиканцев, поставивший своей целью борьбу с ересью. Основным принципом деятельности доминиканцев стала проповедь христианства, при этом братья, сражаясь с инакомыслием, не чуждались и насильственных методов внедрения учения Христа в умы заблудших. Недаром они называли себя "псами Господними". Согласно преданию, мать Доминика перед рождением сына увидела во сне своего будущего ребенка в образе собаки с факелом; и эта собака, этот грозный пес, стал символом ордена. В огне доминиканского факела по всей Европе заживо сгорали еретики. Доминик, сам получивший прекрасное образование — десять лет он провел в университете Валенсии — приветствовал высокий свет знания. Вот почему образованность и приверженность наукам и искусствам всегда отличала доминиканцев. При этом основатель ордена полностью отрицал мирские блага и, сам отказавшись от собственности, завещал своим последователям жить в нищете.

Некоторое время так и было, но потом среди братьев возобладали греховные устремления, и вскоре жизнь в доминиканских монастырях уже трудно бы-

по названию аскетичной и высокодуховной. Тогда и возникло движение возвращения к принципам Доминика, а возглавил его Джованни Доменичи, человек нового времени. Истинный гуманист, он проповедовал не только учение Христа, но и идею ценности человеческой жизни, а также требовал от своих собратьев изучения классического наследия, образцов античной культуры. Его преданным сторонником стал фра Джованни. Он полностью посвятил себя служению Богу и — искусству, поскольку искусство его было во славу Господа. Анжелико вставал в два часа ночи, шел на всюнощную, неустанно возносил молитвы Всевышнему, питался скудно и работал, работал... Благо, в монастыре его снабжали кистями и красками в нужном количестве — об этом беспокоиться не требовалось. А еще был покой и отсутствие общения с другими художниками, что дало Анжелико возможность развить свой собственный стиль. Он занимается самыми разными вещами: расписывает манускрипты — в монастыре делали книги, пишет большие картины. И постепенно становится известным, его слава выходит за пределы монастырских стен.

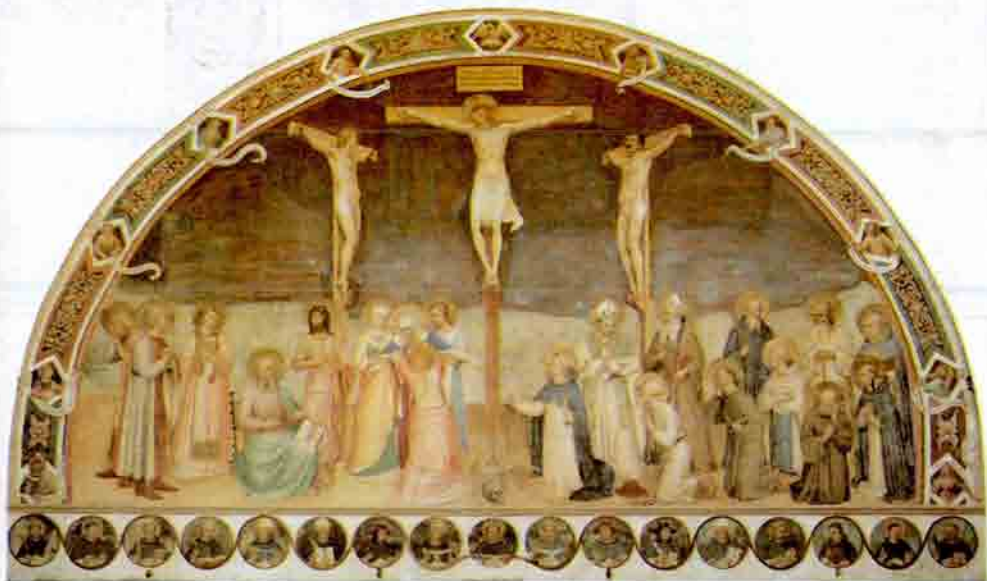
Одна из наиболее значительных работ тех лет — “Благовещение” (1430). Архангел Гавриил является к Деве Марии, дабы сообщить ей, что она станет матерью Христа. Анжелико пишет своих героев на фоне некоей лоджии с колоннами, точь в точь той, что была построена Брунеллески для флорентийского госпиталя. Поместив евангельский сюжет в абсолютно реалистический антураж, Анжелико заложил традицию, которой стали следовать художники Возрождения.

Первый значительный заказ он получает в 1433 году от гильдии флорентийских ткачей, для их резиденции на пьядца Санта Андреа. Это ставший впоследствии знаменитым триптих Линаули. Панели триптиха были вставлены в мраморные рамы и деревянные створки работы Лоренцо Гиберти, выдающегося флорентийского скульптора. Эта работа имела большой успех. На центральной створке Анжелико изобразил Мадонну с Младенцем, а на боковых — Иоанна Крестителя и Иоанна Евангелиста; на внешней стороне створок (видных, когда алтарь закрыт) — святых Марка и Петра. Все фигуры у художника-монаха получились на редкость живые. И, скорее всего, Анжелико в этом очень помог Гиберти, который в своих дневниках рассказывал, как он снабжал художников и скульпторов моделями из воска и глины. Встреча с гениальным мастером не могла не оказать влияния на молодого художника. Гиберти, истинный художник Возрождения, утверждал: “Самое главное — точно соблюдать пропорции и во всем стремиться подражать природе”.

Все эти годы Флоренцию раздирает борьба двух кланов — Альбицци, стоявших во главе города, и Медичи, вождей оппозиции. В 1433 году Козимо Медичи вместе со всеми своими друзьями и родственниками был арестован и сослан из города на десять лет. Однако в конце 1434 года тайные сторонники Медичи устраивают переворот, и уже теперь Альбицци отправляются в изгнание, а Козимо Медичи со своими приверженцами с триумфом возвращается во Флоренцию. На долгие годы члены семейства Медичи становятся некоронованными правителями Тосканы. Мудрому, обаятельному, ценящему искусства и науки герцогу Козимо суждено править Флоренцией тридцать лет. Этот блестящий политик и дипломат уберег свой город от разрушительных войн и потрясений. При нем Флоренция поистине расцвела, став еще прекрасней и могущественней. Он сумел привлечь в город и заставил работать на себя — и на благо Флоренции — самых лучших архитекторов и художников того времени, и среди них — замечательный мастер фра Анжелико.

Возвращение Козимо Медичи из изгнания ознаменовало начало новой жизни для флорентийских доминиканцев. В те времена во Флоренции жил папа Евгений IV, и герцог упросил его передать доминиканцам монастырь Сан-Марко, ранее при-

Распятие со святыми. 1441–1442.

надлежавший сильтвстринцам. Доминиканцы с благодарностью приняли подарок. Монастырь оказался в жутком состоянии — собственно, это были настоящие руины. И пока сильтвстринцы пытались отстаивать свою собственность, монахи жили в сырых кельях и деревянных лачугах. Наконец, Собор в Базеле утвердил передачу монастыря доминиканцам, и начались восстановление и перестройка монастырских зданий. Эти работы поручили Микелоццо.

Микелоццо ди Бартоломео родился в 1396 году. Его первым учителем стал Гибerti, с которым он работал над созданием знаменитых врат Баптистерия. Позже он вместе с Донателло, еще одним титаном Возрождения, создал серию монументальных гробниц. Но настоящая слава к нему пришла, когда он обратил свое внимание на архитектуру. Микелоццо был предан своему покровителю Козимо Медичи, и когда тот вынужден был отправиться в изгнание, Микелоццо последовал за своим господином. Неудивительно, что именно ему Козимо Медичи поручил перестройку монастыря Сан-Марко. Ну, а расписывать стены монастырских строений приглашают фра Джованни. И начинает он с нового алтаря для церкви в Сан-Марко. В 1438 году другой замечательный итальянский живописец Доменико Венециано писал: "Не много найдется во Флоренции мастеров, столь же искусных, как фра Джованни, и столь же трудолюбивых". И действительно, фра Джованни умеет в этой жизни делать только две вещи — молиться и трудиться, и делает он и то, и другое с одинаковой истовостью.

В 1440 году он перебирается в Сан-Марко, становится членом братства монастыря и продолжает создавать фрески, признанные ныне шедеврами мирового искусства.

Почти десять лет длилась эта титаническая работа.

Одной из самых необычных и ярких фресок, выполненных Анжелико в Сан-Марко, стало "Преображение Господне". Иисус с руками, повторяющими их положение на кресте (Анжелико первым изобразил Христа в такой позе), сияние, исхо-

Святые жены. Деталь распятия.

Ад. Деталь Страшного суда. 1431

дящее от его фигуры, и потрясенные апостолы, а слева и справа от Христа — головы пророков Илии и Моисея. А еще Богоматерь и святой Доминик — они тоже тут. Все предельно ясно, лаконично и глубоко символично. Эта фреска производила — и производит сейчас — колоссальное впечатление на зрителей...

Среди фресок Сан-Марко есть еще одна, очень необычная. Это "Осмеяние Христа". Здесь художник использовал целый набор символов. Картина выглядит поразительно современно и кажется почти что сюрреалистической — эти руки, бьющие Христа по щекам, человек, плюющий ему в лицо, и сам Христос с завязанными глазами, и отрешенные Богоматерь и святой Доминик.

Примерно в 1445 году папа Евгений IV, проживший до того несколько лет во Флоренции и хорошо знавший творения мастера, зовет фра Джованни приехать в Рим. Его ждут работы в капелле собора Святого Петра. Пообщавшись с художником, папа высоко оценил не только его дар живописца, но и личностные качества, и когда во Флоренции освободилась кафедра архиепископа, даже предложил ему этот пост. (При этом Сеньория в качестве кандидатов выдвигала таких почтенных людей, как Донато Медичи, помощника настоятеля флорентийского собора Джованни ди Нирони ди Низино, епископа Фьезоле Бенедикто Федериги, епископа Вольтерры Роберто Кавальканти и секретаря Сеньории каноника Андреа.) Но церковная карьера фра Джованни не интересна, и он рекомендует назначить архиепископом вместо себя настоятеля Сан-Марко фра Антонио Пьероцци, как он полагал, человека чрезвычайно достойного. И папа принял его предложение — архиепископом Флоренции стал фра Антонио. Все это говорит, что духовный авторитет Анжелико был невероятно высок — его советам и рекомендациям следовал даже сам папа!

В Риме Анжелико прожил до 1448 года. После смерти Евгения папой стал Николай V. Человек возрожденческого склада, он живо интересовался всеми новыми философскими и естественнонаучными теориями своего времени и старался собрать при своем дворе самых умных, самых талантливых ученых, литераторов и художников. В его планы не входило отпускать от себя такого глубокого и яркого живописца, как фра Джованни, и он поручил ему расписывать папскую часовню в Ватикане, кабинет папы и потолок капеллы дела Маданна ди Сан-Брицио. Фра Джованни выполнил в капелле две фрески — "Христос в окружении ангелов" и "Шестнадцать пророков", когда случилось страшное несчастье, заставившее его прервать работу, а потом и вовсе отказаться от нее. Он просто не мог больше трудиться в этих стенах, где его племянник и помощник, которого он нежно любил, талантливый мальчик, которому его дар сулил блестящее будущее, упал с лесов и разбился насмерть. Фра Джованни глубоко переживал эту утрату. Чтобы хоть как-то отвлечься, он уезжает из Рима.

Его духовный авторитет высок как никогда, и вот уже он становится настоятелем доминиканского монастыря во Фьезоле. Однако духовный сан не мешает ему работать, поскольку его искусство — это его вид служения, и фра Джованни отдается ему целиком и полностью, создавая шедевр за шедевром. Среди работ тех лет выделяются "Сцены из жизни Христа", украшавшие створки шкафа для церковной утвари, а стоял этот шкаф во флорентийской церкви Сантиссима Аннунциата. До нашего времени сохранились 35 квадратных панелей (37 на 37 см), из которых 32 написаны Анжелико. Эти картины отличает острота рисунка и эмоциональность, обычно не свойственная спокойному и гармоничному Анжелико.

Приблизительно в 1453 году Анжелико снова призван папой в Рим, и не подчиниться он не имеет права. Его ждет очередной папский заказ. И снова нескончаемый труд, лишь на короткое время прерываемый молитвой.

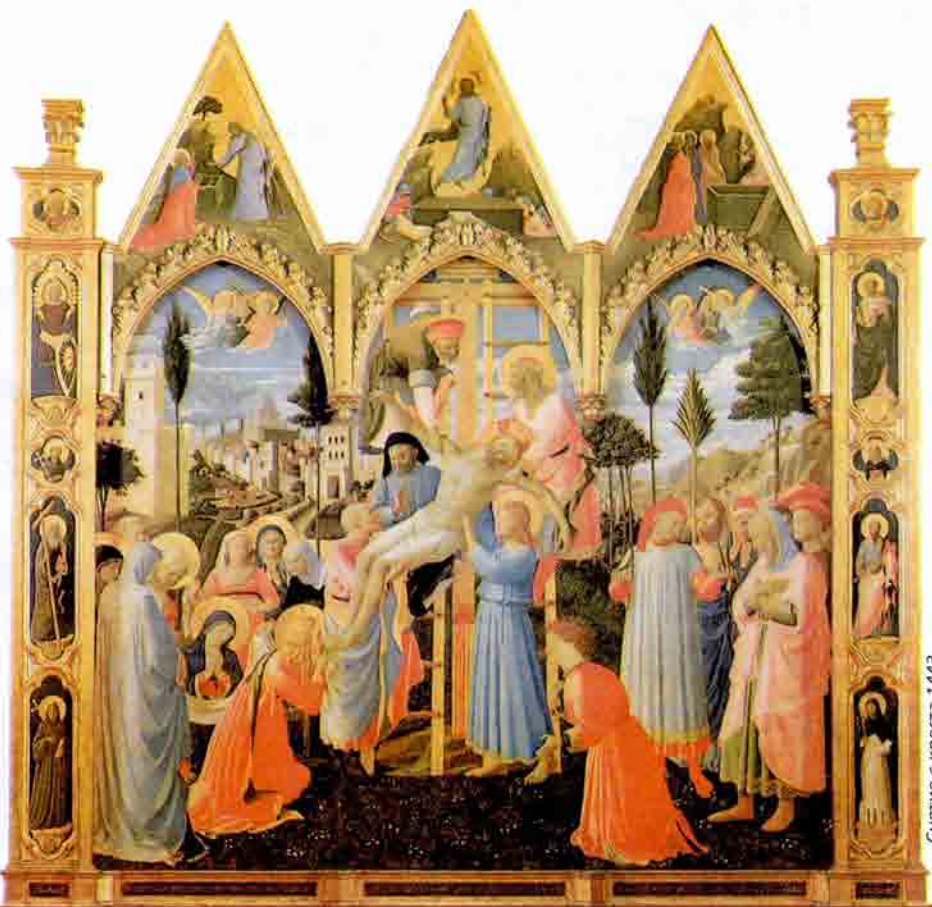
В феврале 1455 года фра Джованни не стало. Его покровитель и тонкий ценитель папа Николай V пережил художника всего на несколько недель...

Фра Джованни похоронили в римской церкви Санта Мария sopra Минерва. Над гробницей установили скульптуру — строгий монах в скорбной позе.

Прошло совсем немного времени, и фра Джованни появился в сочинениях доминиканца Доменико да Корелла, где автор так пишет о нем: "Ангельский художник по имени Джованни, не менее великий, чем Джотто и Чимабуэ". А в конце века известный поэт Джованни Санти в своей поэме ставит фра Джованни в один ряд с самыми лучшими художниками Флоренции, называя его "монахом пламенной веры".

В 1492 году умер герцог Лоренцо Медичи, человек тонкого вкуса и острого ума, сделавший необыкновенно много для искусства. Вместе с ним ушла в прошлое эпоха расцвета Флоренции. Наследник Лоренцо, его сын Пьетро, недаром получил в народе прозвище "Неудачник" — ему удалось потерять все, что с таким трудом заполучил отец. Он позорно капитулировал перед французским королем Карлом VIII, и тогда флорентийцы отстранили его от власти, изгнали Медичи из города и восстановили республиканское правление. В городе настали черные времена, и их провозвестником стал собрат фра Джованни, монах из Сан-Марко Джироламо Савонарола. В его страстных проповедях звучало осуждение папской власти, лживости и лицемерия двора папы. Неистовый доминиканец призывал вернуться к истинному христианству и проклинал погрязших в грехе, похотливых, жадных и лживых правителей, как светских, так и церковных. "О Флоренция! О Рим! Вы тяжко больны! Господи, яви Свое Милосердие!" — слова Савонаролы терзали души флорентийцев. Вот-вот, предупредил он своих слушателей, наступит Страшный суд, и тогда никто не избежит Божьей кары! Красноречие его завораживало и пугало флорентийцев, и вот уже они готовы следовать за ним хоть на Голгофу! При поддержке Франции Савонарола изгоняет из города Медичи и основывает во Флоренции республику теократического типа, провозгласив королем города самого Христа. В этом новом пропитанном верой государстве особая роль принадлежит искусству — это теперь мощное средство пропаганды. Ну, а среди всех художников, достойных внимания, по мнению Савонаролы, первое место по праву принадлежит, конечно же, его брату во Христе, монаху-доминиканцу фра Джованни. Его искусство провозглашается как единственное, пропитанное святым чувством и соответствующее высоким идеалам истинного христианства. И, конечно же, шедевры фра Анжелико, Ангела живописи — так художника стали называть после смерти — могли быть созданы только благодаря его вере, его святости, его истинному целомудрию и смирению. Правление Савонаролы во Флоренции было недолгим — в конце концов, его враги осадили монастырь Сан-Марко и, захватив его и двух близких к нему доминиканцев, отвели их в тюрьму. После допросов и судебных заседаний пламенный монах был осужден как еретик и приговорен к казни. 23 мая 1498 года в самом сердце Флоренции, на прекрасной площади Сеньории, при огромном стечении народа приговор привели в исполнение. Совсем недавно Савонарола, проклиная папу и всех власть имущих, был готов броситься в огонь, чтобы доказать истинность своих речей, — в этом случае Бог, утверждал монах, обязательно дарует ему милость, и он, Савонарола, выйдет из огня живым и невредимым. Однако получить милость Божью ему не довелось — в страшных мучениях он сгорел в огне костра.

Савонарола погиб, но его восприятие фра Анжелико осталось, легенда о монахе-художнике, писавшем картины чуть ли не под непосредственным Божьим руко-

Снятие с креста. 1443.

водством, утвердилась в сознании потомков. О нем складывали легенды. Рассказывали, что он не брался за кисть, не помолившись, а когда писал Распятие, слезы струились по его щекам. Джон Рескин, известный английский критик, говорил, что фра Анжелико "был не живописцем в строгом смысле этого слова, но вдохновенным святым". Наверное, во многом это правда, и действительно, его вдохновение было в огромной степени вызвано верой во Христа, и образы, им созданные, пропитаны идеями христианства. Но все-таки не следует так суживать значение великого мастера, иначе почему его гениальные творения, пережив века, трогают души людей самых разных конфессий и верований, почему замирает сердце при виде его созданий и у вовсе не верующих?

И происходит это, прежде всего, потому, что Анжелико — новатор и по живописному языку, и в композиции, провозвестник идей Возрождения, на долгие годы определивших пути развития европейского искусства, а главное — великий мастер, чьи создания согреты искренностью и душевным теплом, мастер, сумевший создать живые и одухотворенные образы, которые никогда не перестанут восхищать и волновать человеческие сердца.

АНТАРКТИЧЕСКИЙ КОНТИНЕНТЪ

Terra Au

stralis incognita

иллюстрация **Геннадия Новожилова**

■ "Расширел Океан... Эти людишки дерзнули приблизиться к полярному кругу! Какова наглость: сунуться в сонмище айсбергов! Возомнили, что он пропустил их в святилище, позволит приподнять завесу над его тайной!

Заревел Океан, застонал, завыл... Стаи бешеных шквалов обрушились на шлюпы, голодными шакалами растерзали в клочья паруса. Полюбуйтесь: то, что доступно взору, — всего лишь восьмая часть, и Океан играючи переворачивает громадные айсберги. От жуткого гула кровь должна стечь в жилах. Не застыла? А если так? Ужасающий грохот сотрясает воздух, и каскад осколков с треском засыпает палубы — Океан столкнул ледяные гиганты. Страшно?.. Слышать и не видеть еще страшней. В сгустившемся тумане "ночные трубы", что мертвому припарки. Часовые силятся заметить опасность до столкновения. Удар большой льдины — и корабль пойдет ко дну.

"Пингвины, как бы радуясь нашей невзгоде, окружили нас во множестве, надоедая своим диким концертом; даже неповоротливые киты отчего-то необыкновенно разыгрались; они выскакивали из воды стоймя на две трети своей длины, потом ныряли, показывая свой широкий хвост — это была настоящая пляска морских чудовищ..."¹

Не забыть русским морякам их первое "покушение" пробиться к Южному полюсу: 4 января 1820 года экспедиция русских военных моряков Беллинсгаузена — Лазарева дошла до южной широты 60°25'20", и здесь ей преградил путь сплошной лед. Почти полвека назад он так же не пропустил прославленного английского мореплавателя Джеймса Кука.

Второе "покушение" едва не стоило жизни смельчакам. "Восток" и "Мирный", "преследуемые льдами", упрямо пробивались к юго-востоку. Вокруг до полусотни айсбергов и множество льдин. А ветер все крепчает, "море разыгрывалось; от горизонता стали подниматься облака, мрак распространился и скрыл от нас ледяные острова, которыми мы были точно опоясаны. Убавили парусов, чтобы уменьшить ход шлюпов... и шлюп наш должен был пробираться между льдом и писать странные узоры..." — записал Новосильский в журнал после вахты. Но в этой крошечной мгле столкновения не избежали. "Ужасный удар, полученный шлюпом, мгновенно разбудил меня; я бросился на палубу, все офицеры сделали то же, и что же видим? За кормой большая льдина медленно удаляется от шлюпа... "Мирный" ударился о нее прямо форштевнем. Слава Богу, что не ударился скулой, тогда бы гибель наша была неизбежна".

К счастью, повреждения не были серьезными. Через сутки туман ослаб, среди ледяных полей отыскался узкий проход, куда устремились шлюпы. Через 8 миль другой канал, еще 7 миль на север — и вырвались из ледового плена. Беллинсгаузен ведет корабли вдоль сплошной высоченной стены... Есть проход! И вновь моряки врезаются во льды, держа курс к югу. Каждая пройденная миля наполняет сердца ликованием. 14 января парусники уже в широте 63°49', еще немного — и они пересекли полярный круг².

Джеймсу Куку несколько раз это удалось, но пионером был Дирк Гееритц. В 1559 году в Магеллановом проливе шторм разметал эскадру. Потеряв своих, Гееритц направил судно к Югу. Тогда же голландцы наткнулись на высокую землю. Неужели это она, таинственная земля, о которой грезят все мореплаватели? С древнейших времен люди верили, что где-то далеко на Юге простирается обширная суша. Уже во II веке на карте мира величайшего греческого ученого Клавдия Птолемея "Terra incognita" соединяла Африку с Азией. В атласе (1595) выдающегося картографа португальца Гергарда Меркатора этот таинственный материк называется "Terra Australis incognita" (неведомая Южная земля).

"В природе все уравновешено, а потому не может одно полушарие планеты быть "тяжелее" другого", — уверен Пьер Луи Моро де Монпертюи³ — французский астроном, математик, географ, биолог и философ (1698-1759). Следовательно, в Южном полушарии непременно существует материк по площади никак не меньше Азии. Английский же географ и мореплаватель, королевский гидрограф Александр Дальримпл (1737-1808) рассчитал: население неведомой земли не менее 50 миллионов. Теории теориями, а материка никто не видел, но все знали о его сказочных богатствах. С ними даже Индия не сравнится! А какие экзотические птицы и звери заселяют загадочную Terra Australis incognita!

Через 220 лет после Гееритца к той же земле буря вынесет англичан, они назовут ее Южной Шетландией. Об этом русские моряки узнают только в Австралии, где их ждала депеша. Оказывается, после их ухода из Рио-де-Жанейро пришло известие, что купеческий бриг "Виллиам", отброшенный штормами к югу, наткнулся на Антарктический материк!

"Отсюда (из полярного круга — Л.Р.) направили мы курс свой к Южной Шетландии, открытой в 1819 г. капитаном Смитом... Но так как в Англии... и во всей Европе заключили, что открылась, наконец, та матерая на юге земля, которую так долго искали, и существование коей сидевшие философы в кабинетах своих полагали необходимым для равновесия земного шара, то мы по одному названию Южной экспедиции обязанностью почли такое заключение или еще более подтвердить, или вовсе оное опровергнуть... а потому 23 января, придя на вид западной оконечности оной... пошли на южную сторону. Южная Шетландия есть не что иное, как гряда разной величины островов чрезмерной высоты, покрытых вечным снегом и простирающихся... около 300 миль... Вот тебе и South Continent..."

Эти строки Лазарев напишет другу год спустя, а пока экспедиция вновь пересекает полярный круг. 15 января она достигла широты 66°54'. Неужто именно здесь посчастливится приблизиться к полюсу?! Но 16-го в широте 69°25' моряки "встретили матерой лед чрезвычайной высоты". Пришлось поворачивать и идти дальше. Если бы они только знали, что остановившая их преграда — это шельфовый ледник, что всего в 20 милях лежит многовековая мечта человечества — голубой континент, на поиски которого они пришли с другого конца света.

Сюда же в 1948 году подойдет наш пароход "Слава". "Мы имели прекрасные условия видимости при ясном небе и отчетливо видели все побережье и горные вершины в глубине континента... Когда здесь же находился Беллинсгаузен, то дальность видимости была чрезвычайно ограниченная, и он не мог наблюдать и обозревать горных вершин, находящихся к югу и юго-западу. Описываемые Беллинсгаузеном бугристые льды, простиравшиеся с запада на восток в этом районе, вполне соответствуют форме рельефа береговой полосы Земли принцессы Марты".

В предисловии к английскому переводу книги Беллинсгаузена (1945) исследователь Антарктики Франк Дебенхем писал: "... нельзя было дать лучшего описания сотням миль антарктического материка, каким мы теперь его знаем". Франк Дебенхем уверен, что Беллинсгаузен "видел материк, но не опознал его как таковой".

Вторично военные моряки подошли вплотную к земле 21 января, а с 1 по 6 февраля достигли широты 69° 7' 30". Так неужели действительно они не подозревали, что нашли искомое? Столько раз видели голубой материк, но так и не поняли, что совершили величайшее открытие человечества? Нет, понимали, чувство-

вали, знали, но для констатации факта "обретения" русские моряки считали это недостаточным — они не видели саму землю.

И все-таки они ее открыли. Океан окончательно взбесился и обрушил на парусники невиданной силы шторм. "Волны подымались, как гора, шлюп то возносился на вершины их, то бросаем был в изрытые водяные пропасти. Эта ночь была одна из самых неприятнейших и опасных. Кругом льды, между тем темно и пасмурно, густой снег, соединяясь с брызгами разносимой повсюду вихрем седой пены валов, обнял наш шлюп каким-то страшным хаосом; присоедините к этому свист ветра в обледенелых снастях, скрип перегородок в шлюпе, бросаемом с боку на бок, по временам мелькающие в темноте, как привидения, ледяные громады, присоедините к этому пушечные выстрелы и фальшфейерный огонь⁴, так ярко освещающий этот мрак и бурю, и будете иметь только слабую, бледную картину всех ужасов этой ночи! На море часто видишь и понимаешь, как ничтожны все усилия человеческие..."

А Всевышний радовался успеху отважных моряков, осветил их путь, не позволил Океану погубить. Неожиданно облака пронизал необычный свет, стали появляться и исчезать синевато-светлые столбы, которые то расходились длинными лучами, то волнистой лентой пробегали по небосводу, "иногда полнеба вспыхивало красным огнем, словом, нам представилось во всем блеске величественное изумительное южное сияние. Были такие моменты, что матросы думали, что небо в самом деле загорелось. Рулевой невольно вне себя вскрикнул: горит! горит! Во всю ночь так было светло, что можно было читать книгу самой мелкой печати, и все непрозрачные предметы бросили от себя тень подобно тому, как это бывает днем при солнце, подернутом легкими облаками..." /Новосильский/

"Восток" и "Мирный" 104 дня в море, южное полярное лето прошло, наступает период штормов, которые корабли не выдержат. Беллинсгаузен решает оставить большие широты, чтобы вернуться сюда в ноябре, "но дабы и сие плавание учинить полезным для мореплавателей или гидрографических сведений, я рассудил обозреть великое пространство моря... никем еще не посещаемое..." До возвращения к полярному кругу экспедиция откроет целые архипелаги: к востоку от Таити — острова Россиян (среди них Кутузова, Раевского, Ермолова, Грейга, Баркляя-де-Толли, Волконского, Витгенштейна...), затем Восток, Оно, Михайлова и Симонова... — всего 29 островов.

Открытия и закрытия

Сколько мореплавателей искренне считали, что нашли Terra Australis incognita, но каждый раз это оказывалась не она. И мужественные романтики моря вновь и вновь пускались на ее поиски. Шаг за шагом приближались люди к заветной цели.

В 1502 году свирепая буря увлекла корабли Америго Веспуччи далеко на юг. По приходу океана человек, чье имя носит континент, открытый Колумбом, вероятно, первым оказался в водах Антарктики. Там испанцы увидели землю. В 1675 году Ларош назовет ее Южной Георгией, а ровно столетие спустя Кук докажет, что это остров, а не искомый материк.

В 1520 году легендарный Магеллан откроет пролив, соединяющий два океана, и примет Огненную Землю за оконечность Южного континента. Через 58 лет, пройдя этим путем, знаменитый пират английской королевы Френсис Дрейк сделает свое открытие. Его моряки негодовали, что Магеллан назвал океан Тихим: 52 дня их трепал шторм невиданной силы, отбросив "Золотую лань" дале-

ко на юг. "Наш адмирал истолковал это как особую милость providения, которая дала ему возможность исследовать и ту часть страны, что находится к югу от пролива, и которую испанцы и португальцы не исследовали, назвав Terra incognita — Земля Неизвестная. Это не материк, как полагали спутники Магеллана, а ряд больших и маленьких островков, за которыми лежит беспредельное море..."

В очередной раз Испания посылает на поиски Terra Australis incognita три судна, которые возглавил португалец Педро Фернандес Кирос. И он открыл ее в 1606 году, назвав Землей Эспириту-Санто (Духа Святого). Тогда же голландец Виллем Янсуон первым из европейцев достиг берегов Австралии, назвав ее Новой Голландией. Она, конечно, часть большой земли! Только в 1642 году другой голландец — Абел Тасман докажет, что Новая Голландия с юга омывается океаном. Тасман устремится дальше в поисках ускользающего призрака. Вскоре он увидел землю. Это была Новая Зеландия — очередная Terra incognita.

В XVIII столетии поисками Южной земли вплотную занялись французы. 1 января 1739 года Жан Буве де Лозье, плывая в антарктических водах Атлантического океана, наконец-то дошел до таинственного материка, и на карте появляется его мыс. Позже окажется, что это остров.

В 1766 году Луи Антуан де Бугенвиль возглавил научную экспедицию, в его задачи входит и поиск исчезнувшей куда-то Земли Эспириту-Санто, которая вот уже 160 лет считается частью Южного материка. Непременно ее найти и обследовать! Бугенвиль нашел и убедился, что это остров. А существует ли вообще Terra incognita? "География — наука фактов... Я путешественник и моряк, то есть лгун и глупец в глазах той клики ленивых и надменных писателей, которые в тиши своих кабинетов бесконечно философствуют о мире и его обитателях и упорно пытаются подчинить природу своим вымыслам".

Скорее всего, этой земли вообще нет в природе. Но в 1772 году соотечественник Бугенвиля Жозеф де Керглен-Тремарек в который раз откроет Антарктиду и назовет обретенную им землю на юге Индийского океана Кергленовой Землей. (Она окажется архипелагом.)

"Лжецом" прослыл не только Бугенвиль. Вслед за академиком удар по теории сказочно богатой и густо заселенной таинственной земли нанес адмирал Джеймс Кук. Во время первой кругосветной экспедиции (1768-1771) он обошел Новую Зеландию. Это не выступ великого материка, это — острова, и к югу от них земли больше нет! Ученые и адмиралы отказываются верить в заявление Кука. Дальримпль обвиняет его во лжи. Мореплаватель плохо искал! Послать другую экспедицию!

На поиски призрака адмирал вновь вышел в июле 1772 года. Он спустился гораздо южнее тех мест, где побывал в прошлый раз. 80 дней среди льдов, три пересечения полярного круга, почти три длины земного экватора пройдено. Легендарный Кук открыл массу новых островов, но большой земли не нашел.

Нелегко отказываться от мечты. В 1785 году "для славы Франции и для свершения научных открытий" отправился в кругосветное плавание знаменитый Жан Франсуа де Галло, граф де Лаперуз. Одна из задач экспедиции — пройти по следам Кука и дополнить его географические открытия в Тихом океане. Именно при ее исполнении Лаперуз исчезает. Только в 1828 году Дюмон-Дюрвиль обнаружит место крушения кораблей — остров Ваникоро. В следующую экспедицию (1838-1840) Дюмон-Дюрвиллю посчастливится пробиться к Антарктиде, открыть острова и Земли Луи Филиппа, Адели, берег Клари.

Одни мореплаватели открывали и наносили на карты, другие — “закрывали” и вычеркивали. Искали землю португальцы, голландцы, испанцы, англичане, французы. Настало время русских. Европейцы поверили заявлению Кука и прекратили поиски материка, но авторитет великого мореплавателя не удержал россиян. “За эту заслугу имя Беллинсгаузена можно прямо поставить наряду с именами Колумба и Магеллана, с именами тех людей, которые не отступали перед трудностями и воображаемыми невозможностями, созданными их предшественниками, с именами людей, которые шли своим самостоятельным путем и потому были разрушителями преград к открытиям, которыми обозначаются эпохи”, — напишет в 1867 году немецкий географ Петерман.

В поисках голубого призрака

Воздать должное Беллинсгаузену — правильно, но инициаторами экспедиции стали Крузенштерн и Коцебу. Проект же ее составили начальник первого русского кругосветного плавания Иван Федорович Крузенштерн и выдающийся гидрограф адмирал Гавриил Андреевич Сарычев.

В обширном письме к морскому министру маркизу де Траверсе от 31 марта 1819 года Крузенштерн подробно изложил задачи экспедиции. Кроме поиска материка, она должна была “проверить все неверное в южной половине Великого океана и пополнить все находящиеся в оном недостатки, дабы она могла признана быть... заключительным путешествием в сем море. Славу такового предприятия не должны мы допускать отнять другим у нас, она в продолжение краткого времени достигнется непременно в удел англичанам или французам. По сим-то причинам почитаю я сие предприятие одним из важнейших, как когда-либо предначинаемы были... Путешествие единственно предпринять к обогащению познаний имеет, конечно, увенчаться признательностью и удивлением позднейшего потомства...”

Сам адмирал из-за болезни возглавить экспедицию не мог и настаивал поручить это важное путешествие Беллинсгаузену. “Наш флот, конечно, богат предпримчивыми и искусными офицерами, однако из всех тех, коих я знаю, не может никто, кроме Головнина, сравняться с Беллинсгаузеном”.

Современники отзывались о Фаддее Фаддеевиче как о смелом, решительном, знающем свое дело командире; Лазарев назовет “искусным, неустрашимым моряком” и “отличным, теплой души человеком”.

В Морском корпусе он выделялся среди кадетов своими знаниями по навигации и мореходной астрономии. Гардемарином совершил плавание к берегам Англии, затем на различных судах плавал по Балтийскому морю. В 1803 году фрегаты “Надежда” и “Нева” покинули Кронштадт — началось первое русское кругосветное плавание. На первом корабле был и Беллинсгаузен, которого командующий флотом вице-адмирал Ханыков рекомендовал Крузенштерну. Позже Иван Федорович напишет о роли Фаддея Фаддеевича в экспедиции: “Все почти карты рисованы сим последним искусным офицером, который в то же время являет в себе способность хорошего гидрографа; он же составил и генеральную карту”.

После возвращения из кругосветного плавания капитан-лейтенант Беллинсгаузен командовал фрегатами на Балтийском и Черном морях. Карты побережья последнего содержали массу неточностей, и Фаддей Фаддеевич составил собственную. Его признают лучшим гидрографом Черноморского флота. Много работы на юге, но ее прерывает срочный вызов морского министра: Крузенштерн добился-таки назначения Беллинсгаузена начальником экспедиции и ко-

мандиром шлюпа "Восток". Приказ будет подписан ровно за месяц до выхода кораблей из Кронштадта. Командиром "Мирного" назначили Михаила Петровича Лазарева. Для обоих это была вторая кругосветная экспедиция.

В подготовке путешествия участвовали многие ведомства. Подробные инструкции для нее разработали Адмиралтейств-коллегия, Морское министерство, Академия наук; инструкции "С изложением задач и плана экспедиции к Южному полюсу", "о сохранении здоровья людей", "об астрономических, гидрографических, этнографических и других наблюдениях", "о научной работе ученых", "о начертании некоторых предметов по ученой и художественной части"... В инструкции, составленной при участии Крузенштерна, говорилось: "Идти к северу там, где Кук шел к югу, идти к югу там, где Кук шел к северу".

Корабли снабдили лучшими по тому времени астрономическими и мореходными инструментами, в том числе хронометрами и секстанами, изготовленными лучшими английскими мастерами. Связь между шлюпами велась через телеграф, изобретенный капитан-лейтенантом Бутаковым, он же издал и "Морской телеграфный словарь".

На каждом шлюпе — библиотека, в которой все вышедшие в свет описания морских путешествий на русском, английском и французском языках; сочинения по геодезии и земному магнетизму, астрономии и навигации, лоции и наставления для плавания, различные мореходные таблицы и небесные атласы, морские календари и ежегодники...

Офицеры и матросы набирались исключительно из добровольцев. С военными моряками в экспедицию отправились выдающийся астроном — профессор Казанского университета Иван Михайлович Симонов, будущий академик живописи художник Павел Николаевич Михайлов, иеромонах Дионисий. Предполагалось, что в Копенгагене к ним присоединятся Кунц и Мертенс — немецкие натуралисты. Беллинсгаузен протестовал против включения иностранцев, доказывал, что немало отечественных специалистов сочтут за честь участвовать в первой антарктической экспедиции. Иностранцев не оказалось на шлюпах, они отказались в последнюю минуту из-за чрезвычайного риска.

4 июля 1819 года "Восток" и "Мирный" подняли паруса. Что ждет их?

А их ждали пингвины. Хозяева южных полярных стран, громко крича хриплыми голосами, с любопытством подплывают к шлюпам. Чудно они входят в воду: "линиями в совершенном порядке", а выходят "один за другим, гуськом, не торопясь и без малейшего замешательства". Пингвины разные, особенно красивые те, что повыше: шейки палевые, хохолки желтые, носы и глаза красные. Их на "Мирном" называли королевскими, а на "Востоке" — мандаринами. Взятых на шлюпы моряки пристрастили к солонине. С удовольствием едят! А еще им очень нравится, когда их обливают морской водой.

...Наконец подошли к району, где должны начаться исследования. "Дикие, неприступные скалы смотрели на нас очень неприветливо. В ущельях и на вершинах гор лежал глубокий снег; бурун с шумом разбивался о прибрежные камни... на небе висели темные густые тучи... снег и град шли попеременно, и пред нами гордо возвышался Южный Георгий, как исполин в черной броне, с убеленной главой, как грозный передовой страж таинственного Ледовитого моря!"

Описав "передовой страж", экспедиция направилась к "воротам Ледовитого океана — Сандвичевой земле, открытой Куком. По пути к ней заметили неизвестный берег, оказавшийся "кристальным островом". Отныне ледяные громадины станут неразлучными спутниками моряков. Но вскоре за айсбергом они откроют настоящие острова. Первую группу они назовут в честь морского мини-

стра "островами маркиза де Траверсе", а сами острова именами членов экспедиции — Лескова, Завадовского, Торсона.

Наконец 29 декабря сквозь туман появился берег Сандвичевой земли. "В сей бесплодной стране скитались мы, или, лучше сказать, блуждали, как тени, целый месяц; беспрестанный снег, льды и туманы были причиной столь долгой описи...", — писал Лазарев. Оказалось, что Кук ошибся: его земля — группа небольших островов. "Капитан Кук первый увидел сии берега, и потому имена, им данные, должны оставаться неизгладимы, дабы память о столь смелом мореплавателе могла достигнуть до позднейших потомков. По сей причине я называю сии острова Южными Сандвичевыми островами", — сообщил в рапорте Беллинсгаузен. Жаль, что названия островов, открытые русскими, не остались "неизгладимы".

И вот парусники "разрезают" полярный круг... Во вторую "ходку" военные моряки совершили 5 покушений проникнуть как можно ближе к полюсу: 30 ноября, 1, 14 и 29 декабря, а также с 9 по 16 января 1821 года.

В ночь на 9 января северная часть неба покрыта густыми темными облаками, южная — блистала светлой аркой. Шлюпы в ледяном заливе и к 6 утра достигли 69°53' южной широты. До ледяного берега можно пройти еще мили две, но сильный ветер задул прямо в залив. Видно, Океан желает выбросить смельчаков на виднеющийся берег. Необходимо выбраться, пока не случилась беда.

"Между тем киты пускали фонтаны, над нами летали ласточки и две эгмондские курицы; в воде, близ шлюпа, показался однажды какой-то черный зверь, что же это все значит? Мы смотрели с недоумением друг на друга и ожидали чего-то необыкновенного. Цвет воды несколько изменился: ветер как бы нашептал нам: берег! берег! Недолго продолжалось недоумение. В исходе четвертого часа пополудни явилось во льдах черное пятно; в то же время шлюп "Восток" делает сигнал, что видит землю. Мы поднимаем ответ. Берег! берег! повторяется всюду. Нельзя выразить радости, общего восторга. В это время из облаков блеснуло солнце, и лучи его осветили черные скалы высокого занесенного острова. Вскоре опять наступила мрачность, ветер засвежел, и явившийся нам в расстоянии 34 миль остров скрылся, как призрак". /Новосильский/

Это был не призрак, это была земля. Утром моряки увидели черные скалы и мысы высокого острова. Как же хочется пристать и взять хоть кусок гранита! Но бушующий океан окружил его со всех сторон густой массой разбитого льда. Нашли? Но не возьмете!

Да Бог с тобой, беснуйся... А мы назовем этот остров именем создателя нашего флота, именем императора Петра I. Как же он любил морскую стихию! Бушуй, раскачивай корабли, а моряки — счастливейшие из смертных — по струнке стоят на палубах. Шуми, ведь трехкратное "ура!" раскатом понеслось над Антарктидой. А лучше выпей с нами пунш за здоровье его императорского величества.

"Успехи нашего плавания сим еще не ограничились, ибо через 5 дней после сего открылся еще берег гораздо сего выше и пространнее... Высочайшая на нем гора, получившая наименование св. Георгия Победоносца, определена в широте 68°44'45" S, долготе 73°26'45"W..." /Лазарев/

"Я называю обретение сие берегом потому, что отдаленность другого конца к югу исчезла за предел зрения нашего. Сей берег покрыт снегом, но осыпи на горах и крутые скалы не имели снега. Внезапная перемена цвета на поверхности моря подает мысль, что берег обширен или, по крайней мере, состоит не из только части, которая находилась перед глазами нашими". /Беллинсгаузен/

Эту землю моряки открыли 19 января и назвали ее берегом императора Александра I.

"Открытие наиболее южного из известных материков было доблестно завоевано бесстрашным Беллинсгаузеном, и это завоевание на период более 20 лет оставалось за русскими", — напишет Джеймс Росс, руководитель английской антарктической экспедиции 1839-1843 годов.

...Все! Теперь домой. 24 июля шлюпки "Восток" и "Мирный" стали на якорь на Малом Кронштадтском рейде. За плечами почти 50 тысяч морских миль и 751 день плавания. Позади открытия и единоборство с Океаном, беспрестанные измерения температуры, солености, прозрачности и глубины воды. Позади изучение физико-химических свойств морских льдов и наблюдения над элементами земного магнетизма...

Какой же бесценный научный материал привезла экспедиция! Какие богатейшие этнографические, зоологические и ботанические коллекции собрала и передала музеям!

Самому Беллинсгаузену удалось разрешить немало сложных физико-географических проблем: он задолго до Дарвина разгадал тайну происхождения коралловых островов и объяснил происхождение морских водорослей в Саргассовом море. Многие идеи его теории льдообразования не потеряли своего значения.

После возвращения из экспедиции оба командира шлюпов продолжали прославлять свои имена и русский флот — Беллинсгаузен в русско-турецкой войне, а Лазарев в Наваринском сражении. Оба они готовили флоты к отражению вторжения в наши воды, которое было не за горами — Фаддей Фаддеевич — Балтийский, а Михаил Петрович — Черноморский. В один и тот же день их произвели в полные адмиралы.

Последняя должность адмирала Беллинсгаузена — главный командир Кронштадтского порта и Кронштадтский военный губернатор. Фаддей Фаддеевич строит новые гранитные гавани и форты, доки, совершенствует морскую артиллерию, издает труд "О прицеливании артиллерийских орудий на море". Он основал Кронштадтскую морскую библиотеку — одну из крупнейших в то время. Для балтийцев построил новые казармы, госпитали, увеличил мясной паек. Добился широкого развития огородов для снабжения овощами и озеленил город.

Прославленный мореплаватель снаряжал кругосветные экспедиции, чем немало способствовал их успехам.

Он не мог жить без моря. До самой своей смерти Беллинсгаузен выходил с эскадрой и руководил учениями.

13 января 1852 года в возрасте семидесяти двух лет прославленный адмирал скончался в Кронштадте.

Он любил море, любил людей, любил землю.

— Кронштадт надо обсадить такими деревьями, которые цвели бы прежде, чем флот пойдет в море, дабы на долю матроса досталась частица летнего древесного запаха.

¹ В очерке используются записки участника экспедиции мичмана П.М. Новосильского "Южный полюс"; письма командира шлюпа "Мирный" М.П. Лазарева к другу А.А. Шестакову и рапорты руководителя экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена морскому министру маркизу И.И. Траверсе.

² Северный и Южный полярные круги расположены в широтах 66°5'.

³ В 1736-1737 он возглавлял "лапландскую" экспедицию, проводившую меридиональные измерения в Финляндии; её результаты показали, что Земля — сфероид, сплюснутый у полюсов. В 1741 Монпертюи переехал в Берлин; с 1745 — президент Берлинской АН.

⁴ Стреляли из пушек и жгли фальшфейеры для показания места своего шлюпу "Восток", но как впоследствии узнали, он не слышал выстрелов и не видел огня. (Примечание Новосильского).

Ехал Грека

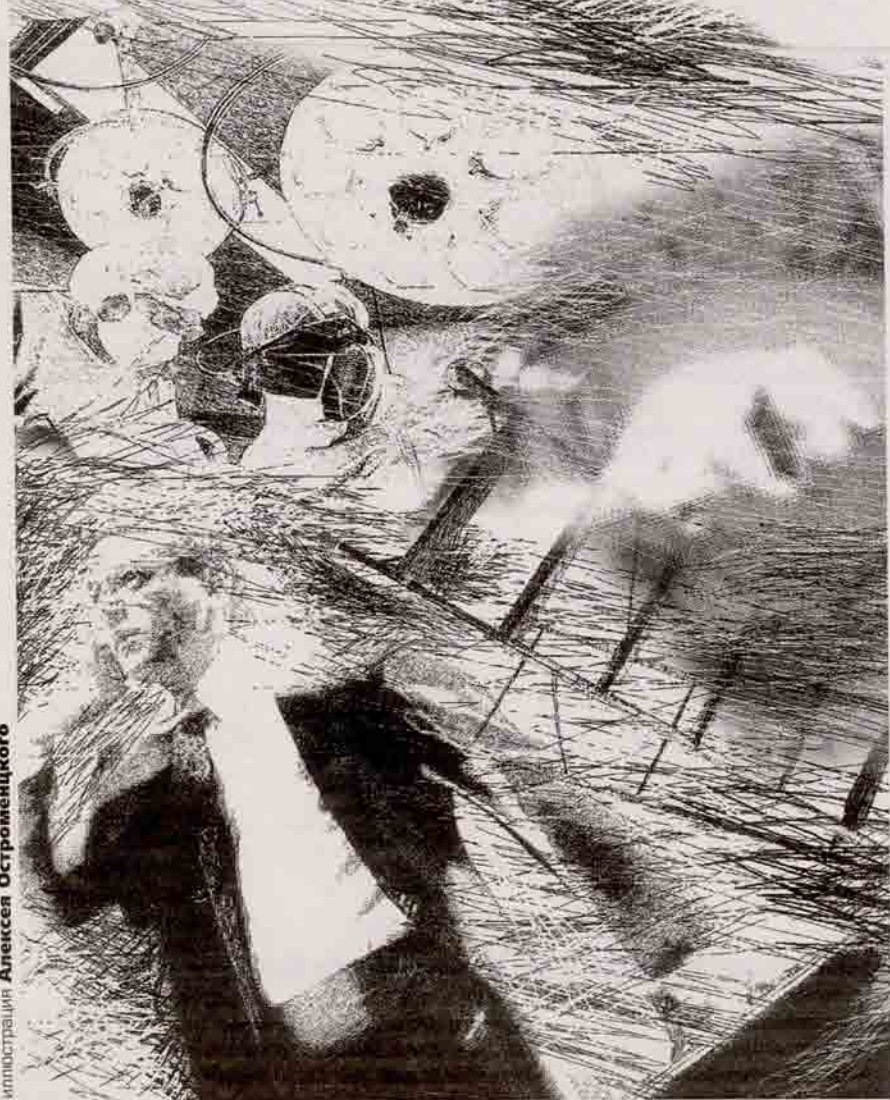

иллюстрация **Алексея Остроменцкого**

Через реку

1

Интересно, что Егор не любил дней рождения, отсчитывающих в убывающем порядке годы. А вот такие декабрьские вечера — любил.

Заперся в своем новом просторном кабинете, взгромоздил ноги на полированный стол и сигаретку вкусную закурил. Создал антураж для спокойного — и, чего уж скрывать, приятного — подведения итогов уходящего года.

Кстати, на всем этаже — никого. Да и не стал бы Греков при подчиненных ноги на стол задирать. Не настолько раскрепощен.

А может, и во всем здании уже никого. Только Греков и его итоги.

Итак, по порядку.

Он стал из и.о. коммерческого директора просто... директором! Такая разница пока не прибавила ему ни копейки зарплаты — выросла (и значительно) лишь должностная "вилка" оклада, однако сильно приподняла престиж. Да и в материальном плане тоже все-таки сказалась — соцпакет совсем другой.

А что, ему уже не вредно подумать о будущем, все-таки сороковник перескочил.

Это место в итоговых размышлениях Егору не понравилось, и он вернулся к прежней, более греющей душу теме.

Коммерческий директор — даже не пройденный, а перепрыгнутый этап. Получена высшая в этом представительстве должность, которая, кстати, при хорошем раскладе открывает путь и в центральный, лондонский офис.

Не сказать, чтобы он за нее сильно бился. По крайней мере, в интригах не участвовал. Были другие желающие поиграть в эти игры.

Он — работал. Днями, вечерами. А иногда — ночами. И, как ни странно, высокое начальство это усердие отметило.

Да и сложно не отметить: оборот за полтора года — столько он проходил в и.о. — почти удвоился. В то время как "Суперколот" — компания-конкурент — наоборот, более чем вдвое сдулась, освободив Грекову поле для игры.

И поделом: нечего было раздувать щеки. Егор не забыл, как семь лет назад пришел к ним наниматься на работу. Ой, как все было круто: очередь в приемной, тесты на засыпку, штатный психолог. Именно он отмел тогда кандидатуру Егора. Не взяла его в ассистенты менеджера. Не нашли в нем должной мотивации.

А какую мотивацию они хотели в нем найти?

Ну, выпускник физтеха. Ну, строил ракеты. Они, кстати, неплохо летали, да и сейчас еще стоят на боевом дежурстве, раза три срок эксплуатации продлевали, и еще не раз продлят. Делали-то — специалисты.

А тут — краску бытовую продавать. В принципе, для умного человека — ничего сложного. Не сложнее, чем организовать испытания где-нибудь на отдаленном полигоне: тоже сначала ничего никому не нужно, а завязал отношения, поговорил с кем надо, подружился с кем надо — и дело пошло.

Как сам же Греков и сформулировал: из хорошего физика всегда можно сделать отличного спекулянта. А вот наоборот — увы.

В команду он себе тоже предпочитал набирать бывших инженеров, причем до тошно интересовался их былыми успехами на техническом поприще. И пока что практика его выводы подтверждала.

Ну да вернемся к итогам года, — оборвал Егор цепочку не туда зашедших размышлений и вновь пыхнул ароматным дымком дорогой сигареты.

Команду, наконец, тоже можно считать собранной. Это было непросто, зато результаты радуют.

Сереза Смирнов, главный спец по продукту. Был хорошим химиком, стал хорошим продавцом-консультантом. Конечно, в магазинах покупатели с ним не общаются. Но на дилерских семинарах нет докладчика лучше: мало того, что здорово понимает, так еще и понятно объясняет. Именно через него Егор пропускает всех этих патлатых рекламных копирайтеров, которым что колготки рекламировать, что ракеты — все едино. А в его компании — нет; их полет фантазии целиком регулируется реальными свойствами продукта, благо, продукт действительно хороший.

Конечно, сам Егор с большим удовольствием продолжил бы заниматься чем-нибудь летающим, но раз не сложилось, он способен полюбить и такую приниженную бытовуху. Ну, пусть не полюбить — заинтересоваться.

Следующее удачное приобретение года — Семен Гольц. Егор давно его знает. С виду — мелкий проходимец, типичный доставала. В смысле — всех знает, все может достать. Греков тоже кое-чего через него покупал — не для себя, для сына. Гольц не подвел ни разу.

С предыдущей работы Сеню вышибли с треском. За махинации, приведшие к серьезным финансовым потерям. Греков махинаторов не любил, но в данном случае заинтересовался.

И не зря. Чутье не обмануло. Оказывается, господин Гольц старался исключительно для компании. Себе не взял ничего. И мысль была весьма забавной: закон-то ведь, что дышло. Ввез готовую технику — платишь большую пошлину. А ввез ее же и на российской территории прилепил ярлычок — уже участник производства, пошлин гораздо меньше.

Так что все правильно сделал Гольц, ошибочку только в конце цепочки допустил. Чиновник, видно, ждал взятку за разрешительные документы, а Гольц, считая, что все уже сделано, притащил сразу две крупные партии с уменьшенной таможенной пошлиной. Плюс — невезение: нарвался на централизованную проверку, здесь уже и взятка ничего не ускоряла. Или нужна была очень большая взятка.

Короче, полезный человек Семен Гольц. И с логистикой, наконец, разобрался: Егор представил себе бесчисленные ряды бочек, бочонков и ведерок с краской на их гигантских складах. Когда в первый раз увидел — просто был потрясен: казалось, хватит всю страну разом перекрасить. И все это надо было сначала везти — то есть заказать, оплатить, доставить и растаможить, а потом вывезти, выполнив заявки всех дилеров и крупных оптовиков.

Именно Семен продавал идею собственного транспорта. Сначала от нее все отбивались, но Гольц просчитал, что собственные трейлеры, при их грузопотоках, все окупят. Плюс — заберут задешево оборотную тару. Плюс — понесут на своих могучих бортах имиджевую рекламу любимой компании.

Все так и вышло.

Нет, "покупку" Гольца, безусловно, следует отнести к достижениям года.

Тут Егор встал, присел пару раз — размял затекшие ноги, подошел к шкафчику и достал бутылку "Московской".

Из скрытых динамиков доносилась приятная музыка. Егор сто раз ее слышал, но все равно не помнил ни автора, ни названия. Впрочем, музыка от этого хуже не становилась.

Налил себе в крошечную рюмочку. Вытащил из маленького холодильника, замаскированного полированной деревянной дверцей, банку крохотных маринованных огурчиков. Это Мария Васильевна постаралась. Секретарша.

Все начальники длинноногими и молодыми помощницами хвастаются. А Мария Васильевна молодой была лет сорок назад. Зато бумаги у нее всегда в идеале, людей, до которых нельзя дозвониться, вообще не бывает, а вот к нему через бабу Машу — как дразнят ее злые девчонки из бухгалтерии — прорывается только тот, кто ему, Грекову, в данный момент нужен.

Но главной в прошедшем году стала Валентина. Его начальник планового отдела и его Снежная Королева.

Прежняя жена ушла почти десять лет назад, решив, что с инженером-ракетчиком она уже появляющихся новых праздников жизни точно не вкусит — зарплата не та. Сама-то ушла в бизнес одна из первых. И, по неподтвержденным слухам, до сих пор заведует палаткой с "колониальными" товарами на привокзальной площади их маленького городка.

Ушла она тогда не только в бизнес, а также и к небезызвестному Степану, местному "авторитету". Он за ней со школы ухлестывал, но со своими восемью классами не выдержал конкуренции с блестящим выпускником физтеха. А вот теперь, когда завод вместо ракет стал выпускать кастрюли, взял, стало быть, реванш.

Ладно, чего старое вспоминать.

К тому же Женька ушла не только из-за желания лучшей жизни. Просто их сын, Алеша, с рождения болен гемофилией. Той же болезнью, что и последний цесаревич. И пока Союз не развалился, худо-бедно лечение получал.

Потом же это лечение можно было только покупать. Причем за деньги, которые в принципе нельзя заработать инженеру в городке, где главное предприятие — ракетный завод.

Ладно, Бог с ней, с Женькой. Егор любил ее, несмотря на взрывной, а нередко просто невыносимый характер. И после ее ухода, не раздумывая, подался из города. Не хотел встречаться на улицах, не хотел слышать пересуды — все же всех здесь знали.

Алименты не посылал — не хотел материально помогать бывшей супруге. Зато, как только встал на ноги — а это случилось достаточно быстро, — стал посылать лекарства Алеше. Заграничные, дорогие, на которые, судя по имеющейся информации, Женька, даже с помощью бандюка Степана, так и не заработала.

Женька и сама приезжала. Проверяла уровень его заработков. У них фирма западная, деньги платили "по-белому". Убедившись, что лекарства стоили не меньше официальных алиментов, уехала без скандала.

А в последние годы даже два-три раза привозила на пару недель сына. На курорт, наверное, ездила.

Алеша, кстати сказать, хороший мальчик. Только тихий. Видимо, сказывается заболевание: ведь ему постоянно запрещали бегать и прыгать, боялись кровотечений. На две недели он был Егору не в тягость: незаменимая Мария Васильевна и здесь все быстро решила, мгновенно найдя помощницу. Но и родст-

венной близости к сыну Греков не ощутил: Алеша просто отбывал срок, терпеливо ожидая возвращения любимой мамы.

Ну и ладно. Насильно мил не будешь. А для очистки совести достаточно и тех немалых денег, что уходили на лекарства.

Эх, не надо было вспоминать про Женьку! Егор тяжело вздохнул. Опять заняло сердце. Не так, конечно, как тогда, когда в открытую объявила, что уходит. Уходит безвозвратно и к тому, к кому и так ревновал. Но все равно неспокойно.

Вообще с Женькой всегда было неспокойно. Сначала — неспокойно радостно. Потом — неспокойно грустно.

Может, потому и тянет к Валентине, Снежной Королеве? Вот уж у кого все спокойно, все продумано и все спланировано.

И опять вопрос: а так ли тянет? И почему тогда не порвал с Ленкой?

Ленка Авдеева, еще одна завоздка. Маленькая, веселая. Не очень красивая, не слишком стройная. Короче, антипод Валентины. Ни образования, ни карьерных устремлений, ни — если честно — самоуважения.

Хочет Егор — заходит, или просто звонит — Ленка прибежит к нему сама. Правда, и эту не следует доводить до кипения: как-то на пустом месте завелась аж до бития посуды. Приревновала к Валентине. А чего ревновать, ведь не жены они ему? И у Авдеевой не больше прав на Егора, чем у Валентины. Тем более, что через неделю, утихнув, сама же пришла "в гости".

Непонятные они, женщины.

Нет, мысли явно пошли не по той стезе, куда их Егор решительно направлял. Зачем-то Женька вспомнилась. Вот уж точно, дела с ней — не итог прошедшего года. Так и нечего вспоминать.

Он снова уселся в мягкое кресло, но приятно-созерцательное настроение было испорчено. Если додумывать до конца, то надо и решения какие-то принимать. А это пока не входило в намерения Грекова. Лучше оставить все как есть.

Ладно. На сегодня хватит. Он приподнялся в кресле, чтобы вызвать дежурного водителя, но телефон зазвонил прежде, чем Егор снял трубку. Греков вздрогнул от неожиданности: никто не знал, что он так поздно на работе, и искать его, даже в случае нужды, стали бы по сотовому.

— Греков слушает, — по-служебному ответил он.

— Ну, здравствуй, Грека, — улыбнулись на том конце провода.

Так... Грекой в этом мире его называл только один человек. Легка на помине.

— Узнал? — спросила Женька.

— Узнал, — ответил Егор, сдерживая сердцебиение и сам же злясь на собственное волнение.

— А чего не рад? — вкрадчиво вопрошала Женька.

— А чего радоваться? — спросил в ответ Греков.

— Жизни... — вдруг с какой-то печалью проговорила она и быстро добавила: — Я к тебе завтра приеду. С Лешей.

— Зачем? — Егор явно был сбит с толку. Ни о чем подобном они с бывшей женой в этот раз не договаривались. И вообще у него совсем другие предновогодние планы. А свои пусть со Степаном реализует.

— Приеду — объясню, — спокойно сказала Женька и повесила трубку.

А Егор свою еще в руках повертел, как будто что-то мог услышать среди коротких гудков. Потом со злостью бросил ее на рычаг.

Вот тебе, Егор Юрьевич, и Новый год!

Она стояла перед парадным подъездом нарядного, недавно построенного кирпичного дома и пребывала в некоторой растерянности, совершенно ей не свойственной.

Двери были широкие, из толстого полированного стекла темно-коричневого оттенка, но они не открывались. Потому что, во-первых, на них не имелось ручек, во-вторых — Женя сразу сообразила — здесь был кодовый замок. Пусть и не такой, к каким она привыкла в своем городке, но тоже с секретом.

— Ключик забыли, соседка? — улыбнулся ей подошедший пожилой мужчина, прижимая металлическую таблетку к подходящему по размеру гнезду на щитке.

— Да вот, — неопределенно ответила она, благодарно взглянув на "соседа".

Тот галантно отошел в сторону, пропуская даму вперед, в проем, образованный бесшумно разошедшимися дверями.

Женя сжала левый кулак — на удачу — и шагнула к вахтеру. Здесь даже вахтер был особенный: не бабуся какая-нибудь, а мордатый дядька лет пятидесяти, крепкий и с колючими глазами.

"Сколько ж стоит жить в таком домике?" — мелькнула мысль. Средних доходов, небось, даже на простое проживание оказалось бы недостаточно. Мелькнула мысль — и пропала. Потому что Грекова была уже "в деле". Решительная и собранная. Слишком важна причина визита, чтобы позволить себе посторонние отвлечения.

— Вы к кому? — поинтересовался цербер, заметив некоторую заминку вошедшей женщины.

— Мне в 77-ю, — улыбнувшись, объяснила та.

— А вас ждут? — колючие глазки сверлили Женьку насквозь.

— А как вы думаете? — не переставая улыбаться, спросила она. Однако еле заметным нюансом интонации дала понять, что, сидя в этом вестибюле, следует быть поделкатнее. Мало ли кем она может оказаться.

Цербер сигнал принял и оценил.

— Вам направо, — вежливо объяснил он.

— Спасибо, — столь же вежливо поблагодарила Женька.

Как только она скрылась за очередной полированной стеклянной дверью, цербер снял трубку и набрал номер 77-й квартиры. Переждав безрезультатно несколько длинных гудков, положил трубку и нажал на кнопку пульта. Теперь на большой плоский экран выводились сразу восемь — по числу этажей — картинок.

Если ему повезет, тетка окажется воровкой, а он окажется с хорошей премией.

Женя, не зная о надеждах и приготовлениях охранника, тем временем поднималась в лифте. Лифт плавно притормозил и бесшумно распахнул двери.

Звонок оказался мелодичным, с мягким наполненным звуком. А к двери никто не подошел.

Как же так? Утром же созвонились, когда она новый адрес выясняла. Может, не хочет с ней встречаться? Нет, это на Егорку не похоже.

Она еще раз нажала на кнопку звонка.

Внезапно дверь распахнулась, и на пороге возник Егор. Одна его щека была идеально гладкой, а вторая — неизвестно какой, потому что ее напрочь закрыла густая белая пена.

— Извини, Женька, в этой чертовой квартире из одного конца в другой надо курьеров посылать.

— Так это ж здорово, — улыбнулась бывшая жена. — Не наша малосемейка, помнишь? — И поцеловала его в уже выбритую, приятно пахнущую щеку.

Охранник недовольно выключил камеру. Нет, в этот раз ему премию не заработать.

3

Валентина сегодня встала поздно. Так не хотелось следовать как всегда расписанным планам! В итоге пропустила ежедневную 40-минутную — разработанную специально для нее — зарядку. Да еще потом 20 минут провалялась в постели просто так, уже без сна.

Это общение с Грековым так разлагающе влияет, решила она. Вот уж разгильдяй, ни разу вовремя не пришел.

На душе стало как-то теплее. Похоже, этот полуслужебный роман имеет шанс перерасти во что-то более серьезное.

Мысль была приятной: не раз уже она подумывала о том, что — пора. В новом году — тридцать. Первый юбилей из нерадостных.

Все планы, поставленные до "тридцатки", выполнены, и даже с лихвой. Должность, зарплата, квартира, машина. Теперь, пожалуй, можно сказать, что она никогда не повторит печальную судьбу своей мамочки. Всю жизнь просидела мамочка за спиной у супруга, а тот возьми, да и влюбись на склоне лет.

"Полтинник" отметил, потом серебряную свадьбу с Валиной мамой. А потом обычную — с библиотечаршей из районной библиотеки.

Валентина уже в институте училась, многое чего понимала, но только не в этом случае.

Девушка — самая обычная, даже хуже обычной. Без макияжа, с перекрученными чулками, в платьях-балахонах, хотя совсем не толстая. Зато интеллектуальная безумно, в отличие от мамочки, которая была все больше по хозяйству. Ну и моложе в два раза, что тоже не отнять, как ни относиться к маминой обидчице.

Отец, вообще-то, ушел по-хорошему. В чем был. И денег потом отдавал не четверть, а половину: библиотечарше, похоже, деньги вообще были не нужны, она питалась исключительно духовной пищей.

Но удар был нокаутирующим. Мамочка вдруг выяснила, что в этой жизни существует масса проблем, о которых она четверть века вообще не догадывалась! Однако еще хуже было то, что ей стало некого ежеминутно любить и ожидать с работы. Валентина-то никогда не была сильно привязанной к дому, хотя мамочку всегда любила.

В общем, мамочка сильно сдала. И этого Валентина отцу так и не смогла простить. Ну кто ему мешал общаться с библиотечаршей, не уходя из семьи? А там, глядишь, перебесился бы и успокоился.

Нет, Валентина никогда не повторит мамочкиных ошибок. Она всегда будет самостоятельной девушкой. Даже когда найдет того, кого сочтет достойным стать отцом ее детей.

Ладно, надо вставать.

Она откинула легкое одеяло и села на кровати. Прохладный пол приятно холодила пятки. Затем прошла в ванную комнату, включила душ.

Конечно, у нее не так шикарно, как в квартире у Грекова, но тоже очень даже ничего. И потом, если она примет окончательное решение, то жить они будут в его квартире.

Струи теплой воды разбивались о разнежившееся тело и сплошной прозрачной пленкой стекали вниз.

Валентина посмотрела в большое, в треть стены, зеркало. Еще когда въезжала, решила, что висеть оно здесь будет до ее сорока пяти. Потом снимет. Но пока комплексовать было явно рано.

Красивая женщина. Все на месте. Нежная белая кожа. Высоко поднятая подтянутая грудь — все, конечно, не просто так: и косметика дорогая, и массаж строго по графику. Ну, да подобные затраты весьма оправданны: потрогать такую кожу самой приятно, уж что говорить про сумасшедших, сдвинутых на сексе мужиках. А не сдвинутых на сексе мужиков Валентина в своей, правда, не столь обширной, практике пока не встречала.

У нее их было трое.

Первый — еще на четвертом курсе. Показалось, что любовь. Чуть не умирал от страсти и грозил жить с ней вечно. Сейчас она понимает, какой был ужас, окажись это правдой. Но тогда его выразительные взгляды почему-то вызывали даже гордость: парень на курсе был заметный, и подруги завидовали.

Но кончился институт — кончилась и их любовь.

Второй был случайный и мимолетный. Стыдно сказать — в командировке. До сих пор Валентина не понимает, как это случилось. Вспышка в голове, мгновенное озарение, что вот это — её. Её на всю жизнь. И не важно, что у него было позади, тем более, что у неё позади не было практически ничего.

Она была готова на всё, даже остаться в том городке, куда приехала консультировать местного менеджмент.

Но утром, когда Валентина предложила ему руку и сердце навечно, он хмуро отказался, объяснив невозможность такого развития событий массой действительно серьезных причин. Среди этих причин слову “любовь” места не нашлось вовсе.

Урок был жестким, хотя и полезным — на то он и урок.

Третьим был Греков. Сразу ей понравился. А в том, что он на нее западет, даже не сомневалась. Десятилетняя разница в возрасте не пугала. Наоборот, даже нравилась. А подходы к жизни казались вполне близкими.

С точки зрения денег, за Грековым было, выражаясь финансовым языком, обременение: больной ребенок от первого брака. Но это Валентину тоже мало пугало. Она и сама прилично зарабатывала, и Егор, при его деловых качествах, очень быстро рос экономически.

Что касается ребенка, мальчик был не отвратный, — пару раз его видела, — к тому же жил он с мамашей, и никак на их будущую семейную жизнь влиять не мог.

Нет, определенно Греков ей был интересен. И спать с ним в удовольствие, и болтать, и даже деловые вопросы обсуждать. Так что, в Новом году ее вполне может ожидать новая жизнь.

Валентина выключила воду, тщательно вытерлась огромным мохнатым полотенцем и пошла в комнату одеваться. Напоследок еще раз оглянулась на себя в зеркало. И сзади тоже очень, очень достойно, удовлетворенно подвела итог девушка.

День начинался хорошо.

4

Женька, оставив на выбритой щеке след от дежурного поцелуя, стремительно проскочила мимо явно не поспевавшего за ней Грекова. В прихожей остался лишь

аромат ее духов и свежего декабрьского морозца, занесенный бывшей супругой с улицы.

— Ох ты, Господи! — искренне восторгалась та из комнаты, она же — зал, она же — кухня. Шестьдесят квадратных метров старинного дубового шика вперемежку с суперсовременным хромом, никелем, "галогенками" и чего-то там еще!

— Ну, Грека, ты даешь! — выдохнула, наконец, Женя. — Надо было за тебя держаться.

— Да ладно тебе, — засмутился Егор, хотя Женькины восторги были ему очень даже приятны.

— И сколько у тебя таких комнатушек?

— Таких — одна, — сознался Греков. — Еще спальня и кабинет. И два туалета, — не удержался-таки он. Женькино лицо вдруг стало печальным. Не напряженным, каким увиделось в дверной глазок, а просто печальным.

Греков почувствовал, что теряет ощущение времени, и что вся его жизнь без Женьки почему-то свернулась в небольшой и ничего не значащий клубочек. Не смея противиться нахлынувшему ощущению, он схватил Женьку за плечи и пригнул к себе.

— Ты что, псих, я же в шубе, — попыталась отбиться та. Но фразу закончила, уже оказавшись на огромном синем, гладком и мягком, ковре.

— А ты — в пене... — были ее последние слова, потому что потом им стало совсем не до разговоров...

— Грека, это не входило в мои планы, — тихо произнесла Женька и снова погладила его по щеке, но теперь как-то мягко и нежно.

— В мои — тоже, — честно признался он.

— Ну, значит, будем считать, что ничего и не было, — успокоенно подытожила она, аккуратно высвобождая руку из-под его головы. — Ты, кстати, теперь уже весь в пене.

— Ты тоже, — улыбнулся он.

Через пять минут, приведя себя в порядок и окончательно успокоившись, они сидели в больших мягких креслах в углу огромной гостиной. Если бы кто-нибудь зашел сейчас в комнату, ни за что бы не догадался, что происходило здесь совсем недавно.

— Ну, рассказывай, что у тебя случилось, — начал Греков, закуривая сигарету.

— Сейчас, — ответила Женька. — С духом соберусь только.

— Лешка? — напрягся Егор.

— Нет, слава Богу, — даже перекрестилась та и сплюнула трижды через плечо. — Стойкая ремиссия.

— Замечательно, — улыбнулся Греков. Он не испытывал всепоглощающего чувства любви к ребенку, которого почти не видел. Но предположение об обострении болезни сына напугало его. — Тогда что же?

Женька молчала. И по лицу было видно, что молчит, чтобы не заплакать.

— Да что, наконец, случилось? — не выдержал Егор. — Палатки твои разорились? Степан бьет? Говори, не молчи!

— Степан не бьет, — справилась с собой Женька. — Его убили. Три года назад.

— А почему не говорила? — ошарашенно спросил Греков. Он еще не знал, что состояние ошарашенности в этот день будет его основным чувством. — Мы же с тобой в прошлом году виделись, когда ты Лешку привозила. И в позапрошлом.

— А зачем тебе об этом рассказывать? Ты что, оживишь мне его, что ли?

"Логично", — подумал Егор. Его бывшая жена не всегда отличалась хладнокровием, но крепость ее характера никогда ни у кого сомнений не вызывала. Может, поэтому его и тянуло к Валентине? По привычке...

- Значит, ты теперь без денег? — напрямик спросил он.
- С деньгами, — спокойно ответила она. — Хотя, конечно, все относительно.
- А как же ваш бизнес? Выжил?
- Выжил.
- Друзья Степана помогли?
- У бандитов друзей не бывает. Особенно у давно мертвых бандитов.
- Ты его не любила? — нехстати спросил Егор.
- Не знаю. Я была ему благодарна. Очень. За Лешку, за себя. Он-то нас точно любил.
- И как ты вышла... — Егор запнулся, тщательно подбирая слова, — из всего этого?
- Тебя детали интересуют? — усмехнулась Женька. — "Крестным отцом" я не стала, если вопрос об этом. И с нужными людьми не спала, если опять-таки вопрос об этом. Все остальное использовалось. И теперь у меня вместо четырех палаток — семь. А если бы ничего не произошло, то и магазин бы появился, все бумаги подписаны.
- А... что произошло? — тихо спросил Егор.
- Помнишь песенку, которой я тебя в школе дразнила?
- Конечно, — заулыбался Греков. — Ехал грека через реку.
- А что он в реке увидел, помнишь? — голос Женьки стал совсем тихим.
- Видит грека — в реке... — машинально произнес Егор и на полуслове запнулся.
- Точно, — выдохнула Женька. — Рак. Только цапнул не греку, а Женьку. И не за руку, а за другие места. — Она не заплакала, только глаза стали влажные.
- Я могу как-то помочь? — после тяжелой паузы спросил Греков и погладил Женьку по голове.
- Только на тебя и надежда, — ответила Женька. И вот теперь заплакала.

5

- Авдеева, тебя к начальнику! — крикнула, пробегая мимо, Маринка.
- Ленка зашла в подсобку и сняла длинный резиновый фартук. Комбез и резиновые сапоги снимать не стала, вообще этой рутины с переодеванием не любила. Да и нечего на автомойке выпендриваться, здесь все в комбезах.
- Она потопала по лестнице наверх, на третий этаж, к начальству.
- Вообще-то, Григорыч мужик неплохой. Деньги не зажимает, к девочкам-мойщицам не пристаёт. Но от предстоящего разговора Авдеевой ничего хорошего ждать не приходится. Хотя и своей вины в произошедшем она не чувствует абсолютно.
- Вот, пришли с жалобой, — сразу взял быка за рога Григорыч. — С серьезной жалобой. — В его клетушном кабинетике восседала дама, явно не вписывающаяся в здешнюю стилистику. — Говорят, костюм стоит полторы тысячи баксов. И пока неясно, отчистят ли.
- Поскольку Григорыч все время посматривал на расфуфыренную и явно сердитую особу, говорила про полторы тысячи баксов именно она. И, похоже, эта дама привыкла, чтобы к ее словам прислушивались.
- Надо было ему попроще одеваться, — не к месту заявила Авдеева.
- Это, милочка, не вам решать, — мгновенно зверея, зарычала дама. — Вам решать, где деньги искать, если костюм не отчистят.
- А что, дяденька нанял адвоката? — улыбнулась своей замечательной улыбкой Ленка. Именно эта улыбка не раз сводила с ума мужиков, потому что, честно говоря, больше их сводить с ума Ленке было нечем: ни ног от шеи, ни шмоток, ни счета в швейцарском банке.

— Я не адвокатесса, — чуть не подавилась от злости дама. — Я его жена. И, кстати, деньги на его костюмы тоже я зарабатываю.

— Алевтина Матвеевна Солуянова — директор частного охранного предприятия "Оборона", — уважительно внес ясность Григорьич. Он, конечно, сочувствовал Ленке, но, похоже, бросаться на ее защиту не собирался.

— Это меняет дело, — посерьезнела Авдеева. — А он вам рассказал об обстоятельствах ... несчастного случая?

— Конечно, — успокаиваясь, бросила дама. Первое впечатление оказалось обманчивым: она вполне умела держать себя в руках. А ее угрюмый вид мог объясняться и простой усталостью. — Вас не устроили чаевые, и вы из чувства неприязни облили его водой. Что, не так?

— Абсолютно так, — согласилась Ленка.

Дама, не ожидавшая столь стремительной сдачи позиций, даже рот раскрыла.

— Из-за чаевых клиента облить? — ахнула она удивленно, как будто не сама об этом десять секунд назад говорила.

— Вот видите, — укоряюще заметила Авдеева, — вам самой не верится. Тем более, с вашим-то жизненным опытом. Никаких чаевых ваш супруг мне не предлагал.

— А что предлагал? — начиная догадываться, спросила VIP-дама.

— Ничего, — честно ответила Ленка. — Он не увидел во мне коммерческого партнера. Просто залез под фарук и вцепился... — Ленка посмотрела на Григорьича, потом на даму. — Объяснить, за что вцепился?

— А ты его облила? — почему-то уже без раздражения спросила дама.

— Нет. Сначала врезала. Щеткой.

— А он сказал, что щекой ударился, когда упал, — пробормотала Алевтина Матвеевна.

— Упал он позже. Когда я его из монитора окатила.

— Там же восемь атмосфер! — испуганно пробормотал Григорьич.

— Ага. Восемь. Он даже встать не мог. По полу катался, пока я ствол не отвела. Вот и запачкался костюмчик.

Короче, справедливость восторжествовала в полной мере. Самооборона девичьей чести оказалась в допустимых пределах. Более того, чоповская начальница попросила Григорьича отпустить Авдееву на часок — тот, довольный исходом, не возражал, — и весь этот час проплакалась Ленке на сволочь-судьбу, которая постоянно подбрасывает ей, несчастной, всяких моральных уродов.

Сидели они в соседнем маленьком барчике, где Ленка пила вишневый сок, а дама — коньячок, причем две рюмки выпила сразу, а третью и четвертую — постепенно.

— И чего ему не хватает? — жаловалась она. — Живет, как у Бога за пазухой. Деньги. Машина. И я еще не страшная. Ну, крутил бы на стороне, но хоть без истории...

— А, может, на работу его определить? — спросила Ленка, которой уже давно было жалко не чоповскую начальницу, а обычную тетку, лишний раз подтвердившую старинную истину про то, что любовь — зла.

— Пыталась, — махнула рукой та. — Одни проблемы. И бросить не могу. Умом понимаю, что дерьмо, а как увижу, поверишь, сердце тает.

— Верю, — сказала Ленка и вдруг разревелась: ее сердце тоже таяло от этого чертова Грекова. А он, похоже, смотрит на нее примерно так же, как вчерашний клиент. Может, и его восемь атмосферам?

Дама оставила Авдеевой визитку, села в длинную "ауди" и укатила. А Ленка пошла к своему рабочему месту, где без нее собралась уже маленькая очередь, и хоть

и любили здесь веселую госпожу Авдееву, но вкалывать за нее весь день вовсе не собирались.

Дальнейшая смена протекала спокойно, клиентов было поменьше, чем в будни, зато побольше выгодных: с ручной мойкой, чисткой салона и тому подобным.

Авдеева, как ни странно, свою работу любила. К машинам она всегда питала слабость, и ей нравилось, когда ее стараниями из-под зачуханного, задолбанного грязью и городскими ухабами набора железяк и резинок, вдруг выглядывало чудо автодизайна, возрождалась свежесть красок и авторского художественного замысла. У нее всякий раз появлялось ощущение, что и она, Лена Авдеева, участвовала в создании этих безумно красивых созданий, давно уже переставших быть для людей только средством передвижения.

Не устраивало ее в этой работе, пожалуй, только одно: она, похоже, не давала ей шанса на то, чего ей хотелось бы более всего на свете. А именно: провести остаток жизни вместе с Грековым Е.Ю.

Многое бы она отдала, чтобы вышеупомянутый Греков Е.Ю. внезапно стал мойщиком на ее автосервисе. Или слесарем здесь же. Или, на худой конец, водителем-дальнобойщиком.

Так ведь нет! Случилось же Егору стать большим начальником. Купить квартиру, в которой друг друга без мобильного телефона не обнаружить. Вертеться в высоких сферах, где каждое произнесенное слово может стоить больше, чем зарплата за всю честную Ленкину трудовую жизнь. И, соответственно, войти в тот круг, в котором эта холодная тварь Валентина привычно обитает, и куда Ленке, с ее фартуком и комбезом, похоже, вход воспрещен.

Конечно, она читала в журналах, как манекенщицы женят на себе миллионеров и даже потом управляют их бизнесом. Но проблема в том, что, во-первых, Ленка — не манекенщица. А, во-вторых, ей вполне нравится работа автомойщицы, и не нравится — бренд-менеджера.

Слов-то умных она много знает: и от Егора наслушалась, и даже учебники читала по экономике. Ничего особо сложного, кроме одного: неинтересно!

И что теперь ей делать? Что-то подсказывало Ленке, что Егор Юрьевич, от одного вида которого так дрожит ее сердце, с удовольствием проведет время в компании автомойщицы. И вряд ли — проведет с ней жизнь.

Ленка аккуратно убралась на посту, неторопливо переоделась и поразмышляла о завтрашнем дне. Она очень рассчитывала на завтрашний день. И кино предполагалось хорошее, и прогулка за город, где пристраившийся к горным лыжам Егор будет демонстрировать технику скоростного спуска, а она оседлает стремительные санки на том же склоне. И вечер в его квартире, в которой, хоть он не гонит, она на ночь не останется. Короче, счастливого конца, скорее всего, не будет. Но небезнадежное продолжение — уже неплохо.

Она выходила к остановке троллейбуса, когда зазвонил мобильный.

— Ленка, это ты? — раздался голос. Единственный и неповторимый.

— Нет, это автоответчик, — разозлилась усталая Ленка. Кто еще мог отвечать по ее личному мобильному телефону?

— Я не смогу завтра к тебе приехать.

— Даже к вечеру? — упавшим голосом спросила Авдеева. Неужели Валентина своими холодными руками дожала-таки ее Грекова?

— Даже к вечеру. Женька привезла сына. И вообще, тут такое творится...

Про Женьку Ленка была насыщена и в некотором роде ей сочувствовала. Женька ей не помеха. Но вот растерянности и даже испуга она от Грекова никак не ожидала. Что бы ни творилось, Егор всегда был бойцом.

Что же там такое действительно творится? Неужели что-то опять с сыном? Или это вообще не связано с бывшей женой, а связано с бизнесом? Что же там ему угрожает? Может, кстати, что она сегодня познакомилась с чоповской тетенькой — Ленка даже машинально ее визитную карточку в кармане нацупала.

— Егор, я могу помочь?

— Нет, — сказал Греков. И после паузы добавил: — Не знаю.

— Когда мне приехать, сегодня или завтра? — просто спросила она.

— Завтра.

— Во сколько?

— Я позвоню. — И дал отбой.

Что-то у Грекова стряслось. Значит, и у нее, Ленки Авдеевой, стряслось оно же.

А слово "сдаюсь" в ее лексикон с детства не помещалось. И если кто-то решил строить козни ее ненаглядному Грекову, то пусть он учтет и Ленку Авдееву, скромную автомойщицу из маленького сервиса "Прогресс-авто".

6

Когда первое оцепенение от сказанного Женькой прошло, Греков постарался собраться с мыслями.

Выходило, что ее болезнь наносила удар и по его, грековской, жизни.

Даже если положение не столь катастрофично — а Греков как раз недавно читал статью в журнале "Элита" с многообещающим названием "Рак — не приговор" — все равно на время лечения все заботы о Лешке свалятся на него.

А если, не дай Бог, диагноз все же окажется приговором?

Нет, вот уж точно — не дай Бог.

И Женьку до слез жалко — вот она, сидит перед ним, бледная и напуганная, и хоть и старается казаться спокойной, но наверняка ждет от Грекова чудес, очень возможно — невыполнимых.

И Лешка оказывается в неприятнейшей ситуации. С его болезнью заботливая и умная мама просто необходима.

А сам он, Греков?

Даже на время из "виртуального" папы стать настоящим — он к этому готов? Он же работает по 10-12 часов. А потом отдыхает, как ему нравится. И в клубы ходит. И в компании. Да и в хоромах своих так приятно посибаритствовать.

А когда здесь будет жить мальчишка, совсем ребенок еще, и к тому же с серьезным заболеванием, — это будет уже совсем другая жизнь.

Мысли его, похоже, определились. Прежде всего — и как можно быстрее — нужно узнать, чем можно помочь Женьке. Справься они с этой напастью — и все проблемы решатся сами собой.

"А если — нет?" — мелькнула мысль.

Лучше об этом не думать. Не готов еще Егор об этом думать.

Он на память набрал номер Семена Гольца.

Нет, не зря Греков взял его на работу, несмотря на ворчание некоторых кадровиков.

Гольц знает всех и со всеми дружит. Это будет первый шаг к спасению Женькиной жизни. И, если честно, к спасению столь милой и приятной грековской жизни тоже.

Семен ответил сразу:

— Что случилось, Егор Юрьевич?

— Ничего, — ответил Греков, имея в виду работу. — В конторе порядок. У меня вопрос к тебе, Сем.

— Всегда рад помочь, — быстроотреагировал тот.

— У моей бывшей жены, Лешкиной мамы (Лешку Гольц знал, сам помогал доставать для него дефицитные препараты), подозрение на... опухоль. — Греков почему-то так и не смог выговорить слово "рак".

— Подозрение — не болезнь.

— У тебя есть выходы на хороших онкологов?

На размышление у Семена ушло секунд двадцать. После чего последовал четкий ответ:

— Есть человек в Онкоцентре на Каширской. Не близкий, но, думаю, за деньги сделает. И есть еще один в онкобольнице специализированной. Этот свой в доску.

Теперь размышлял Греков. Онкоцентр — это серьезно. Это фирма. Но это и огромный медицинский муравейник, где трудятся самые разные муравьи.

Онкобольница — может, и менее круто, однако для первого визита, наверное, более предпочтительна. Раз "свой в доску" — то наверняка предупредит обо всем, подкажет лазейки — может, и в тот же самый Онкоцентр, ведь все они друг друга знают. И, что немаловажно — свой в доску не станет врать. А Грекову сейчас очень важно знать перспективы, от которых теперь зависит не только Женькино, но и его, грековское, будущее.

...Тут он сам себя осек. Все-таки от перспектив напрямую зависела только Женькина жизнь. И косвенно — Лешкина. А он, Греков, мог потерять лишь некоторые жизненные удовольствия.

Стало стыдно.

— Хорошо, Семен, — закончил он разговор с Гольцем. — Давай, пробивай больницу. Я предпочитаю иметь дело с друзьями. А дальше посмотрим. Только побыстрее, ладно?

— Прямо сейчас позвоню, Егор Юрьевич. У Воробья сотовый всегда включен, он же хирург.

При слове "хирург" Греков снова ощутил неприятный холодок. И опять сам себя остановил — теперь к неприятным словам надо будет привыкать. Равно как к неприятным перспективам. Что бы ни думал Греков об открывшемся будущем, вариант с детским домом для родного сына он сразу отмел как абсолютно неприемлемый.

А значит — нужно будет серьезно все просчитать.

Вслух же, обращаясь к Женьке, сказал:

— Нашли ход в больницу. Завтра-послезавтра поедем.

— Спасибо, — благодарно улыбнулась та. — Но у меня направление уже есть. Из нашей, городской, получила. У нас же своей онкобольницы в городе нет.

— Чего же молчала? — даже не рассердился, а удивился Егор.

— А ты не спрашивал.

— Но ты же попросила о помощи!

— Не в лечении, — грустно улыбнулась Женька. — А после лечения. Я должна быть спокойна...

— Можешь быть спокойна! — обиженно перебил ее Греков. — Лешка один в любом случае не останется.

— Вот в этом я и хотела быть уверенной. Только там есть еще одна проблемка...

— Какая еще проблемка?

— Завтра скажу.

— Что за тайны? — досадливо спросил Егор. Но дожать бывшую супругу не успел — отзвонился Гольц. Их ждали в больнице завтра с утра: Семен продиктовал адрес и фамилию доктора.

А в следующий момент — только трубку успел повесить — позвонили в дверь.

Егор сначала подумал, что — Ленка. Но не должна была без предупреждения.

Кто еще так не вовремя приперся?

Женька тоже была не рада визиту. Ее душевных сил могло не хватить на имитацию светского общения.

Но гости оказались очень нестандартные.

Егор открыл дверь, не глядя в глазок, — привык уже, что внизу охрана. И сначала никого не увидел, потому что смотрел прямо перед собой. А смотреть надо было чуть ниже, потому что Лешка был, во-первых, ребенком, а во-вторых, маленьким и щуплым ребенком.

Еще через долю секунды Греков обнаружил объект №2. Это была явно девочка, а вот ее возраста не имевший родительского опыта Егор определить вообще не смог.

Она вцепилась своей ручонкой в руку Лешки и даже не смотрела на Грекова. Девочка была одета в ярко-желтую куртку с капюшоном, маленькое личико заплакано, под крошечным носом вырисовывались две несимпатичные полоски от невытертых соплей.

Нет, никакого умиления не испытывал Греков при виде маленьких детей. И где сын ее подобрал? (Лешкиному появлению папаша почему-то не удивился.)

— О, Господи! Вы зачем пришли? — в просторный холл вышла Женька. — Я же велела ждать в гостинице! — Попутно она быстро достала носовой платочек и ловко, каким-то неуловимым естественным материнским движением, чисто и насухо вытерла нос девочке.

— Адрес лежал на столе. А Машка обкакалась, а мыть попу не дает! — обиженно буркнул Лешка. — Тебя требует.

Тут уже и без объяснений было понятно, кого Машка требует. Обнаружив самое главное в мире существо, — свою маму, — девочка обняла ее за шею и прямо-таки влипла в Женьку, привычным движением прижавшую ее к себе.

— Это... твоя? — наконец дошло до Егора.

— Несомненно, — сказала Женька и поцеловала девочку в щечку.

— И Степана?

— И Степана. Я хотела сказать тебе завтра, но видишь, как получилось. Короче, это вторая половина моей просьбы.

7

Греков сидел за своим красивым столом, а вокруг него кипела беспокойная декабрьская жизнь: как будто вся страна решила одновременно что-то перед Новым годом докрасить. Он манипулировал фондами, перебрасывал резервы — тонны краски — из города в город, забирал остатки с реализации, и даже для одного старого заказчика вынужден был попросить аналогичную продукцию у заклятого конкурента: своих складских запасов явно не хватало.

Впрочем, они с заклятым конкурентом так не раз друг друга выручали — бизнес становился все более цивилизованным.

Греков был занят стопроцентно: чай, принесенный Марьей Васильевной, остался стоять на столе, на маленьком металлическом подносыке — у Марьи Васильевны все аккуратно и продуманно. Звонок, документы на подпись, еще два звонка, ответ Смирнову — речь шла о будущем годе, но сегодняшняя горячка не должна закрывать завтрашней перспективы.

Завтрашние перспективы...

Стопроцентно был занят Греков, однако сам себе напоминал старого опытного шофера: едет он по дороге, рулит рулем, работает педалями, а голова занята совсем другим — мыслями о внуках, об огороде, о жене — только не о дорожном движении, в котором его тело участвует абсолютно автоматически.

Разница лишь в том, что думал Греков вовсе не об огороде, которого у него не было. И не о внуках. А о Женьке, Лешке и раке. И еще о девочке Маше, про которую пока что вообще не понятно было, что думать. И еще про Ленку и Валентину.

И если в обычное время его раздумья обязательно заканчивались принятием решения, то здесь мысли текли его сами по себе, возвращаясь, гуляя по кругу и не обещая никакого выхода.

Мария Васильевна вошла неслышно, взяла подносик, чтоб заменить не выпитый чай горячим. Посмотрела на шефа, но ничего не спросила: захочет, сам расскажет.

Наверное, захочет. Она не только посоветует, но и поможет, если понадобится — старая мудрая Мария Васильевна.

Но сейчас ничего и никому рассказывать не хотелось.

Сейчас Женька должна уже быть у врачей. И очень скоро они узнают вердикт, который вполне способен изменить — точнее, поломать — жизнь им всем.

Несмотря на загрузку по работе, Греков хотел поехать с Женькой. Поддержать морально. Да и самому побыстрее все узнать, меньше томиться ожиданием.

Но Женька отказалась. Сказала — ей легче самой.

Спорить с ней у Грекова никогда не получалось, так что сейчас Женька там была совсем одна. И даже телефон отключила — Греков уже попытался позвонить.

Лешка и девочка — Греков про себя называл ее не Машей, а девочкой — сегодня остались у него дома с Ленкой. Та что-то поменяла в своих сменах и отпросилась на сутки. "Все-таки Ленка — молодец", — оценил Егор. Ее решение не было обдуманым, и даже не было решением. Так, обычное и естественное движение души.

Впрочем, другого от нее Греков и не ожидал.

А вот бывшая супруга вчера его удивила.

Когда детей уже уложили в гостевой спальне, она подошла к Грекову и сказала:

— Мне нужно быстрее понять, что будет с Машенькой.

— Я пока не знаю, — честно ответил Греков. Он действительно пока не знал. Это для Женьки Машенька была бесценной кровинкой. А для него — нет. — С деньгами, конечно, помогу, — быстро добавил он.

— С деньгами и так все нормально, — сказала Женька, и, покопавшись в своей сумочке, достала оттуда здоровенную "котлету" баксов.

— Здесь 36 тысяч, — сказала она, протягивая деньги Грекову, и горько усмехнулась: — Мой новый магазин.

— А мне они зачем? — грубовато ответил Греков, отводя ее руку.

— Ну, не в больницу же мне с ними? — улыбнулась она.

— Это другое дело, — согласился Егор и подвел ее к вмонтированному в стену сейфу.

— Смотри, набираешь код — мой год и месяц рождения, если не забыла, всего шесть цифр — и одновременно отключаешь сигнализацию и открываешь замок.

Механизм лязгнул, на передней стенке сейфа заморгала зеленая лампочка, и желая дверца сама отошла назад.

В открывшемся чреве было пусто: новая Егорова квартира сожрала все его стратегические сбережения, а тактические он хранил на карточках.

Деньги легли в хранилище, дверца встала на место.

— Я их все равно забирать не буду, — сказала Женька. — Распоряжайся ими в пользу детей.

— Глупости не болтай, — строго проговорил Греков. — Может, ты через месяц здорова будешь.

— Тогда заберу, — согласилась она.

— Я думаю, они как раз на лечение понадобятся. От бесплатного лечения и с гриппом загнаться.

— На лечение они тратиться не будут. Это деньги моих детей. А мне что суждено, то суждено. Об одном только прошу: как ты к Машке ни будешь относиться, но за ее материальным благополучием проследи, пожалуйста. У меня ведь действительно никого больше нет.

У Женьки вновь выступили слезы, а Греков и сам почувствовал давным-давно забытую резь в глазах.

— Пожалуйста, не разлучай детей, — тихо попросила бывшая жена.

— Как я это сделаю?

— Не знаю. Может, няньку найдешь. Комнату докупишь, чтобы Машка рядом жила. Хотя бы в одном доме. Им нельзя разлучаться.

Греков молчал. Она поняла его молчание по-своему и принялась горячо шептать:

— У меня там квартира осталась, гараж, две машины. Товара еще немного. Я все записала на тебя...

— В каком смысле? — удивился Греков.

— Вот, смотри. — Она достала из той же сумочки сложенную смятую бумажку, которая, несмотря на несерьезность ее вида, была украшена гербовой печатью нотариата. — Не на них же оставлять? Им ничего не достанется, ты же понимаешь. На тебя вся надежда, я же тебе сразу сказала.

И тут в разговор вступило третье лицо.

Похоже, Лешка с самого начала не спал, а подслушивал под дверью.

В майке и трусах вошел в комнату, лицо заплаканное, но скулы сведены: хоть маленький — а мужик. Таким его Греков еще не видел.

— Я без Машки у тебя жить не буду, — обратился он к Грекову.

— А тебе не кажется, ты еще маловат так со взрослыми разговаривать? — жестко заметил отец.

— Извини, — неожиданно смутился Лешка. — Мы с Машкой вместе. Хоть к тебе, хоть в детдом, — и, не выдержав напряжения, бросился к матери, ища успокоения в ее теплых руках. Женька обняла его и тихо погладила по взъерошенной макушке.

— Хватит! — чуть не заорал Греков, поняв, что еще секунда, и он сам зарыдает. — Хватит, — уже спокойнее повторил он. — Мама жива, хотя и не здорова. Будем ее лечить и надеяться на лучшее. А в детдоме ты никогда жить не будешь, понял, сынок? Тот, зарывшись лицом в мамину пушистую кофту, молча кивнул.

— И с Машей будет все нормально. Пока не знаю, как, но на улице не останется. И давай успокаиваться. Дальше будем жить без истерик. Хорошо?

— Хорошо. — Лешка вытер тыльной стороной ладони слезы. — Только Машка будет со мной всегда.

Греков счел за лучшее сменить тему разговора. Идея удочерить дочь Степана его по-прежнему не прельщала. Но его собственный сын ему определенно начал нравиться.

Вот такая вчера произошла беседа, и после всех свалившихся на него событий Егор мог думать только об этом.

В кабинет зашла Валентина.

— Народ говорит, ты не в себе, — как всегда без предисловий начала она.

— Дверь закрыл поплотней, — попросил Егор.

— А что, прямо здесь оргию устроим? — полюбопытствовала та, села напротив, протянула к Грекову руки и ладонями обняла за щеки. — Я решила выйти за тебя замуж.

— Решение окончательное? — поинтересовался Егор.

— И обжалованию не подлежит, — улынулась Валентина. — Или ты против?
— Да вроде не против, — задумался Греков. — Только ты про мое семейное положение в курсе?

— Меня твои алименты не пугают. Я женщина обеспеченная.

— У меня, кроме алиментов, еще сын есть.

— Но он же с мамой живет, — не поняла та.

— Уже и не знаю. Возможно, что со мной. У Женьки — рак.

— Вот как. — Валентина знала имя бывшей жены Грекова, и ее настроение сразу упало.

— Вот так, — сухо вато закончил Греков. — Там еще один ребенок имеется. Если Женька умрет, о нем тоже придется думать.

— Хорошо, — сказала Валентина, вставая. — Буду думать. — И, не прощаясь, вышла из кабинета.

8

Авдеева роскошную Егорову квартиру никогда не любила. Ее роскошь лишь напоминала Ленке о том, что классовые различия не только Марксом выдуманы. Да и не смотрелась в ней Авдеева, в отличие от Валентины, органично. Даже в джакузи ни разу не залезла: смущали бесконечные кнопочки на табло и светящиеся надписи на английском. К тому же эта чертова бадья время от времени что-то лепетала по-английски, в первый раз напугав принимавшую душ Авдееву до полусмерти.

Греков потом ржал, как сумасшедший, когда она, в чем мать родила, с визгом покинула ванную. А ей было не до смеха.

Ребята Авдеевой сразу понравились, несмотря на то, что Лешка на контакт шел неохотно. Впрочем, у парня были на то причины. Его собственная болезнь сильно усложняла жизнь, а тут еще такое с мамой. Взрослый не выдержит, не то что пацан.

Ленка задумалась о том, что мальчишку надо устраивать в школу. И желательно — в частную: с его заболеванием жизнь надо вести осторожную и хрупкую — она уже получила подробные разъяснения на этот счет.

Женька даже привезла с собой крошечный холодильник, наполненный пакетами с ее же собственной донорской кровью. Вообще-то, Лешке доставали специальный препарат — фактор свертываемости крови, доставал хорошо известный Авдеевой Сеня Гольц, у которого связи простирались повсеместно. А тут случился перерыв, и Женька подстраховывала сына собственной кровью, в прямом смысле этого слова.

Вчера они с Женькой долго по телефону трепались. Авдеева к бывшей Грековской жене абсолютно не чувствовала ревности, не то что к Валентине. И Женька тоже разоткровенничалась. Сказала, что если выживет, непременно разбогатеет. Ей это действительно надо: ведь дорогостоящие западные препараты — одна инъекция 150 долларов — при постоянном введении могут обеспечить ее сыну обычную, нормальную жизнь. Чтоб не боялся споткнуться или ножиком карандаш чинить. Но денег надо много: укола надолго не хватает.

Так что цель благая, Ленка и сама бы ради такой цели не отказалась разбогатеть. Она заглянула в комнату. Машка еще спала, а Леша сразу повернул голову на звук.

— Леш, как дела? — тихонько спросила Авдеева.

Мальчик улыбнулся, и на сердце у Ленки потеплело.

— Ничего, — тоже шепотом ответил он.

— Пойдем чай пить?

— Пойдем. — Лешка осторожно, чтобы не разбудить сестренку, высвободил руку, и они направились в кухню.

— Ты учиться-то собираешься? — спросила Ленка, присев за стол рядом с мальчиком. Тот не спеша пил сладкий чай, заедая нестандартным бутербродом, сварганенным Авдеевой из разрезанного вдоль и пополам сладкого бублика, сливочного масла и котромского сыра.

— А я учусь, — проглотив, ответил Лешка.

— Там, у себя?

— Ага.

— Леш, не понятно ведь, сколько маме лечиться.

— Она мне обещала, что не умрет, — буркнул он.

— Когда обещала? — невпопад спросила Ленка и сама же себя укорила за вопрос.

— Позавчера. Вы не верите?

— Верю, конечно, Лешичек, вот только лечение может оказаться не таким быстрым.

— Я не хочу в новую школу, — тихо проговорил Лешка и опустил голову.

— Знаешь что, дорогой, ты стесняешься своей болезни, это скверно.

— Ненавижу, когда меня жалеют, — сцепил губы мальчишка, стараясь не зареветь. — То — не тронь, сюда — не ходи.

— Это ты брось. Ты сам обязан быть осторожным. Не хочешь ведь сделать свою маму несчастной?

— Не хочу.

— Ну вот! Значит, нужно предупредить ребят, чтоб тебя не толкали и не задевали.

— Я больше не хочу быть фарфоровой вазой!

— Какой вазой? — не поняла Ленка.

— Учительница сказала, — не выдержав, уже в открытую плакал Лешка, — чтоб со мной, как с вазой фарфоровой. Меня потом дразнили.

— Лешичек, — обняла Авдеева парнишку, — дураки тебя дразнили. Это же не навсегда. Мама ведь рассказывала тебе про новые лекарства?

— Рассказывала, — сказал он, вытирая слезы, — только у нас таких денег нет.

— Вот ты и зарабатываешь, — подытожила Ленка. — Но тебе для этого надо в детстве не помереть, понял?

— Понял. — Лешка уже улыбался.

— А потом, пока мама болеет, Машка будет только на тебя опираться, — серьезно добавила Ленка.

— Похоже, больше не на кого, — хлюпнул носом мальчишка.

— Ты не обижайся на отца. Ему просто надо привыкнуть к ситуации.

— Постараюсь.

Когда Машка проснулась, Ленкина помощь действительно не понадобилась: братишка управился со всеми проблемами сам, вызвав искреннее уважение Авдеевой. Раздался телефонный звонок, и Лена быстро подбежала к аппарату. Она ожидала услышать Женькин голос, обещавший сообщить ей о результатах больничного осмотра, но услышала... Валентину.

— Если вы к Грекову, то его еще нет.

— А когда будет?

— Не знаю, — злорадно ответила Ленка, обрадованная возможностью быть невежливой. — Я ему не секретарь.

— А кто вы ему? — очень даже вежливо поинтересовалась Валентина, прекрасно, впрочем, поняв, с кем разговаривает.

— Я ему подруга.

— Понятно, — усмехнулась Валентина. Она никогда не была особо ревнивой, но считала, что каждый должен знать свое место. — После свадьбы проведу учет всех подруг. Оставлю только самых нужных.

— Когда я выйду за Грекова, непременно сделаю то же самое, — дала ответный залп Ленка и, оставив за собой последнее слово, положила трубку. Вскоре вернулся Греков, а за ним и Женька.

Егор, в целях поддержания боевого духа личного состава, заказал на дом в ресторане всякие вкусности.

Но веселья так и не получилось: Женьке, которой с утра предстояла больница и — в любом случае — тяжелый диагноз, пошла спать пораньше. Правда, держалась она теперь гораздо спокойнее и тверже. "Молодец, все-таки, Сеня, наверное, хорошего врача нашел", — благодарно подумал Греков.

— Ну, я поеду? — спросила Ленка. — Вроде, пока не нужна.

— Ты мне всегда нужна. Хочешь — оставайся, все равно завтра приезжать. — Греков с Ленкой договорились как минимум на три дня дежурства, чтоб дать ему время подыскать няньку-гувернантку.

— У меня свой дом есть, — сказала Авдеева.

Это было правдой. У нее действительно был свой дом, точнее — однокомнатная квартирка, доставшаяся от не жившего с ними отца. Авдеева очень гордилась своей квартиркой. Особенно, до того, как увидела Грековскую.

— Тогда я тебя отвезу, — заявил Егор.

— Не откажусь, — согласилась Ленка, только сейчас понявшая, как она умоталась за день. Она ж всю квартиру, как Золушка, разгребла — а Греков этого даже не заметил. Впрочем, что с мужика возьмешь, все они одинаковые.

Когда Греков, проводив Ленку, вернулся домой, было уже поздно, и он очень удивился мобильному звонку. Кто это в такую поздноту?

Звонила Валентина.

— Как дела?

— Нормально.

— Как погода?

— Ты чего, издеваешься? — взвился Греков. — Два часа ночи, какая погода?

— Ну, тебя ж дома не было.

— Ну, не было, — согласился Егор.

— Лену, наверное, провожал, — констатировала Валентина.

— Она весь день здесь пропахала.

— Да ладно тебе, Греков, — явно усмехнулась Валентина. — Я ж тебя насквозь вижу: усталый, но довольный.

— Слушай, чего ты хочешь? — перешел в наступление Греков.

— Выйти за тебя замуж, — спокойно объяснила собеседница. — Причем твое сегодняшнее прошлое меня не волнует. Только завтрашнее будущее. Вот тогда не погуляешь.

— А как же прошлый разговор? — спросил Егор. — Ты собиралась подумать.

— Я подумала. Сын есть сын.

— А Машка?

— Есть частные интернаты. Денег у нас с тобой хватит на самый лучший. Мальчик будет с ней общаться по выходным.

Егор промолчал.

— Греков, ты думаешь иначе?

— Не знаю, — после паузы, наконец, ответил он. — Я не думаю иначе. Я просто пока не знаю, что думать.

— Постарайся решить все разумно, — попросила его Валентина и по своей привычке — не прощаясь — повесила трубку.

9

И все-таки Греков переоценивал свое хладнокровие.

Уже полчаса прошло, а как вспомнит ее, открывающую дверь туда, так глаза застилает мутная пелена.

Хотя, казалось бы, чего он не знал за пять минут до прощания?

Когда только выехали в ту сторону — Греков настоял, Женька категорически не хотела — ничего такого с ним не происходило. Весело не было, но и особого трагизма не ощущал.

Ну, едут в больницу. Да, особо нервных ее название слегка корежит. Но он — не особо нервный. И Женька пока что черную метку не получала.

К тому же он вычитал, что каждая десятая женщина после 35 страдает раком груди. А умирают совсем не многие. Так почему же Женька должна оказаться в неудачниках? Тем более что Греков уже принял для себя решение денег не жалеть, и даже немного этим решением гордился.

Нет, все было не так плохо. Они ехали и шутили с Женькой. Она подкальывала, что нарушает его амурные планы, он укорял ее тем, что она его в свое время недооценила, а вот если б дооценила, то не двоих бы имела, а, быть может, четверых. Но — типа, и сейчас можно кое-что исправить. И в знак серьезности намерений весело похлопывал ее повыше обтянутой черным нейлоном круглой колени.

Она старательно похохатывала, причем он вначале даже не понял, насколько ей тошно. Зато, когда понял, стало ясно, почему она отказывалась от его сопровождения. Тогда не нужно было бы веселиться, на что, похоже, уходила изрядная доля ее душевных сил.

Остаток дороги проехали молча. Но все равно он трагизма не ощущал, сбрасывая ее настроение на женскую психику.

Трагизм он ощутил возле крыльца больничной проходной. Женька вышла одна, сказав что-то типа — «ну, Грека, не поминай лихом». Он хотел вылезти за ней, но она только головой мотнула — не надо. И быстро пошла к ступеням — стройненькая, спинку держа прямо, в своей красивой рыжей шубке-разлетайке. Дверь открыла, и уже в дверях — обернулась. Греков помахал ей рукой в открытое окно «Вектры». Она ответила и скрылась в домике.

Женьки уже не было видно, а его вдруг пробило. Господи, может, он с ней — вот так, между делом — насовсем распрощался? Аж горло сдавило, так стало обидно за нее. И за себя, наверное. Если Женьки не станет, его тоже коснется. И даже не о детской обузе сейчас думал Егор, а о том, что когда уходят близкие, то немножко уходишь и сам. Не зря же сказал один умный человек — колокол звонит по тебе.

Потом он увидел ее снова. Она вышла из проходной и пошла по дорожке, обсаженной высокими заснеженными деревьями.

Греков долго на нее смотрел, но Женька так ни разу и не обернулась. Она уже была там, в своем нынешнем мире.

У Грекова снова затуманились глаза, и не в силах переносить эти ощущения, он включил мотор и вырулил на дорогу.

В дороге стало легче. Во-первых, езда требовала внимания. Во-вторых, мысли переключились на проблемы, которых было более чем достаточно.

Начиная с того, что у Лешки давно кончился западный препарат «Nemofil-F», а всемогущий Сеня Гольц что-то тянет с новой порцией.

Греков все объяснил Авдеевой, она сейчас должна с пацана глаз не спускать, но все равно было неспокойно.

А еще сына надо устраивать в школу — Ленка вчера десять раз об этом сказала, и она, конечно, права.

А еще надо что-то решать с Машкой. Никаких отцовских чувств не испытывал к ней Греков. Но хорошо помнил слова Лешки, а главное — выражение его лица.

А еще на работе предновогодний завал, и сегодня — максимально нехстати — в офис прикатит Джадд — руководитель всех представительств компании в Восточной Европе.

В общем — остается только еще раз повторить: вот тебе, Греков, и Новый год.

К работе подъехал к одиннадцати. Но уже до этого звонила Мария Васильевна — Джадд давно прибыл и гневается.

У дверей встретила Валентина, пытливо глянула ему в глаза и сделала то, что раньше не делала никогда. Сказала тихо: "Держись, Егор Юрьевич", и по руке погладила.

Джадд встретил Грекова неласково. Надулся и сурово бурчал сквозь рыже-пегие усы, красные щеки ходили в такт выпуклому пивному животу. В конце концов, рассердился окончательно.

— Да что такое происходит? Ты на работе или где?

Почему-то это замечание подействовало на Грекова, и он, неожиданно для себя, объяснил господину Джадду все, что в данный момент думал о работе, о компании и лично о мистере Джадде.

Как выяснилось, Греков знал немало специфических английских слов, и этот язык тоже, при ближайшем рассмотрении, оказался достаточно могучим.

Ошарашенный Джадд пошел пятнами и вперевалочку выбежал из кабинета. В раскрытую дверь Греков видел, как его буквально за рукав перехватила Мария Васильевна, но Егора это уже не интересовало. Хотя умом точно понимал: сделал большую глупость. И эта работа, и деньги, которые за нее платят, ему теперь очень даже будут нужны.

Некоторое время Греков просто просидел в кресле, то вспоминая, как уходила от него по аллее его Женька, то размышляя про гемофил, без которого Лешке может стать очень несладко.

Про мистера Джадда даже не вспомнил.

Ирландец вернулся сам.

Весь виноватый, словно это он послал Грекова, а не наоборот.

— Чего сразу не сказал? — снова забурчал он сквозь усы.

Пристыженный Греков нехотя рассказал про заморочку с гемофилом, даже написал название латинскими буквами. Про Женьку рассказывать не стал, но и так было понятно, что решившая бить на жалость секретарша поведала Джадду все его печальные тайны. Тот все понял и, похоже, простил. По крайней мере, не мучил вопросами сбыта краски. А, посидев еще пять минут, хлопнул Егора по плечу и велел проваливать к детям, которым он, Греков, по мнению алчного капиталиста Джадда, в данный момент нужен намного больше, чем зашивающейся в предновогодней толчее компании.

Греков поблагодарил и в самом деле поехал домой: от него, сегодняшнего, толку на работе было немного.

Дома все было в порядке, и она, покормив детей и вымыв Машке мордочку после каши, решила заняться Лешкиной школой.

К делу подошла основательно: залезла в Сеть и выписала все специальные и частные средние учебные заведения в радиусе примерно до 20 минут езды от Грековского дома.

Начать решила с "английских", хотя в списке еще имелись и специализирующиеся на других языках, и физико-математические, и даже — вот до чего дошли! — экономический лицей с собственным детским садом. Это они, что, трехлеток деньги делать учат?

Выписав список с телефонами, устроилась поудобнее — и в кресле мягком, и с блокнотиком на широком поручне-подставке.

Только начала набирать первый номер из списка — английской спецшколы — как краем глаза уловила у двери что-то тревожное.

Машинально всмотрелась — и аж мурашки по коже: маленький злобный гном с устрашающими черными глазами-блюдцами и огромным красным ртом шел прямо на нее. Не сразу поняла, что это не взбешенный тролль, а обычная Машка. И тут же новый мгновенный испуг — что со ртом и глазами?

А еще через секунду облегченный, слегка истерический смешок — девочка просто добралась до ее косметички.

— Я покрасилась, — не выговаривая букву "р", сообщила Машка. — Видишь, красиво?

— Вижу ужас, летящий на крыльях ночи. Давай я тебя вымою.

— Давай нет! — Машка явно имела свои представления и о девичьей красе, и о русской грамматике. А когда Авдеева схватила ее в охапку, чтоб потащить в ванную, заверещала так, что из спальни галопом примчался едва проснувшийся Лешичек.

— Видал, что твоя сестра натворила? — спросила Ленка, поворачивая к нему вопящую Машку.

— Толково! — восхитился Лешичек. — Может, до папы оставим?

— Думаешь, ему понравится? — усомнилась Авдеева, а сама про себя уже перебирала в памяти другие сумочки и предметы, до которых Машуне лучше не долезать.

В этот момент зазвонил телефон. Греков сказал, что сегодня будет пораньше, Джадд его отпустил.

Однако домой Егор попал нескоро.

Уже на выходе подошла Валентина, сказала, что надо поговорить. Оба сели в его машину и поехали.

— Куда направимся? — спросил Егор.

— Может, в ресторанчик, где тихо?

— Давай, — согласился Егор.

Сошлись на маленьком и уютном японском ресторане, которых немало развелось в столице.

Время обеда еще не настало, и зальчик был пуст.

Выбрали место у окна, за столиком на двоих.

— Ну, что решил? — спросила Валентина, удобно откинувшись на спинку.

— Ничего не решил, — отмахнулся Егор, даже с некоторым раздражением. Он же говорил ей, что ничего не решил.

Валентина достала тонкую сигаретку, прикурила и вдруг — как вспомнив что-то — загасила ее о черную керамическую пепельницу.

— Ты чего, бросила? — одобрительно спросил Греков.

— Ага, — односложно ответила Валентина.

— А что так? Новая схема? — намекнул Егор на ее любовь ко всяким диетическо-экологическим инновациям.

— Совсем новая, — усмехнулась она. — Я же замуж собралась. А рожать надо с чистым организмом. Почему не спрашиваешь — на ком?

— На ком? — машинально произнес Егор.

— Не волнуйся, на тебе. На ком же еще? Чего молчишь? Или я тебя уже не привлекаю?

— Привлекаешь, — честно ответил Егор, почувствовав, что ему уже не хочется японского обеда, а хочется совсем другого, столь откровенно предложенного сидящей напротив женщиной. — Но что конкретно ты думаешь о сложившейся ситуации?

— Если честно, то двое детей до свадьбы — это много, — сказала Валентина. — Не обижайся, Греков, но Лешка мне будет полуродной. А девочка — вообще чужая. При чем — нам обоим.

“Только не Лешке”, — про себя подумал Греков, но вслух не сказал ничего.

— Давай, думай дальше, — не форсируя события, на прощание сказала Валентина.

Она понимала, что человек до всего должен созреть сам. И торопить его в этом деле не стоит.

11

Как ни пыталась Женька сдерживать волнение, а оно все равно прорывалось. Впрочем, стыдно ей не было: кто бы не волновался перед оглашением такого приговора? Ведь Воробьев сейчас мог ей “присудить” от почти оправдания до смертного...

Вот почему, найдя его в уже знакомом кабинетике, Грекова так пристально вглядывалась в лицо врача.

И ничего хорошего там не высмотрела. Воробьев был мрачен так, что все и без слов было понятно.

Женька тихо охнула и односложно спросила:

— Все?

Вопрос не выражал никакого смысла, но Воробьев понял и сердито ответил:

— С чего вы решили?

— У вас такой вид.

— Какой у меня вид? — почему-то еще больше разозлился доктор, но тут же взял себя в руки. — Ваши дела относительно неплохи, — объявил он свой вердикт.

— Что значит — неплохи? — не поверила Женька. — И что такое — относительно?

Воробьев внимательно на нее посмотрел, видимо, подбирая слова.

— Говорите, как есть, — попросила Женя. — Вы же знаете ситуацию — мне нужно точно знать мое время.

— Я и говорю, как есть, — вздохнул доктор. — Самого тяжелого варианта, скорее всего, к счастью, не будет. Нет смысла морочить вам голову степенью дифференцирования клеток, но, по моим ощущениям, речь все же идет о годах. Кстати, шансы на выздоровление тоже есть.

— Значит, в печени не метастаз?

— Это точно покажет только лапароскопия. Но есть мнение, что это может быть и что-то доброкачественное. К тому же, локализация опухоли такова, что с ней можно бороться. А опухоль из груди нужно убирать немедленно. Завтра-послезавтра и уберем, когда все анализы соберутся, и я подготовлюсь.

— Вместе с грудью? — горько спросила Женька. Теперь, когда жизнь измерялась не месяцами, ей стало ужасно жалко свою грудь.

И тут доктор Воробьев впервые позволил себе улыбнуться.

— Вы слышали что-нибудь о реконструктивной пластической хирургии? — спросил он.

— Морщины убирать? — вяло откликнулась Грекова, уже погруженная в свои печальные мысли.

— Не только, — как-то по-мальчишески ухмыльнулся тот и вызвал медсестру Галю.

— Ну, будем лечиться? — обратилась она к Женьке. Галя уже знала, что диагноз перестал быть фатальным, и имела право так спросить.

— Будем, — вставая, ответила Женька. — Пошли в приемное отделение, меня прописывать.

Потом Женькино больничное время полетело с обычной для таких мест парадоксальностью: одновременно неторопливостью и — быстротой, когда вечер сменяет утро так, что и оглянуться не успеваешь.

В приемный покой — оформить документы. Потом в палату, в которой к моменту ее прихода было пусто, хотя вторая кровать была разобрана — видно, соседку куда-то таскали по медицинским нуждам.

Потом снова к узисту — сначала посидев в очереди. Потом на совсем непонятные и, видно, очень дорогие диагностические аппараты.

Лишь после обеда Женька вернулась в палату и увидела соседку.

Та сидела на кровати и уплетала вкуснейший — наверняка не самый полезный для нее — бутерброд: на черном хлебе возлежала густоперченнная селедочка, кусочки белого лука и еще какие-то острые приправы.

— А разве можно? — попробовала остановить эти ужасы Женька.

— А мне теперь все можно, — рассмеялась рыжеволосая девица. — И потом, когда "химией" травить начнут, будет точно не до еды. Меня Наташей зовут.

Глаза у Наташи были красные, но Женька голову могла дать на отсечение, что страх в этих глазах отсутствовал.

— Я уже свое отбоялась, — как бы отвечая на незаданный вопрос, спокойно проговорила Наташа. — И на жизнь не в обиде, даже если через месяц — капец.

— Что ж ты такое говоришь? — возмутилась Женька. — Ты в зеркало на себя погляди.

— Зеркало врет, а от "химии" я, может, откажусь.

— Как это — откажешься?

— Доживу как здоровый человек.

Женька молчала, не зная, как себя вести.

В дверь палаты постучали.

— Войдите, — обернулась к дверям Женька.

Вошел мужчина, совсем еще молодой, с двух-трехлетним мальчишкой на руках.

Наташка взметнулась с кровати и, как маленькая буря, пролетела к ним, еще на ходу начав обоих целовать.

Поднялась такая возня и смех, что Грековой даже страшно стало: ведь сейчас они все вспомнят!

Но никто, видимо, ничего не вспоминал. Наташка то тискала льнувшего к ней дитя, то смотрела на мужа, не выпуская его руку из своей. И так на него смотрела, что Женька сама ей предложила:

— Может, я пока погуляю с малышом? Чтоб он больничным воздухом не дышал.

— А вам не трудно? — счастливо переспросила Наташка и обняла парня, пока за Грековой дверь не закрылась.

Лучше бы закрылась.

Потому что Женька все-таки успела услышать Наташкин всхлип...

12

Егор с утра был в приподнятом настроении.

Неужели и в самом деле удастся встретить этот Новый год без ужасов? Еще вчера Греков даже мечтать об этом не решился — чтоб не сглазить. А сегодня, похоже, можно. По крайней мере — мечтать.

Женькины шансы резко выросли — это раз. Пожалуй, даже не просто выросли — ситуация коренным образом поменялась.

Позавчера ей сделали лапароскопию. Проще говоря, заглянули в живот. О результатах Грекову рассказывал ее лечащий врач, Воробьев. Он для Женьки теперь — вместо Бога, что начинает вызывать у Грекова чувство, слегка напоминающее ревность. В Женькиной красивой груди — действительно рак. Не самый опасный, но совсем безопасных злокачественных опухолей не существует. Потому они и называются — злокачественные. Их главное качество — зло.

А вот в печени оказалась ангиома. Даже пункцию не стали брать, хотя в зонде, который вводили в прокол, имелось все: и видеокамера с большим разрешением, и подсветка, и устройство для отщипывания проб.

Но ничего отщипывать не стали. Потому что у ангиомы такой специфический внешний вид, что в дополнительных анализах смысла не было.

Убить Женьку она точно не сможет. Если надоест — ее просто уберут, безо всяких особенных последствий для печени.

А это значит, что Женькин рак разом переехал из отвратительной четвертой стадии во вполне терпимую вторую. Может, даже в первую: размер первичной опухоли — два сантиметра — позволял отнести ее и туда, и сюда. Так что пусть лучше живет в первой.

Ленка — какая все-таки молодец! — взяла свой кровный отпуск и согласилась просидеть его с Грековскими детьми. От денежной компенсации, предложенной Егору, отказалась наотрез. Еще и обиделась.

"Надо будет подарок какой-нибудь достойный купить", — решил Греков и черкнул в фирменном ежедневнике соответствующую запись.

Еще одна новость — Сеня Гольц отличился. Под занавес года подписал договор с городскими чиновниками на поставку чертовой уймы краски — 20% всего прошлогоднего объема.

Греков, когда узнал о Сенином триумфе, аж зажмурился: это ж какого размера взятки придется давать за такие объемы? Но Сеня с видом профессионального факира сообщил, что никаких сумм "откатывать" не придется. Определенно, все хорошо складывается. И Сению обязательно надо тащить на должность коммерческого директора, пользуясь благорасположением Джадда — окончательно решил Греков.

И тут звякнул синий телефон без цифр — по нему соединяла только Мария Васильевна и только с важными персонами.

Из трубки донесся жеваный голосок мистера Джадда.

Легок на помине.

Мистер Джадд был краток, объяснив, что искомый препарат — а, точнее, "Гемофил Ф" — уже прибыл в Шереметьево с мистером Хокингом, старым другом мистера Джадда, очень кстати прилетевшем в Москву по каким-то своим надобностям.

Грековский босс продиктовал подчиненному номер мобильного телефона мистера Хокинга, сообщив, что основной груз с лекарством придет через две недели: на аптечном складе его маленького ирландского городка — в котором, как выяснилось, проживал лишь один больной гемофилией — в наличии больше не было.

Греков заикнулся было о деньгах, но в ответ услышал лишь веселое характерное ржание вперемежку с английским матом. Из прочих немногих слов Егор понял, что это подарок его сыну от мистера Джадда и от его старухи, которая возглавляет благотворительность их городка и которая как раз эту посылочку в таком хорошем темпе и сорганизовала.

Грекову оставалось только смущенно поблагодарить недавно им же обруганного босса. Трубку Егор положил, почти счастливый — он вдруг понял, как чудовищно устал бояться за Лешку. Когда тот жил с Женькой вдалеке — этого чувства не было.

А чувство-то — препоганое. Все равно как постоянно видеть на коленях у своего ребенка кобру, не имея возможности ее прогнать и не имея противоядия.

Теперь у него такое противоядие есть.

13

Солнечный луч коснулся лица, и спавшая у окна двухместной палаты Женька проснулась.

Уже почти неделю она здесь, в этой больнице. Днем, после обеда, она покидала свое комфортабельное жилище, надевала припрятанную, не сданную кастелянше, шубу — и уходила в больничный парк, который более походил на лес. Даже белку своими глазами видела.

Она, пожалуй, единственная, — из тех, кого вместе с ней положили, — которую пока не прооперировали, не облучили или не накачали "химией": в этой больнице ценят "койко-время", просто так не поваляешься.

Но у нее особый случай. Ей еще лапароскопию делали — а это под общим наркозом. И бесчисленно просвечивали на хитрых, компьютеризованных по уши, рентген-аппаратах — искали метастазы.

В итоге пришли к выводу, что, кроме рака молочной железы, у нее больше проблем нет.

И вот на сегодня назначена операция, которую Женька и ждет, и боится. Она уже даже будущую грудь свою видела — в объемной 3Д-проекции — на мониторе компьютера. Физически же ее создадут тонкие, сильные и чуткие пальцы доктора Воробьева. Не из ничего, конечно, а из сохраненной в результате щадящей операции верхней мышцы и кусков собственного Женькиного тела, взятых из других, нетронутых болезнью мест. Ну и силикон, возможно, пойдет в ход.

Рядом застонала и завозилась Наташка.

Это — вторая пациентка, с которой целую неделю медики ничего не делали.

Она, как и обещала, категорически отказалась от химиотерапии, а операцию ей и не предлагали.

Первые дни Наталья жила, как в санатории: весело трепалась с персоналом, который знала поголовно, с аппетитом ела в столовой, потом с Женькой еще чай в палате пила. И, конечно, в кайф обнималась с мужем и сыном — те приезжали к ней ежедневно.

Дня через три Женька даже решила, что врачи ошиблись, столь мрачно расписав Наташкино будущее. Ну и что здесь такого? Они и ей поначалу пообещали много хорошего. И, слава Богу, обошлось.

Может, и здесь обойдется?

Однако на ее попытки поговорить об этом доктор Воробьев только мрачнел и разговор не поддерживал. Высказался лишь однажды — и то, потому что Женька его достала. Его высказывание снова ошарашило Женьку.

Наташкина смерть, по предсказанию доктора Воробьева, была не то, что не за го-рами. Она была вообще рядом — вопрос считанных месяцев, а может — недель.

И еще доктор предложил Женьке переехать в другой блок, благо, ее уже начали готовить к операции. Чтоб Наташкин близкий уход не подействовал на нее отрицательно.

Женька отказалась: почему-то ей показалось, что это будет нечестно перед Наташкой. И еще, наверное, потому, что, несмотря на все научные резоны, все-таки не могла поверить врачам — уж слишком цветущей выглядела ее веселая сопалатница.

Хотя, в последнее время, пожалуй, менее цветущей, чем раньше, вдруг подумалось Женьке. Например, вчера, когда она, как обычно, предложила погулять с ее сыном, девушка отказалась.

Так они и просидели не меньше двух часов: Наташка, на боку, полулежа, на своей кровати — угнездив к теплему животу в байковом халатике мальчонку — и Виктор, ее муж, на стуле напротив. Просто сидели, абсолютно молча, только за руки держались.

Но к вечеру Наташка вновь разошлась и даже пошла на отмечание дня рождения одной из палатных сестер — она знала тут всех, и все знали ее. Вернулась поздно, на вопрос Грековой, как себя чувствует, ответила, что нормально. А потом, совершенно не к месту, вдруг сказала, что ни о чем не жалеет. Мол, жалко только, что так недолго.

И, как в первый свой день в больнице, услышала Женька сдавленный Наташкин всхлип.

Солнце тем временем совсем разошлось. Надо было вставать, скоро завтрак.

— Наташ, ты как себя чувствуешь? — спросила соседку Женья.

Наташка не ответила.

— Наталья! — громче позвала ее Женька, и, уже понимая, в чем дело, прыжком сбросила себя с кровати.

Нет, Наташка была жива. Если можно было назвать жизнью ее нынешнее состояние. Она была без сознания, тяжело дышала, время от времени тихо постанывала. Такое ощущение, что плохо было уже не ей, а остаткам ее брэнной оболочки.

На Женькин зов прибежала сначала палатная медсестра, потом — Воробьев. А потом палата стала как проходной двор: все время кто-то в белом заходил, и кто-то в белом — выходил. Надолго не задерживался ни один.

Правда, Воробьев заходил уже раза четыре. Женька его сначала не трогала, потом не выдержала, спросила — почему никто ничего не предпринимает? Неужели нельзя облегчить хотя бы ее страдания — Наташка стонала все чаще и протяжнее, по-прежнему не приходя в себя.

— Все, что можно, уже предпринято, — сухо ответил хирург. И, смягчая ответ, взял Женьку за руку. — Давайте вас все-таки отсюда переведем.

— Я останусь, — твердо проговорила Женька.

К обеду дыхание умирающей, — а это уже понимали все, — стало отрывистым и спутанным, глаза время от времени закатывались, она по-прежнему никого не узнавала и в себя не приходила. Между губ справа появилась тоненькая струйка темной крови. Ее вытирали салфеткой, но через несколько минут она вытекала снова.

Женьку никто не гнал, она оставалась в палате на своей койке.

В час дня пришел Наташкин муж с мальчонкой.

Ребенка перехватили внизу медсестры, а мужа пропустили наверх.

Он стоял в углу палаты, теребя в руках пластиковый пакет с какой-то снедью, — несмотря на Наташкины протесты, он каждый приход с собой чего-нибудь приносил.

— Она умирает? — спросил он у вновь зашедшего — уже, наверное, в десятый раз — Воробьева.

— Да, Витя, — ответил доктор. — Она умирает. Может, лучше тебе уйти? Тебя зовут, когда будет надо.

— Ей как-то можно помочь?

— Нет.

— А можно, чтобы все ушли? Мы бы остались с ней вдвоем.

Воробьев на секунду задумался.

— Можно, — наконец принял он решение. — Если понадобится, зови — показал он рукой на кнопку вызова персонала и вышел из палаты.

Женька поняла, что ей тоже надо уйти: парень, женившийся на девчонке с таким диагнозом, имел право на подобные просьбы.

Наташкин муж сел в изголовье кровати, вытер полотенцем кровь с губ жены, взял ее руку в свою.

То ли она его почувствовала, то ли просто совпало, но Наташка открыла глаза и, как показалось Женьке, совершенно осмысленно посмотрела на мужа. И даже как будто улыбнулась.

Но только на миг. Потому что в следующее мгновение ее тело выгнулось, мутная кровь изо рта выплеснулась на подбородок, а лицо исказилось гримасой боли. И было уже совершенно понятно, что это на секунду искаженное смертной мукой лицо — вовсе не Наташкино. Наташки больше не было — ни в этой комнате, ни в этом мире.

— Она ведь узнала меня? — как заведенный, спрашивал Наташкин муж, которого в воробьевском кабинете отплавляли то кофе, то чаем, обильно подливая в чашку коньяк. — Узнала ведь, правда?

— Конечно, узнала, — подтверждали и Воробьев, и медсестры, и пришедшая проститься с Наташкой пожилая прихрамывающая еврейка, врач-анестезиолог, готовившая наркоз для всех предыдущих Наташкиных операций. Она же произнесла сначала не понятую присутствующими фразу:

— Бог поцеловал...

— Что? — переспросил Воробьев.

— Бог поцеловал, — без выражения повторила та и, устав стоять на отечных ногах, присела на край табуретки. — Когда у нас кто-то вот так умирает — без боли, без лежаний, после счастливой жизни, говорят: Бог поцеловал.

Почему-то это очень утешило Наташкиного мужа. А, может, начал действовать коньяк, принятый на голодный желудок.

Он расслабился, и даже глаза прикрыл.

— Положите его где-нибудь, — велел Воробьев медсестрам. — Можно в ординаторской. И за ребенком проследите.

— Не волнуйтесь, Евгений Александрович, — заверили его. — Все сделаем, как положено.

А Воробьев уже обращался к Женьке.

— Ну, что будем делать?

— А какие есть варианты? — вопросом ответила Женька.

— Либо, как запланировано, либо отложим на завтра.

— Это от вас зависит. Я ведь просто засну, а вам работать.

— Я в форме, — спокойно проговорил доктор. — Думаю, за шесть часов уложимся.

— А потом? — зачем-то спросила Женька.

— А потом нажрись, как сволочь, — все так же спокойно продолжал Воробьев. — А что я еще могу сделать? — добавил он, по-детски беспомощно разведя руками.

День, — начавшийся столь радостно для Грекова, столь печально — для Наташки, и столь судьбоносно — для Женьки, для Авдеевой начался никак. То есть — самым обычным образом.

Вымыть попу Машке — она уже давно доверяла Ленке этот интимный процесс, хотя поначалу особо приближенными были лишь мама и старший брат. Сварить овсяную кашу с фруктами, постирать их мелкие тряпки, а заодно и Егоровы. Убрать, хотя бы сверху, немеряные Грековские квадратные метры — все это занимало уйму времени и сил.

Ленка торопилась, потому что именно на сегодня было назначено собеседование в одной из отобранных ею для Лешки спецшкол. Правда, Женька по телефону сказала, что, как только оправится от операции, заберет детей обратно, на Урал. Но Авдеева считала, что ее сегодняшние заботы лишними не будут.

Во-первых, не дай Бог, конечно, операции заканчиваются по-всякому. А во-вторых, ее не оставляла надежда, что Женька холодным своим разумом поймет и согласится с тем, что мальчику с его болезнью лучше жить в Москве. А для будущей карьеры — лучше учиться в московской школе.

На самом деле Ленка прекрасно понимала, что просто ищет причины не расставаться с мальчишкой, к которому успела привязаться. Не меньше она привязалась и к Машке, но здравым умом четко понимала, что уж ее-то поправившая здоровье мамаша точно отцу, тем более не родному, не отдаст.

Так, может, хоть с Лешкой получится?

Она крутилась по дому, Машка каталась по гостиной на любимом средстве транспорта — купленном ей Грековым велосипеде, а Лешка то и дело смотрел наверх.

С одной стороны, ему было скучновато. С другой — очень хотелось провернуть одно небольшое дельце, но вот предупредить о своем желании никого не стоило. Иначе грозил полный облом — Ленка, по сто раз в день требовавшая от него осторожности, никогда бы не разрешила ему залезть на стремянку.

А дело было вот в чем. Грековская главная комната — на самом деле, целый зал — была украшена замечательной люстрой, увенчанной целым хоромом небольших, но очень ярких галогеновых лампочек. И, как водится, добрая половина из них уже давно сгорели. Нельзя сказать, чтобы обитатели квартиры сидели впотьмах, но перегоревшие лампы ощутимо портили внешнее благолепие шикарной квартиры Егора Юрьевича.

И хотя Ленка ни в малой степени не чувствовала эту квартиру своей, ей, как нормальному домовитому человеку, было неприятно наблюдать столь вопиющее неуважение к домашней красоте. Смог приобрести — сумей и ухаживать.

Она пилила Грекова регулярно, в результате чего однажды он привез лампочки, а два дня назад — большую раскладную стремянку. Но десяти минут, чтоб сменить лампы, так и не нашел. Авдеева же не хотела выполнять мужскую работу из принципа.

Вот эта ситуация и заинтересовала юного Грекова. Ему конкретно хотелось произвести полезную работенку, чтобы снискать благодарность уважаемой им Ленки и почет от отца.

И выгодный момент скоро представился. Точнее — мальчик подготовил его сам, тщательно припрятав три трубки радиотелефона в спальне.

Когда Греков позвонил — сообщить, что "Гемофил" уже в аэропорту, и даже номер и фамилию ирландца продиктовал, чтобы Ленка в случае чего не удиви-

лась звонку. Авдеева не меньше минуты искала аппарат, а, найдя и переговорив с Егором, уже из спальни и звонила — ей нужно было подтвердить встречу в спецшколе.

Лешка воспользовался моментом, отодвинул от центра комнаты сестренку вместе с велосипедом и быстро раздвинул стремянку.

Он успел сменить уже больше половины ламп — мальчишка и в самом деле был толковый, когда Машка на полном ходу врезалась в лестницу.

Патентованная стремянка устояла на своих раздвинутых ногах. А вот Лешка не удержался на ступеньках и слетел вниз.

При падении одна из лампочек разбилась, оставив маленькую царапину на его левой руке.

Гораздо хуже было другое: падая, он ударился лицом об руль Машкиного велосипеда, разбил себе нижнюю губу и напрочь выбил два нижних передних зуба.

Случилось то, чем его всегда так пугали.

Несмотря на боль, Лешка встал, молча поднял за подмышку сестру и уже с ней на руках отправился к Авдеевой.

Вот она-то испугалась по полной программе! С плачем и причитаниями потащила его в ванную — попыталась остановить кровь традиционными методами.

Куда там! Для гемофилии традиционные методы точно были непригодны.

Понимая, что счет пошел на минуты, Ленка попыталась взять себя в руки. Вызвать "Скорую"? Она знает, с какой скоростью приезжает на вызовы "Скорая". Тем более — по московским "пробкам".

Итак, ей нужен врач и препарат "Гемофил Ф", который уже находился в Москве. Точнее — почти в Москве, ибо Шереметьево — это еще не совсем Москва.

— Лен, я умру? — почти спокойно спросил Лешка.

— Ты что, спятил? Ты что такое говоришь? Дурак! — от испуга и бессилия разоралась она.

Заставив Лешку прижимать к губам мокрое холодное полотенце, она бросилась звонить Грекову. Тот оказался вне зоны связи.

Судорожно пролистав телефонную книжку, Ленка нашла только одно знакомое имя — ненавистную ей Валентину и трясущимися пальцами набрала номер.

Валентина ответила сразу.

— Это я, Авдеева.

— Какая Авдеева? — бесстрастно поинтересовалась та.

— Соперница твоя.

— У меня соперниц нет, — холодно ответила Валентина.

— Плевать! — заорала в телефон Авдеева. — Лешка выбил зуб — два зуба! — его надо срочно в больницу. Или "Гемофил" срочно привезти.

— Греков-сын?

— Да! "Гемофил" в районе Шереметьево, у меня есть сотовый мужика, который его привез.

— Ты на грековской квартире?

— Да. Где ж еще? — Ленкино терпение кончалось, она уже сама чуть не плакала.

— Я прямо рядом с вами. Через пять минут выводи парня вниз, повезем в больницу. Греков говорил, что в экстренных случаях даже донорская кровь годится. И посмотри, какие больницы специализированные.

— Я и так знаю: первая республиканская, институт гематологии и измайловская детская.

— Измайлово ближе всего, и трафик там поменьше.

— Да приезжай же ты скорей! — заорала в трубку Ленка.

— А я что делаю? — огрызнулась Валентина. — Вытри мальчику кровь, чтоб он не пугался. А себе — сопли. И иди вниз.

Легко сказать — иди. Тут еще и Машка. Не бросишь же ее. И как добраться до "Гематофила"? Не зря же Греков и Женька так боялись донорской крови!

И тут ее осенило. Уже спускаясь в лифте — в одной руке Машка, в другой — окровавленный Леша, непонятно чем набрала номер Алевтины Матвеевны, крутой женщины-охранницы, с которой уже пару раз перебрасывалась по телефону.

В лифте приема не было, но как только двери раскрылись, нажала на кнопку вызова.

Алевтина тоже ответила сразу, и, несмотря на сумбурность изложения, моментально вникла в проблему.

— Диктуй телефон, детка, — сказала она.

Ленка продиктовала сотовый иностранца.

— Там же "пробки" на Ленинградке, — с тоской проговорила она.

— Плохо ты знаешь бабу Алю, — гордо ответила Алевтина. — Это я только мужа хорошего найти не могу, а дело делать умею. Знаешь такую штуку — вертолет?

К подъезду на полном скаку, не обращая внимания на жестикулирующего охранника, подскочила маленькая бирюзовая "фабия".

— Быстро сюда! — сквозь опущенные окна скомандовала Валентина. И сама вышла, помочь закинуть в машину сопротивлявшуюся Машку.

Еще через минуту "фабия", включив все световые приборы и беспрестанно сигналила, помчалась по городу.

Лешка бледнел на глазах.

— Леш, как ты? — раз в двадцать секунд спрашивала его Ленка, чем еще больше пугала пацана.

— Ну-ка, заткнись! — наконец не выдержала Валентина.

Ленка, неожиданная для себя самой, и вправду заткнулась. Вообще, с Валентиной ей стало гораздо легче.

В этот момент у нее в руке зазвонил телефон. Звонила Алевтина Матвеевна.

— Мужика нашли, он остановил такси возле поста ГАИ на въезде в город. Вертолет там сядет. Куда везти лекарство?

— Измайловская детская больница! — заорала Авдеева. — Только быстрее, ладно?

— Ладно, — проворчала Алевтина. — Сейчас разберемся, где там есть. По-моему, прямо перед ней можно.

— У мальчика какая группа крови? — вдруг спросила Валентина.

— О, Господи! — взметнулась Авдеева. — Я ж кровь Женькину не взяла!

— Какая группа у мальчика? — жестко повторила вопрос Валентина.

— Первая, резус положительный.

— Значит, один литр крови, как минимум, есть.

— Откуда ты знаешь про мою кровь? — удивилась Авдеева.

— Значит, два литра крови есть, — так же бесстрастно повторила Валентина.

Ленка по дороге позвонила в больницу, и их уже ждали: Лешку мгновенно положили на носилки, хоть он и уверял, что спокойно дойдет сам. Наверное, и дошел бы, но лицо его стало таким бледным, что Ленка только плакала и молилась.

Валентина, как волчица, ходила вдоль приемного покоя, поднимала со снега какие-то прутья и с треском их ломала.

Кровь у них брать отказались, сказали — своей достаточно. Валентина начала было качать права, но здесь у нее явно не покатило: сухонькая врачиха просто вызвала охранника.

В нервной тряске они провели долгих два часа, отвлекались только на Машку, причем у Ленки натурально тряслись руки, и потому переодевала девочку Валентина — всё ждали вертолет, который так и не появился. Попутно Валентина объяснила Ленке, почему не отвечает Греков: у них сегодня новогодняя пьянка во главе с Джадом. Сняли какой-то пафосный ресторан в подвале — потому и нет сигнала. Греков сначала идти не хотел, но все-таки решил не портить корпоративный дух.

Каждые двадцать минут они приставали к дежурному врачу, чтоб тот информировал их о состоянии мальчика.

Алевтина Матвеевна исчезла со связи напрочь — тоже, наверное, что-нибудь новогоднее, — и Ленка так и не смогла выяснить, что случилось с вертолетом и "Гемофилом Ф".

Потом проявился Греков — сам позвонил, поинтересовался, как дела. Валентина все ему объяснила, и он тут же примчался в Измайлово.

— А сегодня ведь Женьку оперируют, — вдруг вспомнила Ленка.

— Дай Бог ей удачи, — тихо сказала Валентина, закуривая очередную — десятую уже, наверное, сигарету.

А потом вышел врач. И не просто вышел, а с Лешкой. Он еще был бледный, но уже не испуганный.

И донорская кровь нашлась в больнице. И криопресипитат — охлажденная "выжимка" из донорской крови.

И фибриновую "пробочку" в "ямки" из-под выбитых зубов положили.

И импортный "Гемофил" от Джаддова дружка вовремя привезли — просто вертолет сел на площадке у МКАДа, и лекарство доставили на "скорой" до больницы. Теперь хорошая его доза гуляла по венам мальчика.

Они подождали Грекова и пересадили к нему в машину Лешку с перебинтованной рукой и уставшую, а потому закапризничавшую Машку.

— Их надо покормить, — успокоенно произнес Греков. — Да и меня не мешало бы.

— Вот и покормишь, — буркнула Ленка.

— Ты сегодня — третий лишний. Понял? — добавила Валентина.

Потом они сели в "фабию" и уехали в совсем не пафосный кабачок. Зато при нем была собственная парковка — сегодня вечером Валентина рулить уже не собиралась.

Они поели. Выпили. И даже чуть не подрались, — из-за все того же чертова Грекова, — но быстро помирились и опять выпили.

Попутно отшили двух-трех потенциальных кавалеров. Да так профессионально, что никто из мужчиков даже не попытался проявить настойчивость.

Потом опять выпили. А после полуночи — ресторанчик работал по-современному, до последнего клиента, — еще и спели. Причем безо всяких новогодних караоке. Не совсем, правда, "в нотки". Зато — с душой.

Потом метрдотель вызвал им — по их просьбе — такси и взял под охрану — до следующего вечера — их бирюзовую "фабию".

В такси они тоже сели рядом, обе — на заднее сиденье. Сегодня им почему-то совсем не хотелось расставаться. Завтра — кто его знает. Завтра — другое дело.

Но сегодня — пока еще сегодня.

15

Вот и пролетели Новогодние праздники. Десять дней страна была в загуле, а тут вдруг вспомнила, что надо бы и поработать.

На службу вышли и трудоголики, и бездельники. Сколько ж можно пьянствовать?

А вот ни Валентина, ни Авдеева, ни Греков сегодня вечером трудиться не собирались.

Утром — да, поработали немного. А вечером они провожали Женьку.

Женя была веселая и собранная. На химиотерапию она не осталась, сочтя, что лишние десять процентов особой роли не сыграют. После того, как "метастаз в печени" оказался ангиомой, она на многое смотрела по-другому. И еще ей запомнился Наташкин отказ от "химии".

Короче, травиться она не стала, а гормональную терапию ей будут делать в их гордке. И раз в квартал — тут уж она Наташкиных ошибок не повторит — как штык будет здесь, в больнице.

Если все сойдет благополучно, то в следующем году можно будет приезжать раз в полгода, а после трех лет нормального "полета" — раз в год.

Так что, похоже, повезло Женьке Грековой.

— Ну, что, будем прощаться? — спросила она. Время подошло — состав уже минут десять как подали на посадку. — И поцеловала Грекова, потом Ленку, потом Валентину — история с Лешкиным спасением, сначала от нее тщательно скрывааемая, со временем стала достоянием семейной гласности.

Ленка уже ревела вовсю — дети давно стали для нее своими, и расставаться было тяжело. Машка тоже заревела из солидарности. Лешка крепился, но видно было, что из последних сил.

— Всё, — снова проявила инициативу Женька. — Долгие проводы — долгие слезы. Пошли в вагон.

Греков занес в купе их вещи, поцеловал всех троих и вышел на перрон. Там застал кусочек беседы своих дам.

— Я даже ненавижу тебя теперь не могу, — жаловалась Валентине Авдеева. — Хотя ты, конечно, стерва.

— А то... — лениво соглашалась Валентина.

При виде Грекова выяснение отношений мгновенно завершилось.

— Вот жениться бы на обеих, — неожиданно для себя самого вырвалось у Грекова.

— Перебьешься, — мгновенно отреагировала Ленка.

— Мечтатель ты наш, — спокойно прокомментировала Валентина.

Поезд запыхтел сжатым воздухом и лениво тронулся. В окно впечатались два приплюснутых детских носа. Чуть позади детей стояла Женька.

Она плакала и махала им рукой.

Ленка Авдеева плакала тоже.

И даже Валентина как-то странно вздохнула, доставая очередную сигарету.

Еще через пять минут и огоньков на последнем вагоне не стало видно. Остался лишь вечный вокзальный запах: дымка и дальних странствий.

— Ну, что, девочки, по домам? — спросил Греков. — Кого куда везти?

— Я Авдееву сама отвезу, — сказала Валентина, и они, демонстративно обогнав Грекова, скрылись в дверях вокзального здания.

А Греков остановился под фонарем и еще раз посмотрел вдоль перрона. В нескольких километрах отсюда в маленьком купе ехала когда-то родная ему Женька. И сейчас родной ему Лешка. И, похоже, почти родная ему Машка.

Господи, и что это делается на Земле?

А что ему делать с двумя любимыми женщинами? Как быть в этом вопросе?

Он вздохнул полной грудью зимний вокзальный воздух. Эх, уехать бы за пару тысяч километров! Но сам же понимал, что это ровным счетом ничего не решит.

— До чего же тяжелая штука — жизнь, — вслух негромко проговорил Греков. А завершил мысль снова нестандартно: — Но до чего же — приятная!

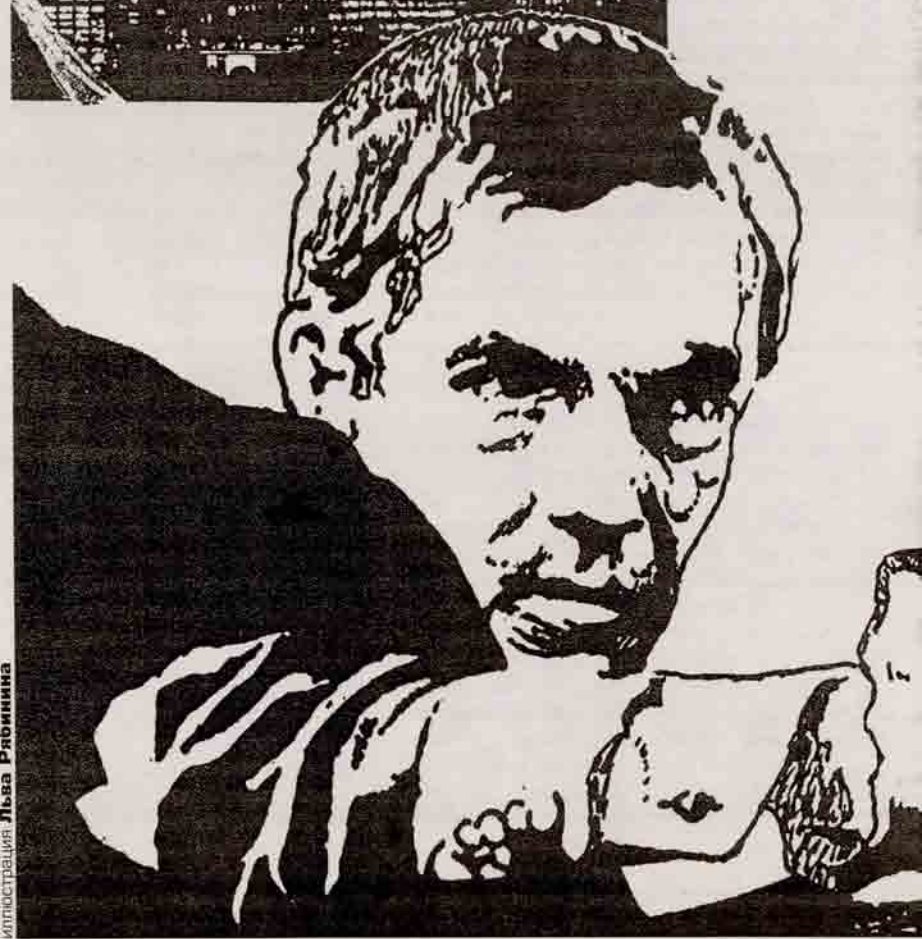

иллюстрация Льва Рябина

**Убей сейчас,
заплатишь после**

В понедельник Пит, против обыкновения, не одарил меня своей любезной улыбкой. Даже не обратил внимания на давно заведенный обычай и не позволил мне взять у него кепи и куртку, чтобы отнести их на вешалку.

Пит приходил трижды в неделю — по понедельникам, средам и пятницам, около полудня, когда заканчивал работу в деловом здании на Восьмой авеню. Вулф всегда давал ему доллар, поскольку Питу приходилось шагать пять минут до нашего старого дома на Западной тридцать пятой улице. Я ограничивался четвертаком, но мои башмаки Пит надраивал не хуже туфель Вулфа. Хотя и не лучше.

Тем утром, как только Вулф развернул свое исполинское кресло, в котором восседал за рабочим столом, Пит присел на корточки и постучал себя по голове рукоятью щетки.

— Там сегодня пусто. Кое-что случилось, потому-то я и пришел раньше срока. Захожу в комнату мистера Эшби, моего хорошего клиента, который зовет меня дважды на дню. В комнате никого, окно нараспашку, холодный ветер задувает. Десятый этаж. Подхожу к окну, выглядываю. Внизу — огромная толпа и легавые. Выбегаю в коридор, спускаюсь на лифте, протискиваюсь сквозь толпу и вижу своего доброго клиента. Лежит мистер Эшби на тротуаре, разбился в лепешку. Жуть просто. Я из толпы выбираюсь, гляжу вверх, а из окон головы повывсовывались. Думаю, негоже сейчас по тем клиентам ходить, вот и пришел сюда раньше обычного, так что уж не обесцудьте, мистер Вулф. — И он пустил в ход свою щетку.

Вулф хмыкнул.

— Я бы советовал вам вернуться. Если толпа уже собралась, когда вы выглянули из окна, и если мисс Кокс сможет указать точное время вашего появления в комнате, тогда, вероятнее всего, вы неуязвимы, но неприятности у вас, вероятно, будут. Не стоило покидать здание. Очень скоро вас начнет разыскивать полиция. Немедленно ступайте обратно. Башмаки мистера Гудвина могут подождать до среды. Или приходите сегодня днем.

Пит положил щетку и достал крем для обуви.

— Легавые, они ребята неплохие, я их уважаю. Но если я скажу легавому, что кое-кого видел, — он принялся покрывать туфли лаком. — Нет, нет, сэр.

— Стало быть, вы кого-то видели.

— Я не говорил, что кого-то видел. Я лишь сказал, что будет, если я сообщу легавым, будто кого-то видел. — Он снова мазнул туфли кремом.

Спустя час, когда я, по поручению Вулфа, шагал в банк, то остановился на углу Восьмой авеню и осмотрелся. Разбившегося в лепешку мистера Эшби уже убрали, но тротуар перед зданием был обнесен канатами, дабы орды сыщиков-любителей не затрудняли работу двух криминалистов из убойного отдела, а трое легавых регулировали уличное движение. Посмотрев вверх, я увидел, что из некоторых окон еще торчат головы, но только не на десятом этаже. А всего этажей было двенадцать.

Дневную "Газетт" приносят в старый дом на Западной тридцать пятой улице (собственность, жилище и рабочее место Ниро Вулфа, когда он работает и когда мы не заняты важным делом, потому что, если заняты, в контору не войдешь) в начале шестого вечера. С четырех до шести Вулф с Теодором наверху хлопочут над орхидеями. Фриц печет или варит что-нибудь на кухне. А я быю баклуши. Поэтому, когда в тот день принесли "Газетт", ее прибытие оказалось весьма желанным, и я выяснил все, что она знала о гибели мистера Дэниза Эшби. Он полетел на тротуар в 10.35 утра и скончался сразу же по прибытии туда. Не нашлось никого, кто видел бы, что Эшби вылетел именно из своего кабинета.

та на десятом этаже, но, скорее всего, так оно и было, потому что в 10.28 секретарша, мисс Фрэнсис Кокс, беседовала с ним по телефону, а никаких других открытых окон поблизости не обнаружилось.

“Газетт” не сообщала, как квалифицирует это событие полиция — как несчастный случай, самоубийство или убийство. Если в тот миг, когда Эшби покинул свой кабинет через окно, рядом с ним кто-то был, этот кто-то не станет болтать о таком обстоятельстве. После 10.35, когда Эшби слился с тротуаром, в кабинет около четверти часа не входила ни одна живая душа, а потом туда вошел чистильщик сапог Питер Вассос, чтобы надраить Эшби ботинки. Еще через пару минут, когда на десятый этаж прибыл какой-то легавый, узнавший имя Эшби из найденных в его кармане бумаг, Вассос уже удалился. Обнаруженный впоследствии у себя дома на Грэм-стрит на юге Истсайда в Манхэттене, он был препровожден в районную прокуратуру для допроса.

Дэниз Эшби, тридцати девяти лет, женатый, бездетный, служил вице-президентом корпорации “Мерсерз-Боббинс”, где заведовал рекламой и сбытом. По словам сослуживцев и вдовы, он пребывал в добром здравии, дела его были в полном порядке, и он не имел никаких причин сводить счеты с жизнью. Вдова, Джоан, убила горем и не желает встречаться с репортерами.

В шесть вечера из коридора донесся скрип лифта, который со стенаниями спустился вниз и довольно шумно остановился, после чего в кабинет вошел Вулф. Я дождался, когда он приблизится к столу и разместит свои телеса весом в одну седьмую часть тонны в исполинском кресле, а затем сказал:

— Пита забрали в районную прокуратуру. По-видимому, он так и не вернулся в то здание, и тогда они...

Послышалась трель дверного звонка. Я встал, вышел в прихожую, включил лампу на крыльце и увидел сквозь стекло с односторонней светопроводимостью знакомую призрачную фигуру. Я повернулся и сообщил:

— А вот и Крамер.

— Чего ему надо? — рявкнул Вулф. Это означало, что пришельца следовало выпустить.

Крамер позволил мне принять у него пальто и шляпу, а когда я вошел в кабинет, инспектор сидел в красном кожаном кресле у края стола Вулфа. Правда, на спинку он так и не откинулся.

Инспектор сообщил Вулфу, что заглянул совсем не надолго, и ему просто нужны кое-какие сведения.

— В котором часу заявился сюда Питер Вассос?

Вулф покачал головой.

— Вам ли не знать, мистер Крамер... Впрочем, вы знаете. Я отвечаю на вопросы лишь после того, как вы докажете мне, что они имеют отношение к вашим служебным обязанностям и что я обязан ответить на них, да и тогда оставляю за собой право сохранить кое-что в тайне.

— Да, да. — Крамер стиснул зубы и сосчитал до трех. — В этом весь вы. Условно самое простое дело. Я расследую возможное убийство, которое вполне мог совершить Питер Вассос. Если это — дело его рук, значит, потом он сразу же пришел сюда. Я знаю, что он уже три с лишним года ходит к вам чистить обувь, но сегодня Вассос явился слишком рано. Меня интересует, что он вам говорил. Мне нет нужды напоминать вам, что вы — частный сыщик с лицензией, а не поверенный, и все, что вам говорят, не может составлять тайны. В котором часу нынче утром пришел Вассос и что он вам сказал?

Вулф вздернул брови.

— Вы ничего не доказали. "Мог совершить" — этого недостаточно. Человек вполне способен выпасть из окна и без посторонней помощи.

— Этому помогли. Я почти уверен. На его столе лежала отполированная коряга, здоровенная и твердая, как камень. Ее кто-то вытер. На такой штуковине наверняка остались бы отпечатки, пусть и нечеткие. Но их нет. Корягу вытерли. А на затылке жертвы, у основания черепа, — след сильного удара гладким круглым предметом. Там, куда упал Эшби, ничего гладкого и круглого нет. На стене здания — тоже. Пока мы держим это в тайне, но утром обнаружим.

Вулф состроил удивленную гримасу.

— Вот и ваше второе "может быть". Допустим, кто-то ударил жертву этой штуковиной, а потом выпихнул из окна. Но это не мог сделать мистер Вассос, судя по его изложению событий. Одна дама, некая мисс Кокс, видела, как он входил в кабинет мистера Эшби, а через несколько секунд, никого не застав, выглянул из окна и лицезрел собравшуюся внизу толпу. Если мисс Кокс способна назвать время с точностью до...

— Способна. И назвала. Но Вассос мог прийти и раньше, а потом вернуться через другую дверь, прямо из внешнего коридора. Эта дверь на замке, но Вассос мог постучаться, а Эшби — впустить его. Вассос ударил Эшби корягой, убил его или оглушил, подтащил волоком или поднес на руках к окну и выбросил наружу, ушел через ту же дверь, прошагал по коридору, заглянул в приемную, поболтал с мисс Кокс, отправился в кабинет Мерсера, надраил ему туфли, пошел к Бушу и не пожалел ваксы на его башмаки, по внутреннему коридору вернулся к Эшби, снова перекинувшись словечком с мисс Кокс, то ли выглянул, то ли не выглянул из окна, ушел внешним коридором, спустился на лифте и покинул здание, потом решил на всякий случай поговорить с вами и явился сюда. Что он вам сказал?

Вулф глубоко вздохнул.

— Ладно, я не стану делать вид, будто все это меня не волнует. Помимо того, что мы с мистером Вассосом много раз вели приятные беседы, он еще и замечательный чистильщик обуви. Найти ему замену будет непросто. Поэтому я раскрою карты. Арчи, дай мистру Крамеру полный отчет, слово в слово.

Так я и сделал. А когда закончил, инспектор посмотрел на Вулфа.

— Вы советовали ему незамедлительно вернуться туда?

— Да. У мистера Гудвина лучшая в мире память.

— Это мне известно. Но и забывать он большой умелец. Вассос не вернулся. Он отправился домой, где мы его и застали. Его рассказ о разговоре с вами не противоречит словам Гудвина, но Вассос кое-что упустил, или Гудвин добавил отсебятины. Вассос не упомянул, что кого-то видел и сообщил об этом вам.

— Этого не было. Вы сами слышали. Он сказал: что будет, если я сообщу легавому, что кого-то видел?

— Ну-ну. Например, хорошо будет или плохо, если он скажет легавому, что видел, как кто-то входит в кабинет Эшби через дверь из коридора. Что-нибудь в этом роде?

— Фу! Можете сколько угодно строить предположения, но не ждите от меня их оценок. Я заинтересован в деле и сказал вам об этом. Потеря мистера Вассоса создаст серьезные неудобства. Если он действительно убил того человека, присяжные захотят знать, почему. Я тоже.

— Мы еще не готовы идти в суд присяжных. — Крамер встал. — Но у нас есть догадки по поводу мотива. Допустим, Гудвин изложил все, что сказал сегодня Вассос, хотя я в это не верю. Но как насчет других дней? Что Вассос говорил об Эшби?

— Ничего.

— Никогда не упоминал его имени?

— Нет. Арчи?

— Верно, — подтвердил я. — Сегодня — впервые.

— А что он когда-либо говорил о своей дочери?

— Ничего, — ответил Вулф.

— Хотите знать, что я думаю? Вот что я думаю. Если вам известно, что Вассос убил Эшби из-за своей дочери, и вы способны помочь нам изобличить его в этом, помогать вы все равно не станете. Но если вы способны помочь ему выкрутиться, то поможете. — Крамер постучал пальцем по столу Вулфа. — А все потому, что он будет приходиться и драить ваши туфли, а вы — заливать ему про людей, о которых никто и слыхом никогда не слыхивал. В этом — весь вы. — Он метнул на меня взгляд, убийственный, как дротик. — И вы тоже. — С этими словами инспектор повернулся и чеканным шагом вышел вон.

А ровно через двадцать восемь часов, в половине одиннадцатого вечера во вторник, я пошел открывать дверь и увидел сквозь наше стекло маленькое, но исполненное решимости личико, обрамленное поднятым воротником коричневого шерстяного пальто и увенчанное какой-то диковинной коричневой штуковиной, которая заметно кренилась вправо. Когда я распахнул дверь, девушка на одном дыхании выпалила:

— Вы Арчи Гудвин, я Элма Вассос!

Я пригласил девушку войти, принял у нее пальто, отнес на вешалку, а затем сопроводил гостью в кабинет.

— Мисс Элма Вассос, дочь Пита.

Вулф закрыл книгу, соорудив закладку из пальца, и метнул на меня испепеляющий взгляд. Чтобы не упасть, Элма оперлась рукой о спинку красного кожаного кресла. Казалось, она вот-вот развалится на части. Я взял ее под руку и усадил в кресло.

Посмотрев на Вулфа, она сказала:

— Вы Ниро Вулф. Вам известно, что мой отец мертв? — Ей явно не хватало воздуха.

Вулф покачал головой, его губы разомкнулись и сомкнулись вновь. Он повернулся ко мне.

— Черт! Принеси чего-нибудь. Бренди, виски, чего угодно.

— Я не смогу проглотить, — пробормотала девушка. — Так вы не знали?

— Нет, — буркнул Вулф. — Когда? Как? Вы можете говорить?

— Наверное, да, — с сомнением ответила она. — Придется. Какие-то мальчишки нашли его у подножия утеса. Я ездила смотреть на него. Не туда, а в морг. — Она закусила губу, но лицо ее от этого не изменилось. Снова приоткрыла рот. — Говорят, он спрыгнул вниз и покончил с собой, но папа этого не делал, я точно знаю.

Вулф отодвинулся вместе с креслом от стола.

— Глубоко сочувствую вам, мисс Вассос. Оставляю вас с мистером Гудвином. Вы сообщите ему подробности. — И пошел прочь, прихватив с собой книгу. В этом был весь Вулф. Он решил, что Элма непременно впадет в истерику, а истеричек Вулф не просто не любил, он их не выносил.

Но девушка схватила его за рукав и остановила.

— Нет, — взмолилась она. — Я должна рассказать вам. Отец считал вас великим человеком, самым великим на свете. Я должна рассказать вам.

Целью пять секунд Вулф смотрел на Элму, потом вернулся к своему креслу, сел, сунул в книгу закладку и отложил томик в сторону, угрюмо взглянул на девушку и спросил:

— Когда вы ели последний раз?

— Я не помню... Я не могу глотать.

— Ха! Когда?

— Поклевала немножко утром. Папа не вернулся домой, и...

Вулф повернулся, нажал кнопку, откинулся на спинку кресла, смежил веки и разомкнул их, лишь когда услышал шаги за дверью.

— Фриц, чаю с медом для мисс Вассос, поджаренного хлеба, творогу и шоколадку.

Фриц молча удалился.

— Я правда не смогу.

— Сможете, если хотите, чтобы я вас слушал. Где этот утес?

— Где-то за городом. Кажется, мне говорили, но я...

— Когда нашли тело?

— Нынче днем, уже под вечер.

— Вы видели его в море. Морг тоже за городом?

— Нет, папу привезли. Это недалеко отсюда. Когда я... Я пришла прямо оттуда.

— Кто вас сопровождал?

— Двое мужчин. Сыщики. Они называли свои имена, но я забыла.

— Я имел в виду другое. Кто был с вами? Брат, сестра, мать?

— У меня нет ни братьев, ни сестер, а мама умерла десять лет назад.

— Когда вы последний раз видели отца живым?

— Вчера. Когда я вернулась с работы, его не было, а в шесть он пришел и сказал, что провел три часа в районной прокуратуре, где его расспрашивали о мистере Эшби. Вы знаете про мистера Эшби. Папа сказал, что говорил вам о нем, когда приходил сюда. Конечно, я уже все знала, ведь я там служу. То есть служила.

— Где?

— В конторе. В той компании, "Мерсерз-Боббинс".

— Ага. В какой должности?

— Я стенографистка. Просто стенографистка, не секретарь. В основном, печатала на машинке, иногда писала письма под диктовку мистера Буша. Меня устроил туда папа, мистер Мерсер помог.

— Давно это было?

— Два года назад, когда я окончила школу.

— Значит, вы знали мистера Эшби.

— Да, немного знала.

— Вчера вечером ваш отец вернулся домой около шести часов. Что было потом?

— Ужин почти поспел. Мы поболтали, поели, еще немного поговорили. По его словам выходило, что и полиции, и вам он рассказал не все. Утром он собирался к вам, чтобы открыться и спросить, как ему быть. Он сказал, что вы самый великий человек, и люди платят вам пятьдесят тысяч долларов только за то, чтобы вы посоветовали им, что делать. Он думал, вы дадите ему бесплатный совет, и что глупо было бы не пойти к вам и не спросить. Он не сказал мне, в чем дело. А потом пришла моя подруга, и мы отправились в кино. Когда я вернулась домой, папы не было, а на столе лежала записка, в которой говорилось, что он может припоздниться, Один из сыщиков хотел забрать ее у меня, но я не отдала. Она у меня в сумочке, могу показать.

Вулф покачал головой.

— В этом нет нужды. А ваш отец не упоминал о намерении уйти из дома до вашего собственного ухода?

— Нет, хотя обычно говорил. Мы всегда загодя сообщали друг другу о наших намерениях.

— И он даже намеком... Очень хорошо, Фриц.

Фриц подошел к красному кожаному креслу, поставил поднос на маленький столик, за которым клиенты выписывали чеки, и протянул девушке салфетку, но она даже не подняла руку. Тогда Вулф сказал:

— Я буду слушать вас дальше только после того, как вы поедите, мисс Вассос.

Он взял книгу, раскрыл на заложенной странице и вместе с креслом повернулся спиной к девушке. Только тогда она взяла салфетку, а Фриц вышел. Я мог бы вернуться к своему столу и сделать вид, будто чем-то занят, но тогда Элма видела бы мое отражение в большом зеркале, которое висело на стене за моим столом. Оно дает мне возможность наблюдать за дверью в коридор. Да и я видел бы отражение Элмы. Поэтому я отправился на кухню. Фриц возился с тостером, накрывая его крышкой. Я достал из холодильника молоко и повернулся к нему.

— Это дочь Пита Вассоса. Придется мне искать нового чистильщика. Пит мертв.

— Правда? Упокой, Господь, его душу. — Фриц покачал головой. — Слишком молоденькая. Значит, она не клиентка?

— Во всяком случае, счет ей не пошлешь. — Я налил себе молока. — Но, как ты знаешь, Вулф не взял бы и платежеспособного клиента, даже если бы тот вполз на крыльцо на коленях. Сейчас декабрь, и скоро — расчеты по налогам, а у него были такие заработки, что больше брать деньги нельзя. Если она попросит его о помощи, а он откажет, я возьму отпуск за свой счет и займусь ее делом. Ты видел ее лицо.

Фриц хмыкнул.

— Надо бы предостеречь ее относительно тебя.

— Конечно. Это первое, что я сделаю.

Я не глотаю молоко единым духом. Одолев полстакана, я на цыпочках подошел к двери кабинета. Вулф по-прежнему сидел спиной к Элме, которая мазала кусочек тоста повидлом. Я неторопливо допил молоко и отнес стакан на кухню, а когда вернулся, Вулф уже сидел лицом к девушке, и книга лежала на столе, а Элма что-то говорила. Я вошел и прошагал к своему столу.

—...и прежде он этого никогда не делал, — рассказывала она Вулфу. — Я подумала, что он пошел обратно в районную прокуратуру, и позвонила туда, но его там не было. Я позвонила двум друзьям папы, но и они его не видели. Я, как обычно, пошла на работу. Он ходит в то здание каждое утро, и я рассказала мистеру Бушу, и он попытался разузнать, приходил ли папа. Никто его не видел. А потом пришел сыщик и засыпал меня вопросами, а уже после обеда другой сыщик отвез меня в районную прокуратуру, и я...

— Мисс Вассос, — резко проговорил Вулф. — Позвольте заметить. Вы подкрепились, хотя и совсем немного, и, похоже, пришли в себя. Вы пожелали рассказать все мне, и я не хотел бы быть невежливым с дочерью вашего отца, но все эти подробности несущественны. Дайте мне краткие ответы на несколько вопросов. Вы сказали, они думают, что ваш отец покончил с собой, бросившись со скалы. Кто такие эти "они"?

— Полиция. Сыщик.

— Откуда вы знаете, что они так думают?

— Из их слов. Из того, что они говорили. Из их вопросов ко мне. Они думают, что папа убил мистера Эшби, и он знал, что они распутывают дело, вот и наложил на себя руки.

— Они считают, что знают причину, по которой он убил мистера Эшби?

— Да. Потому что папа узнал, что мистер Эшби соблазнил меня.

Я вскинул брови. Едва ли можно было выразиться более кратко. Судя по выражению лица девушки, ей даже в голову не приходило, что она сказала нечто необыкновенное. А судя по выражению лица Вулфа, он не услышал ничего необыкновенного.

— Откуда вам это известно? — спросил он.

— Они так говорили нынче днем в районной прокуратуре. Так и сказали: “соблазнил”.

— А сами-то вы знали, что вашему отцу известно, как мистер Эшби поступил с вами?

— Разумеется, нет, потому что папа ничего не знал. Он бы не поверил в такое, даже если бы мистер Эшби сам ему сказал. Или если бы я вдруг сбрендил и сказала ему. Он бы знал, что это не так. Папа знал меня.

Вулф нахмурился.

— То есть думал, что знал?

— Нет, действительно знал. Конечно, он не предполагал, что меня невозможно соблазнить: наверное, соблазнить можно любую девушку, если как следует вскружить ей голову. Но папа знал: если меня соблазнят, я скажу ему об этом. И еще он знал, что меня не сможет соблазнить мистер Эшби или кто-то из ему подобных. Папа знал меня.

— Давайте проясним этот вопрос. Вы утверждаете, что мистер Эшби не соблазнил вас?

— Да, разумеется.

— Но пытался?

Элма замялась.

— Нет, — Элма замялась и призадумалась. — Он трижды приглашал меня на обед и в театры. Последний раз — почти год назад. С тех пор несколько раз звал меня, но я не ходила, потому что поняла, какой он человек, и он мне не нравился.

Вулф перестал хмурить брови.

— Тогда почему полицейские думают, что он соблазнил вас?

— Не знаю. Наверное, кто-то наврал им про мистера Эшби и меня. Судя по их словам.

— Кто? Они называли какие-нибудь имена?

— Нет.

— Вы знаете, кто это? Можете догадаться?

— Нет.

Вулф покосился на меня.

— Арчи.

Этого следовало ожидать. Это уже набило оскомину. Вулф делает вид, будто ничего не знает о женщинах, в то время как я знаю о них все, и просит меня сказать ему, соблазнил Дэниз Эшби Элму Вассос или не соблазнил. Какого черта? Я не под присягой, и у меня есть свое мнение.

— Легавые работают по уставу, а не по соннику. Вероятно, она права, и кто-то скормил им сказочку. Тридцать шансов против одного.

— Ты ей веришь?

— Верю? Ну, скажем, двадцать шансов против одного.

Элма медленно повернула голову и в упор посмотрела на меня.

— Спасибо, мистер Гудвин, — проговорила она и снова повернулась к Вулфу. Он с прищуром смотрел на нее.

— Так. Допустим, вы вели себя скромно. Что теперь? Вы говорили, что должны рассказать все мне, и я вас выслушал. Ваш отец мертв. Я ценил его и не пожалел бы сил, чтобы воскресить, будь это возможно. Но чего вы от меня ждете, кроме сочувствия, которым уже заручились?

— Ну... — Элма даже удивилась, — я подумала, разве не очевидно, что они собираются делать? То есть ничего не собираются, если считают, что папа убил мистера Эшби из-за меня, а потом покончил с собой. Что они могут сделать? Значит, с их точки зрения, дело закрыто. Стало быть, действовать придется мне, но я не знаю, что предпринять, вот и пришла к вам, потому что папа говорил... — Она умолкла и прижала к губам растопыренные пальчики. Это было ее первое порывистое движение за весь вечер. — Ой, — произнесла она сквозь пятерню и уронила руку на колени. — Ну, конечно, простите, пожалуйста. — Элма раскрыла большую коричневую кожаную сумку, запустила туда руку и что-то достала. — Я должна была сделать это раньше. Папа так и не потратил денег, которые вы ему платили. Вот они, все эти долларовые бумажки, полученные от вас. Он говорил, что в один прекрасный день употребит их на что-нибудь эдакое, особенное, но не сказал, на что именно. Он говорил... — Она умолкла. — Она умолкла и впилась зубами в губу.

— Не смейте! — прошипел Вулф.

Элма кивнула.

— Да, я не буду... Я никогда их не пересчитывала, но тут, наверное, сотен пять долларов, ведь вы платили ему трижды в неделю три с лишним года. — Она встала, положила деньги на стол Вулфа и снова села. — Конечно, для вас это — ничто, не пятьдесят тысяч, все-таки, поэтому получается, что я вроде как прошу о благотворительности. Но ведь это не ради меня, а ради папы, и, к тому же, в итоге выходит, что вам три с лишним года бесплатно чистили ботинки.

Вулф взглянул на меня. Не буду спорить, это я впустил Элму в дом. Но, судя по взгляду Вулфа, я также убил Эшби и Пита, да еще склонил Элму к такому деловому предложению. Я посмотрел на него и склонил голову набок, а Вулф вперил взор в девушку.

— Мисс Вассос, вы просите меня доказать невиновность вашего отца и вашу собственную непорочность. Я правильно понимаю?

— Моя непорочность не имеет значения. То есть дело не в ней.

— Важна невиновность вашего отца.

— Да, да!

Вулф указал пальцем на стопку долларов, перехваченную резинкой.

— Заберите ваши деньги. Вы правильно сказали: это — не гонорар за такую работу, и, если мне достанет донкихотства взяться за нее, подмазывать шестеренки не надо. Я ничего не обещаю. Если бы мне пришлось давать ответ немедленно, он был бы отрицательным. Сейчас полночь, пора спать, я утомлен. Я отвечу вам утром. Вы заночуете здесь, у нас есть свободная спальня, вполне подходящая и удобная. — Он отодвинулся от стола и поднялся.

— Но у меня нет никаких принадлежностей...

— У вас есть ваша кожа. — Вулф хмуро посмотрел на Элму. — Давайте допустим, что домыслы полицейских верны, что мистер Эшби действительно соблазнил вас, ваш отец узнал, убил его, а затем, боясь разоблачения, покончил с собой. Под гнетом этих печальных фактов вы идете домой и ночуете в одиночестве. Что произойдет?

— Но это неправда! Он так не делал!

— Я же сказал: допустим. Допустим, что это правда. Как бы вы поступили?

— Ну... Убила бы себя. Да, конечно.

Вулф кивнул.

— Полагаю, что так. Но если сегодня или завтра вы умрете при обстоятельствах, наводящих на мысль о самоубийстве, полиция и все остальные утвердятся в своих предположениях. Убийце это известно, а поскольку его попытка представить смерть Эшби как самоубийство почти удалась, он попытается выдать за самоубийство новое покушение. Если он знаком с вами, ему известно, что вы не лишены присутствия духа. Вы доказали это, придя сюда. Значит, пока вы живы, вы для него — смертельная угроза. Итак, вы ночуете здесь. Я встречу с вами не раньше одиннадцати утра, но мистер Гудвин в вашем распоряжении, и вы сообщите ему все подробности, которые могут оказаться полезными. Если я решу помочь вам в память о вашем отце, мне понадобятся все сведения, которые только можно раздобыть. Не пытайтесь скрывать что-либо от мистера Гудвина, он очень тонко чувствует молодых привлекательных женщин. Доброй вам ночи. — Вулф повернулся ко мне. — Посмотри, все ли в порядке в южной комнате. — И был таков.

Когда послышался скрежет смыкающихся створок лифта, наша клиентка обратилась ко мне:

— Возьмите деньги, мистер Гудвин. Я не хочу... — Ее затрясло, она закрыла лицо руками. Слава Богу, что ей удавалось сдерживать слезы до ухода Великого Человека.

В среду утром, в 10.45, я сидел за своим столом и печатал. Когда без четверти восемь я постучался в дверь южной комнаты, расположенной над спальней Вулфа, Элма уже встала и успела одеться. Спала она, по ее словам, неплохо, хотя вид девушки говорил об обратном. Обычно я завтракаю на кухне, но на этот раз Фриц воспротивился и накрыл нам в столовой. Элма справилась и с апельсиновым соком, и с двумя лепешками, и с двумя ломтиками ветчины, и с двумя яйцами-пашот с чесноком, и с двумя чашками кофе. Затем мы прошли в кабинет, и почти час, с 8.40 до 9.30, я задавал вопросы, а Элма отвечала на них.

С тех пор, как два года назад она пошла работать в "Мерсерз-Боббинс", помещение конторы увеличилось вдвое, а штат сотрудников — втрое. Причем речь идет только о правлении и об отделе сбыта, расположенных на Восьмой авеню. Насколько разрослась фабрика компании в Нью-Джерси, Элма не знала, но предприятие было крупное. Считалось, что ростом своим фирма обязана способностям и стараниям одного единственного человека, Дэниза Эшби, тремя годами ранее назначенного главой отдела сбыта и рекламы. Теперь фабрика выпускала не только нитки, но и еще два с лишним десятка изделий, используемых при производстве одежды.

Элма назвала и охарактеризовала с десятков штатных сотрудников фирмы. Вот некоторые образчики ее творчества.

Джон Мерсер, президент корпорации. В сентябре ему стукнуло 61, и вся контора гуляла на вечеринке, попивая пунш и поедая пирожные. Мерсер унаследовал дело от отца и, судя по всему, владел большей частью акций. Почти все рабочее время он проводил на фабрике, появляясь в нью-йоркской конторе лишь дважды в неделю.

Когда Мерсер сделал Эшби вице-президентом, поручив ему сбыт и рекламу, фирма была на грани краха. Работников Мерсер звал исключительно по именам, и они любили его, величая за глаза "Большой М". У Мерсера были дети и внуки, но Элма не знала, сколько. Никто из потомков президента не работал в корпорации.

Эндрю Буш, секретарь корпорации и заведующий правлением. Тридцати с небольшим лет, холостяк. Еще год назад он служил рядовым счетоводом, но потом

прежний управляющий скончался от старости, и Мерсер повысил Буша. Теперь у него был собственный кабинет, но три-четыре раза на дню Буш появлялся в общем зале и совершал обход письменных столов (в просторном общем зале трудилось двадцать восемь девушек). Буш велел всем стенографисткам, которых вызывал к себе Эшби, сначала заглядывать к нему в кабинет и докладываться. Поэтому за глаза Буша величали Рыцарем.

Филип Горан, коммивояжер, тридцать пять лет, женат, отец двоих или троих детей. Я включил его в список, потому что он: а) редко появлялся в конторе раньше четырех часов дня, но в понедельник утром одна девушка видела его там, б) он рассчитывал получить должность, на которую Мерсер назначил Эшби, и очень разозлился, в) он просил одну сотрудницу, проработавшую в фирме столько же, сколько сам Горан, выяснить, что происходит между Эшби и Элмой Вассос, причем просил неоднократно.

Фрэнсис Кокс, секретарь. По словам Элмы, ей было тридцать лет, значит, на самом деле, вероятно, лет двадцать семь-двадцать восемь. Уж кое-что я о женщинах знаю. Ее я включил в список, потому что, если она видела, как Пит входил в кабинет Эшби, то могла видеть и кого-то еще. Как знать, вдруг эти сведения пригодятся.

Дэнис Эшби, покойник. Год назад он сказал Элме, что ему тридцать восемь лет. В фирме работал давно, в должности товароведа (Элма не знала, сколько именно). Плюгавый, страшенький. Когда я попросил Элму назвать животное, которое напоминал ей Эшби, она тотчас сказала: обезьяна. При жизни Эшби проводил половину рабочего времени вне конторы, занимаясь рекламой. Секретарши у него не было. Если он нуждался в стенографистке, то звал девушку из общего зала, а встречи назначал сам с помощью Фрэнсис Кокс. Полки в его кабинете были забиты папками. Девушки называли его Опасным Типом и, похоже, не в шутку. Элма не знала, совратил ли он кого-нибудь, но слухов о его приключениях ходило немало.

Джоан Эшби, вдовушка. В список она попала, потому что вдова убитого человека включается туда в обязательном порядке. Когда-то она работала в "Мерсер-Боббинс", но уволилась, выйдя замуж за Эшби. Это было еще до прихода в фирму Элмы. Девушка никогда не видела Джоан и почти ничего о ней не знала. Как-то в ресторане Эшби посетовал, что его брак был ошибкой, и он уговаривает супругу дать ему развод.

Элма Вассос. Когда я спросил, почему она ходила по ресторанам и театрам с женатым мужчиной, Элма ответила: "Я сказала папе, что он меня приглашает, и папа велел идти. Он говорил, что девочек очень интригуют женатые мужчины, что они хотят общаться с такими и общаются. А посему мне стоит сходить, узнать, каково это, и угомониться. Ведь папа меня знал".

В понедельник утром Элма была в кабинете Буша с 9.40 до 10.15 и писала под диктовку, а потом сидела с остальными в общем зале. Примерно в половине двенадцатого пришел Джон Мерсер с каким-то незнакомым человеком и созвал всех. Незнакомец спросил, не был ли кто из девочек в кабинете Эшби тем утром, не видели ли они кого-нибудь входящим или выходящим. Все ответили отрицательно, и тогда Мерсер рассказал им, что случилось.

Даже при всем моем обостренном понимании молодых милостивых женщин я не заподозрил Элму в недомолвках. Разве что в самом конце, когда я спросил, кто, по ее мнению, наговорил полицейским о ней и Эшби. Она не смогла назвать ни одного имени, даже наобум. Я сказал ей, что это нелепо: любой мужчина и любая женщина, облитые грязью, непременно догадываются, кто виновник. Ну, да делать нечего. Если Элму ненавидел кто-то из своих, она не знала, кто это был. Разве что Эшби. Но Эшби мертв.

В 10.45 я сидел за столом и печатал эту часть протокола. Я почти закончил, когда зазвонил внутренний телефон, и я, повернувшись, снял трубку. Нечасто Вулф отвлекается от своих орхидей, чтобы позвонить мне. Завтракает он у себя в спальне, после чего поднимается прямым ходом в оранжерею. Сегодня мы еще не виделись, поэтому я пожелал ему доброго утра.

— Доброе утро. Чем занят?

— Печатаю свой диалог с мисс Вассос. В общих чертах, не слово в слово. Почти закончил.

— Ну, и что?

— Ничего потрясающего. Есть кое-какие полезные фактики. Что до моей веры ей, то теперь соотношение пятьдесят к одному.

Вулф хмыкнул.

— А то и больше. Что могло заставить ее прийти ко мне с этой историей, если она не правдива? Черт возьми, где она?

— В спальне. На работу она, разумеется, не пойдет.

— Она поела? Гостя, желанного или нежеланного, нельзя морить голодом.

— Не уморим. Она завтракала. И звонила в районную прокуратуру, спрашивала, когда можно забрать тело отца.

— Статья в "Таймс" подтверждает ее предположение: полиция считает, что ее отец убил Эшби и покончил с собой. Подробностей, разумеется, нет. Ты читал эту статью?

— Да, и она тоже.

— Но "Таймс" может ошибаться, а уж девушка — и подавно. Возможно, мистер Крамер хитрит. Если так, тебе придется доподлинно это выяснить.

— Может, Лон Коэн что-то знает.

— Нет, Лон не годится. Немедленно отправляйся к мистеру Крамеру.

— Если он темнит, я от него толку не добыю.

— Добьешься, только будь порасторопнее. Ум плюс опыт.

— Да, воистину, я такой. Допечатаю и пойду. Через пять минут отчет будет у вас в ящике стола. — И я положил трубку, не дав ему произнести больше ни слова.

На самом деле мне понадобилось три минуты. Первый экземпляр я сунул в ящик стола Вулфа, второй — в свой стол, потом заглянул на кухню и сообщил Фрицу, что ухожу, снял с вешалки в прихожей пальто и пустился в путь. Неблизкий, надо сказать. Чтобы добраться от нашего дома до южного отдела по расследованию убийств, надо изрядно поработать ногами. Но на ходу мне не думается, а я хотел выработать план действий, поэтому отправился на Девятую авеню и остановил такси.

Легавый за конторкой не принадлежал к числу моих любимых городских служащих. Он заявил, что Крамер занят, но лейтенант Роуклифф может уделить мне минуту своего времени. Я поблагодарил, отказался и сел ждать. Был почти полдень, когда меня провели по коридору к кабинету Крамера, где я застал инспектора стоящим в торце стола. Когда я вошел, Крамер желчно прошипел:

— Итак, ваш клиент приобрел билет в один конец. Хотите полюбоваться им? Составление планов редко помогает делу. Многое зависит от того, кто их составляет.

Крамер пребывал в таком расположении духа, что дружелюбный тон не возымел бы действия, поэтому я нагло изрек:

— Челуха. Если вы о Вассосе, то он был чистильщиком башмаков, а не клиентом. Вы должник мистера Вулфа, и он хочет получить долг. Прошлую ночь Элма Вассос провела в его доме.

— Охотно верю. В вашей спальне.

— Нет. Она пришла и скормила ему сказочку, будто ее жизнь в опасности. Убийца Эшби и ее отца собирается убить и Элму. А в утренней газете — совсем другая история. Прямо не говорится, но подразумевается, что Вассос убил Эшби, а когда вы начали наступать ему на пятки, нашел скалу и прыгнул с нее. Итак, вы знали все это в понедельник, когда пришли к мистеру Вулфу, знали об Эшби и Элме Вассос. Почему вы ничего не сказали? Мы бы не пустили ее в дом вчера вечером. Значит, вы — должник Вулфа. Выпроваживая Элму, он обратится к ней с небольшой речью и хочет знать, кто напел вам про нее и Эшби. Мы не будем на вас ссылаться.

Крамер запрокинул голову и рассмеялся. Негромко и не от души, просто "ха-ха!" А потом протянул руку и коснулся указательным пальцем моей груди.

— Ночевала у Вулфа? Чудесно! Хотелось бы и мне послушать его речь. Как он обзовет эту девку? Не проституткой и не шлюхой. Придумает какое-нибудь мудреное словечко. Убирайтесь вон, Гудвин.

— Он хочет знать...

— Ой, да полно вам.

— Но, черт возьми...

— Вон отсюда!

Я убрался восвояси, а поскольку размышлять было не о чем, отправился на Тридцать пятую улицу пешком. Вулф сидел за столом с книгой Ширера "Возвышение и упадок третьего рейха". На подносе стояли бутылка пива и стакан, рядом покоилось мое изложение беседы с Элмой. Я уселся за свой стол, дождался, пока Вулф дочитает абзац, и произнес:

— Придется ее выгнать. Но это — ваша забота. Я бы предпочел на ней жениться и помочь ей исправиться, но тогда Крамер отнимет у меня лицензию. Перескажете вам наш разговор?

Вулф ответил "да", и я пересказал, добавив в заключение:

— Как видите, никакой расторопности не понадобилось. С меня хватило его первой фразы. "Итак, ваш клиент приобрел билет в один конец". Он не хитрит. Не сердитесь на него за смех, ведь он уверен, что у вас в гостях шлюха. И за то, что он отказался...

— Замолчи.

Я откинулся на спинку кресла и скрестил ноги. Целых пять секунд Вулф испепелял меня взглядом, потом закрыл глаза, а мгновение спустя опять открыл.

— Безнадежное дело, — процедил он сквозь зубы.

— Да, сэр, — согласился я. — Может, мне нарядиться чистильщиком обуви, взять ящик Пита и...

— Замолчи! Я хотел сказать, что это невыносимо. Ни в коем случае нельзя позвать мистера Крамера глумиться... — Он отложил книгу, забыв о закладке, чего с ним никогда не было. — Положение безвыходное. В конце концов, я сам могу чистить свои башмаки. Я обдумывал это, когда прочел твой отчет. Ну, что ж, свяжись с мистером Паркером.

Мне не понадобилось лезть в книжку, я знал номер адвоката Натаниела Паркера наизусть. Сняв трубку, я набрал его, связался с Паркером и передал трубку Вулфу.

— Доброе утро, сэр, вернее, добрый день. Вы мне нужны. Я намерен посоветовать одной молодой женщине, обратившейся ко мне за помощью, вчинить судебный иск некой корпорации и пяти или шести частным лицам. Возмещение ущерба. Скажем, по миллиону с каждого за порочащие честь и достоинство заявления. Зло-

словие, а не клевета, поскольку заявления были сделаны устно и не публиковались. Девушка в моем доме. Вы могли бы приехать? Нет, после обеда. В три часа? Очень хорошо, буду вас ждать.

Вулф положил трубку и повернулся ко мне.

— Надо оставить ее здесь. Отправляйся с Элмой к ней домой, пусть возьмет все, что нужно... Да не сейчас, позже. Мистер Крамер рассчитывает, что я выгоню ее, так? Хо-хо! Да она и суток не проживет. Попроси Фрица отнести обед в ее комнату. Я не хочу грубить госте за столом, а держать себя в руках непросто, в итоге, моя трапеза будет испорчена.

Однажды я спросил Паркера, сколько книг хранится в его кабинете, и он ответил, что около семисот. Тогда я поинтересовался, сколько учебников права издано на английском языке. Паркер сказал, что тысяч десять. Надо полагать, что заказывать адвокату судебный иск так же, как заказываешь портному костюм, все же нельзя. Хотя, с другой стороны, судебные иски — его работа. Паркер явился ровно в три часа, и они с Вулфом едва успели обсудить дело, потому что в четыре Вулф отправлялся на послеполуденное свидание с орхидеями. Без трех минут четыре Вулф поднялся и сказал:

— Значит, завтра, и как можно раньше. Начнете действовать, как только Арчи позвонит вам и сообщит, что объяснил все мисс Вассос.

Паркер покачал головой.

— Ну и методы у вас. Вы действительно ничего ей не сказали?

— Это было бы бессмысленно. Сначала я должен был выяснить, прочны ли ее позиции.

Вулф отправился в прихожую, чтобы подняться на лифте в оранжерею. Паркер пошел с ним, а я увязался следом, чтобы подать адвокату пальто и выпроводить его из дома. Затем поднялся на второй этаж, постучался в дверь южной комнаты и, услышав тихое "войдите", воспользовался этим приглашением. Элма сидела на краешке кровати и теребила свои локоны.

— Кажется, я задремала, — сказала она. — Который час?

Я бы с удовольствием помог ей управиться с волосами. Думаю, это сделал бы любой мужчина. Волосы были красивые.

— Четыре пополудни, — ответил я. — Фриц говорит, вы одолели только две его олады по-креольски. Вы не любите креветки?

— Очень сожалею. Он меня недолюбливает, и я его не виню. Я причиняю столько неудобств. — Она глубоко вздохнула.

— Дело не в этом. Просто он подозревает каждую входящую сюда женщину в стремлении захватить власть в доме. — Я придвинул стул и сел. — Кое-что случилось. Я ходил к одному легавому, инспектору Крамеру. Вы правы: они думают, что ваш отец убил Эшби и покончил с собой. Отныне вы — клиентка мистера Вулфа. Стопка долларов, лежащая в сейфе, по-прежнему принадлежит вам, но один доллар я взял в качестве задатка. Вы не возражаете?

— Разумеется, нет. Возьмите все. Я понимаю, это ничто...

— Прекратите. Такие деньги для Вулфа не стимул. И не благодарите его. Он скорее откажется от обеда, чем позволит кому-то посчитать себя мягкотелым добряком, готовым бесплатно шевельнуть пальцем ради блага ближнего. Даже и не намекайте на такое. Дело в том, что Крамер поглумился над ним, высмеял его слово, и теперь Вулф хочет посрамить Крамера. Надо признать, это желание — главное, что им движет. Значит, Вулфу надо доказать, что ваш отец не убивал Эшби, а единственный способ сделать это — найти настоящего убийцу.

Вопрос в том, как. Он бы послал меня в то здание, чтобы изучить место преступления, поговорить с людьми, пригласить кого-то из них сюда, поскольку сам Вулф никогда не выходит из дома по делам. Но даже от меня он не ждет невозможного. Меня просто выгонят вразея, и сюда никто не придет. Значит, он должен...

— Некоторые девочки могли бы прийти. И мистер Буш тоже.

— Этого недостаточно. Надо, чтобы пришли те, кто не хочет приходить. Стало быть, Вулф должен взорвать бомбу. Вы вчините шесть судебных исков о возмещении морального ущерба, каждый на миллион долларов. Клевета. Вулф хотел, чтобы вы подали в суд и на корпорацию, но адвокат запретил. Сейчас он готовит бумаги и начнет действовать, как только вы позвоните ему. Это Натаниел Паркер, замечательный законник.

Мы не ждем, что какой-либо из этих исков действительно попадет в суд и вы что-то получите. Идея состоит в другом. Мы поднимем волну. Вы хотите с кем-то посоветоваться, прежде чем дадите Паркеру сигнал? Знакомы с каким-нибудь правове-дом?

— Нет, — она сжала пальцы в кулак. — Разумеется, я сделаю все, что велит мистер Вулф. Кто эти шестеро?

— Джон Мерсер, Эндрю Буш, Филип Горан, Фрэнсис Кокс, миссис Эшби и инспектор Крамер. Все, что Крамер говорит, находясь при исполнении служебных обязанностей, составляет тайну следствия, но он мог брякнуть что-нибудь репортеру, а мне заявил, или намекнул, что вы шлюха. Во всяком случае, он боится очутиться на свидетельском месте, где его приведут к присяге и спросят, кто рассказал ему о вас и Эшби. Даже если инспектора просто вызовут в суд, это уже доставит удовольствие мистеру Вулфу, да и вас позабавит. Но вы не слушаете меня.

— Слушаю. Но не думаю, что я... Нельзя ли обойтись без иска против мистера Буша?

— С какой стати?

— Я не думаю, чтобы он мог сказать обо мне нечто подобное. Уверена, он бы не стал.

— Вероятно, и другие ничего подобного не говорили. Наша цель — расшевелить их, заставить суетиться.

Элма кивнула.

— Да, я понимаю, но не хочу, чтобы мистер Буш считал, будто я думаю, что он мог оклеветать меня. Если вам нужно... Если мистеру Вулфу нужно поговорить с ним, я попрошу мистера Буша прийти и почти уверена, что он придет.

Я смерил ее взглядом.

— Похоже, сегодня утром вы кое о чем умолчали. Говоря о Буше, вы не упомянули, что он откликается на ваш свист.

— Я и сейчас этого не утверждаю! — возмутилась Элма. — Я говорю лишь, что он хороший человек, честный и не способный на такое!

— Вы часто встречались в неурочное время?

— Нет. После мистера Эшби я решила не встречаться с сослуживцами, ни с женатыми, ни с холостыми.

— Ладно. Буша исключим, но при условии, что вы приведете его, как только он нам понадобится. Если понадобится. — Я встал. — Давайте спустимся в кабинет, позвоним Паркеру, а потом заберем вещи, которые могут вам потребоваться, ибо вы остаетесь здесь на неопределенное время. Может быть, на двое суток, а возможно, и на два месяца. Когда мистер Вулф...

— Два месяца? Но я не смогу!

— Можете. И в случае нужды останетесь. Если вас тоже убьют, мистер Вулф лишится почти всех шансов посрамить Крамера, а это навеки ввергнет его в печаль, и, значит, он станет вовсе невыносим. Если вы хотите привести в порядок лицо и волосы, хотя, по-моему, они и так в порядке, я подожду вас в кабинете.

Пока я ждал ее, чтобы позвонить Паркеру (он не мог действовать, не услышав голоса своей клиентки и не убедившись в ее существовании), мне пришло в голову звякнуть Вулфу в оранжерею и спросить, хочет ли он видеть у нас Эндрю Буша в шесть часов. Но я решил не делать этого: Вулф наверняка настоял бы, чтобы Буш пришел вместе с остальными. Ведь я — мягкотелый добряк.

Элма спустилась вниз намного раньше, чем это сделала бы на ее месте любая другая девушка после дневного сна. Я набрал номер Паркера, сообщил ему, что все устроено, но Буша надо вычеркнуть из списка ответчиков, и передал трубку Элме. Паркер спросил, начинать ли ему действовать в ее интересах в соответствии с указаниями Вулфа, и Элма ответила "да". Вот и все. Я сказал ей, что должен позвонить еще в одно место, набрал номер "Газетт", соединился с Лоном Козном и спросил его, остается ли в силе предложение написать за тысячу долларов статью о Пите Вассосе. Лон ответил, что сначала должен посмотреть статью.

— Нам недосуг заниматься писаниной, — сказал я ему. — Мы слишком заняты. Но, если хочешь получить кое-что задаром, знай, что его дочь, Элма Вассос, обратилась за помощью к знаменитому частному сыщику Ниро Вулфу и живет в его доме. Связаться с ней невозможно. По совету Вулфа, она наняла знаменитого адвоката Натаниела Паркера, и он, по ее поручению, готовит судебные иски против Джона Мерсера, Филипа Горана, Фрэнсис Кокс, миссис Дэнис Эшли и инспектора Крамера из управления полиции Нью-Йорка. С каждого из них она требует миллион в возмещение ущерба, причиненного клеветой. Иски будут поданы завтра, возможно, ты успеешь тиснуть это в утреннем выпуске. Сообщаю эти сведения тебе одному по указанию мистера Вулфа. Мы сказали Паркеру, что ты, возможно, позвонишь и потребуешь подтверждения. Ты его получишь. Твой Арчи Гудвин. До встречи в суде.

— Погоди, погоди! Не можешь же ты просто взять да и...

— Извини, я занят. Перезванивать бессмысленно, я ухожу. Печатай. Заплатишь потом.

Я положил трубку и заглянул на кухню предупредить Фрица, что мы уходим. Когда я вернулся к вешалке, Элма уже надела пальто и шляпку. Жила она на юге, и мы отправились на Девятую авеню ловить такси. Ходить Элма умела. Когда идешь рядом с девушкой, сразу видно, захочется ли тебе потанцевать с ней. Девушке вовсе не обязательно шагать в ногу. Она может просто не поспевать. Главное — чтобы поступь была непринужденной, и девушка не липла к спутнику.

Еще одно примечательное обстоятельство. Когда такси свернуло на Грэм-стрит и остановилось перед домом 314, Элма не стала извиняться за убожество здешних мест. Кроме того, в декабрьских сумерках все тут выглядело не так скверно, как при солнечном свете, но это — свойство любой улицы: в полумраке грязь кажется менее грязной. Парадному, в которое ввела меня Элма, не помешало бы внимание уборщицы. А когда девушка открыла ключом дверь на лестницу, я увидел, что и там такое же неряшество.

— Третий этаж, — сказала Элма и начала подниматься по ступенькам.

Я пошел следом. Четко говоря, мне показалось, что девушка немного переигрывает. Уж могла бы сказать: "Когда я получила работу, то хотела переехать, но папа не согласился". Так, между делом. Но она не проронила ни слова.

На третьем этаже Элма пошла было по коридору в сторону заднего фасада здания, но, сделав два шага, остановилась.

— Что такое: в квартире горит свет.

Я взял ее за локоть и шепотом спросил:

— Какая квартира?

Элма указала направо, и я увидел пробивавшуюся из-под двери полосу света.

— Звонок есть? — прошептал я.

— Он сломан, — шепотом ответила Элма.

Я подошел к двери и постучался. Вскоре дверь открылась, и я увидел мужчину примерно моего роста, с широким плоским лицом и густыми всклокоченными рыжими волосами.

— Добрый вечер, — сказал я.

— Где мисс Вассос? — спросил мужчина. — Вы из полиции? О, слава Богу!

Подошла Элма.

— Но вы... как вы... Это мистер Буш. Мистер Гудвин.

— Кажется, я... — он умолк, очевидно, не очень представляя себе, чем кажется, и принялся переводить взгляд с Элмы на меня и обратно.

— Предлагаю честную сделку, — проговорил я. — Вы рассказываете мне, зачем пришли сюда, и тогда я рассказываю вам, зачем пришел сюда. Я пришел, чтобы помочь мисс Вассос нести сумку с одеждой и принадлежностями. Мисс Вассос гостит в доме Ниро Вулфа на Тридцать пятой улице. Меня зовут Арчи Гудвин и я работаю на Ниро Вулфа. Ваша очередь.

— Ниро Вулф? Тот самый сыщик?

— Совершенно верно.

Он повернулся к Элме.

— И вы гостите в его доме?

— Да.

— Вчера вечером и сегодня днем вы были там?

— Да.

— Зря не сообщили мне. Я только что прибыл сюда из конторы. И вчера вечером тоже приходил. Я боялся, что вы... Рад видеть, что... Я думал, что, может быть...

— Наверное, я должна была позвонить, — перебила его Элма.

— Да, пожалуй. Тогда я, по крайней мере, знал бы...

Речь его мало чем напоминала рыцарскую. Или хотя бы речь управляющего конторой.

— Если не возражаете, — вклинился я, — мисс Вассос хотела бы войти и уложить вещи в сумку. Она наняла Ниро Вулфа для поисков убийцы Дэниза Эшби, и останется в его доме, пока преступник не будет разоблачен. Разумеется, поскольку вы убеждены, что Эшби убит ее отцом, едва ли...

— Я вовсе не думаю, что ее отец убил Эшби.

— Не думаете? Тогда зачем вы сказали полиции, что он дознался о ее отношениях с соблазнителем Эшби?

Буш размахнулся и ударил меня. Метил он верно, но оказался слишком нерасторопным: я успел бы врезать ему, пока его рука была еще на замахе. Элма — и та оказалась проворнее и изловчилась втиснуться между нами. Тем не менее, Буш нанес свинг, ловко обойдя девушку. Вероятно, он попал бы в цель, если бы я подвинул голову дюймов на восемь влево и стоял истуканом. Но я ухватил его запястье, рванул вниз и вывернул. Прием был болевой, однако Буш даже не пискнул.

Элма повернулась ко мне и возмущенно произнесла:

— Я же говорила, что это не он!

— Это не я, — подтвердил Буш.

— Тогда кто? Вам это известно?

— Нет.

— Ладно, поедете с нами, поговорите с Ниро Вулфом. Заодно и сумку потащите. А если их будет две, возьмем каждый по одной. Ступайте, мисс Вассос, я не дам ему изувечить меня.

Элма протиснулась мимо Буша, а он осмотрел и ощупал свое запястье. Я сообщил ему, что оно может немного распухнуть. Буш повернулся и вошел в квартиру, я последовал за ним. Комната была и не тесная, и не просторная, очень чистенькая, с добротными креслами и красивыми однотонными коврами, в углу — телевизор, на полках — книги, на столике лежали журналы. На верхней полке стояла обрамленная картинка, которая показалась мне знакомой. Я подошел поближе и взгляделся. Так и есть, Вулф на обложке журнала "Тик". Снимок годичной с небольшим давности. Я широко улыбнулся при мысли о том, каково будет сержанту Стеббину или какому-нибудь другому легавому из убойного отдела, который придет взглянуть на логово душегуба и увидит на почетном месте портрет Ниро Вулфа. Однажды я слышал, как Вулф цитировал чьи-то слова: "нельзя быть героем в глазах своего слуги". По-видимому, Вулфу удалось стать героем для своего чистильщика обуви.

Когда Элма вышла из спальни с чемоданом и небольшой сумкой, Буш, уже успевший надеть пальто, принял у нее ношу. Я посмотрел на часы. Было без пяти шесть. Когда мы приедем, Вулф уже спустится из оранжеви.

— Давайте один баул, — сказал я. — Не перегружайте запястье.

— Запястье в порядке, — ответил Буш, стараясь не стискивать зубы.

Настоящий герой.

Самообладания тоже может оказаться в избытке. В тот день я должен был подать заявление об уходе (уже в сорок третий раз), когда Вулф сердито зыркнул на меня и сказал:

— Я не стану с ним встречаться.

Ребячество в присутствии клиента непростительно. Оставив Буша в приемной, мы с Элмой вошли в кабинет, и я объяснил Вулфу, почему попросил Паркера вычеркнуть Буша из списка ответчиков, затем рассказал о случившемся на Грэм-стрит, сообщил, что, уходя оттуда, я поговорил с консьержем, и тот подтвердил, что вошел в квартиру Вассосов. Затем я спросил, желает ли Вулф говорить с Бушем в присутствии Элмы, и услышал в ответ: "Я не стану с ним встречаться". Все, приехали.

Вулф знал, что ему придется встретиться с целой оравой. Он платил законнику за трюк, который заставит этих людей прийти к нам, но завтра. А нынче было сегодня, и он читал книгу, а я не позвонил и не предупредил, что везу Буша. Мне следовало бы повернуться и уйти, но неподалеку была Элма, поэтому я сказал:

— Буша можно устроить в моей комнате, я переночую тут, на кушетке.

Вулф прищурился и смерил меня взглядом. Он понимал, что я говорю на полном серьезе и не отступлю, что он напортачил, начав эту бодягу в присутствии третьего лица. Но если бы я просто молчал и пялился на него, дело кончилось бы либо моим увольнением, либо уходом по собственному желанию, поэтому я встал, сказал, что отнесу пожитки мисс Вассос в ее комнату, выходя из кабинета, покачал головой и таким образом сообщил Элме об отрицательном результате, подхватил в прихожей чемодан и сумку, поднялся на второй этаж, до-

ставил вещи в южную комнату, вернулся на лестничную площадку, остановился и прислушался.

Так Вулфу было проще. Будь я с ним, он ничего не смог бы сделать. Но в мое отсутствие ему достаточно спросить Элму, считает ли она, что его разговор с Бушем поможет делу. И он спросил. Я слышал голоса, хоть и не мог разобрать слова. Это продолжалось три минуты, затем наступила тишина, а когда голоса зазвучали вновь (в том числе и голос Буша), я спустился вниз. Входя в кабинет и шествуя к своему столу, я, разумеется, смотрел прямо перед собой. Мне пришлось обогнуть одно из желтых кресел, занятое Бушем и придвинутое вплотную к столу Вулфа. Вулф тем временем вещал:

— ... и я намерен это сделать. Я не обязан отчитываться, что мне за интерес в этой истории. Можете считать, что мною движет раздражение. Мистер Вассос никогда не подводил меня и содержал мою обувь в порядке. Найти ему замену будет непросто, и тот, кто лишил меня его услуг, горько пожалеет о содеянном. Раз уж вы здесь, давайте поговорим о вас. Мистер Гудвин и мисс Вассос застали вас в ее квартире, и вы выразили тревогу за мисс Вассос. Это подлинная тревога или напускная?

Буш сидел прямо и неподвижно, положив руки на колени.

— Я тоже не обязан отчитываться перед вами, — заявил он гораздо громче, чем того требовали обстоятельства. — Откуда мне знать, что вы задумали?

— Вы и не знаете. Но узнаете. Не буду с вами препираться. Ступайте. Вы еще вернетесь.

Я стиснул зубы. Все-таки он решил повернуть свой трюк. Он выпроваживал Буша, используя уловку, которая вынуждала меня молчать. Будь поблизости какой-нибудь утес, я бы столкнул Вулфа с его верхушки. Но трюк не прошел. Буш взглянул на Элму, сидевшую в красном кожаном кресле. При этом он повернул голову, и я не видел его лица, но, наверное, на нем был начертан немой вопрос. Во всяком случае, Элма ответила:

— Он сделает то, что обещал, мистер Буш. Он намерен выставить на посмешище одного инспектора по имени Крамер. Если он хочет, чтобы вы ему что-то рассказали, и если вы хотите...

— Хочу. Вы станете моей женой?

Элма лишилась дара речи.

— Очень толково, мистер Буш, — прорычал Вулф. — Великолепный ход, мгновенно и непровержимо доказывающий, что ваша тревога непритворна. Итак, вы не верите, что мистер Эшби соблазнил мисс Вассос?

— Нет. Я знаю, что этого не было.

— Вы сказали мистеру Гудвину, что не знаете, кто оговорил ее в полиции.

— Не знаю.

— Но вам было известно, что кто-то это сделал.

— Не то чтобы известно. Я знал или подозревал, что полицейские держатся такого мнения. Судя по вопросам, которые они мне задавали.

— Именно поэтому вы так встревожились за мисс Вассос, что отправились к ней домой вчера вечером и уговорили консьержа впустить вас в квартиру, а сегодня сделали то же самое?

— Отчасти да, хотя я поступил бы так в любом случае. Вчера она волновалась, потому что ее отец не вернулся домой, и я пытался выяснить, в конторе ли он. Затем стало известно, что он мертв, нашли его тело. Я позвонил Элме домой, никто не ответил, и я отправился туда. Сегодня от нее тоже не было вестей, полиция не знала, где она, и я пошел к ней снова. Понимаю, куда вы гнете. Вы хотите знать, почему я ждал Элму дома. Потому что волновался за нее, или потому, что хотел

убить. Ведь кто-то наверняка жаждет с ней расправиться. Кто-то оболгал ее перед отцом, а потом и в полиции.

Вулф кивнул.

— Вы полагаете, что ее отец поверил в эту ложь, убил Эшби и покончил с собой?

— Нет, не полагаю. Но предполагаю, что так могло быть. Возможно, вам покажется, что у меня хорошо подвешен язык, что мне было легко произнести эти слова, но на самом деле я больше года не решался поведать Элме о своих чувствах, о том, что она замечательная, что нет на земле другой такой девушки, что я никогда...

— Да, да. Вы сказали все это, попросив ее руки. Вполне вероятно, что и мисс Вассос поняла вас. Без сомнения, при первой возможности вы услышите это от нее самой. Она убеждена, что отец не поверил бы в такую ложь, а значит, он не убивал Эшби и не кончал самоубийством. Поэтому я хочу знать как можно больше о том, что чем занимался и когда.

Судя по напечатанному в газетах отчету медицинского эксперта, Питер Вассос сверзился со скалы и погиб в понедельник между десятью часами вечера и полночью. Поскольку мисс Вассос определенно не выйдет за вас замуж, если вы — убийца ее отца, давайте исключим вас из числа подозреваемых. Где вы провели эти два часа?

— Дома. Я лег спать около одиннадцати.

— Вы живете один?

— Да.

— Хорошо. Итак, алиби у вас нет. А между тем человека, имеющего алиби, следует подозревать в первую очередь. Теперь поговорим о мистере Эшби. Где вы были без двадцати пяти одиннадцать утра в понедельник?

— В своем рабочем кабинете.

— Один?

— Да. Я уже говорил полицейским. Мисс Вассос приходила составлять письма, но ушла примерно четверть одиннадцатого. Пит пришел где-то без четверти одиннадцать и начистил мне башмаки. А так я был один.

— Из кабинета выходили?

— Нет. Дверь была открыта, но мой кабинет в конце коридора, и я никогда никого не вижу.

— Значит, существенной помощи от вас ждать не приходится. Но вы подтвердили то, что мистер Вассос говорил о своих передвижениях. Если он пришел к вам в кабинет без четверти одиннадцать, начистил вам туфли и отправился напрямик в кабинет мистера Эшби, значит, он вошел туда примерно без восьми минут одиннадцать. Сюда он прибыл в три минуты двенадцатого. Вы знаете, где он был перед приходом к вам?

— Да, он драил туфли мистеру Мерсеру в его кабинете.

— А до того?

— Не знаю. Полиция тоже об этом спрашивала. Они думают, что он был в кабинете Эшби дважды. Вошел через другую дверь и убил его.

— А в вашем кабинете есть дверь, ведущая во внешний коридор?

— Нет, такая дверь есть только в кабинете Эшби.

Вулф поднял голову и посмотрел на настенные часы. До обеда оставалось тридцать минут. Он взглянул на Буша.

— Итак, сэр, как я сказал вам с самого начала, я пришел к заключению, что мистер Вассос не убивал мистера Эшби. Я намерен найти и изобличить настоящего

убийцу, и в этом вы можете мне помочь. Кому смерть Эшби принесет чувство безопасности, удовлетворения или благополучия? Сui bono?

— Не понимаю... Ах, да, это же латынь, — Буш кивнул. — Полицейские меня тоже спрашивали, хотя и в других выражениях. Я сказал им, что не знаю, и это так. Я очень мало встречался с Эшби вне конторы. Был знаком с его женой, когда она у нас работала. Ее девичья фамилия Снайдер. Но с тех пор, как два года назад она вышла за Эшби, я видел ее всего пару раз. Так что не знаю, кому его смерть принесет удовлетворение, безопасность и благополучие, как вы выражаетесь.

— А что сослуживцы?

— Его никто не любил. Я тоже. Даже мистер Мерсер, наверное, не любил. Все знали, что Эшби спас фирму и обеспечил ей процветание, но он нам не нравился. Девушки жаловались на него, неохотно входили в его кабинет. Несколько месяцев назад одна даже уволилась. Когда я пошел обсуждать это с мистером Мерсером, он сказал, что Эшби, конечно, не безгрешен и, если чего-то захочет, то возьмет без колебаний, и что благодаря этому фирма теперь в десять раз крупнее, чем была четыре года назад. Впрочем, говоря, что его никто не любил, я должен сделать одно исключение. — Он посмотрел на Элму, потом опять на Вулфа.

— Мисс Вассос?

— Боже милостивый, нет! — Буш был просто потрясен. — Вы подумали так, потому что я посмотрел на нее? Это случайность. Захотелось, вот и посмотрел. Эшби не было, вот мисс Кокс и делала для него секретарскую работу: договаривалась о встречах, и все такое. Разве что не стенографировала. Может быть, он ей нравился, полагаю, такое вполне возможно. В конторе немало сплетничали на их счет, но конторским сплетням верить нельзя. Если управляющий начнет воспринимать все сплетни серьезно, он просто сойдет с ума. Однако прошлой весной жена Эшби, Джоан, бывшая Джоан Снайдер, пришла ко мне и попросила уволить ее.

— Уволить мисс Кокс?

— Да. Сказала, что та дурно влияет на ее мужа. Я только рассмеялся, не смог удержаться. Дурно влиять на Дэниза Эшби! Я сказал, что не могу уволить мисс Кокс, и это была правда. Эшби дважды повышал ей жалованье, не спросив меня.

Вулф хмыкнул.

— Мисс Вассос упоминала еще одно имя: Филип Горан. Он коммивояжер и, надо полагать, подчинялся непосредственно Эшби?

— Да.

— И рассчитывал получить должность, которая досталась Эшби?

— Да.

— И был очень зол?

— Да.

— Значит, гибель Эшби не опечалила его?

— Ничуть.

— Что-то вы стали очень кратко отвечать на вопросы. Я коснулся больной темы?

— Э... По-моему, Фил Горан вполне заслуживал этой должности. Я и сейчас так думаю.

— Теперь должность достанется ему?

— Полагаю, что да.

— Не стану спрашивать, мог ли он убить Эшби, чтобы получить должность. Вы не беспристрастны и наверняка ответите отрицательно. — Вулф взглянул на часы. — Вы когда-нибудь сидели за одним столом с мисс Вассос? Делили с ней трапезу?

— Не понимаю, какое это имеет отношение...

— Никакого. Мне просто любопытно.

— Нет, никогда. Она дважды отклоняла мои приглашения.

— Тогда глупо было просить ее руки. Нельзя узнать женщину, не увидев ее за столом. Приглашаю вас отужинать с нами. Подадут куриный суп со шавелем, яичными желтками и хересом и жареных перепелов под соусом из белого вина, телячью вырезку и виноград. Не бойтесь нас объесть, снеди вдоволь.

Я не слышал ответа Буша, потому что был поглощен мысленной беседой с самим собой. Правило: за едой — ни слова о делах, соблюдалось строжайшим образом, и мне придется съесть суп, перепела и сыр, выпить кофе и высказать Бушу свое просвещенное мнение. А когда он уйдет, меня спросят, была ли его тревога за мисс Вассос искренней, и потребуют ответить, да или нет. И если я не смогу дать ответ, значит, немало доброй снеди было потрачено зря.

Так оно и вышло.

Волна поднялась. Первая зыбь показалась в начале третьего пополудни в четверг, во время обеда, когда позвонил Паркер и сказал, что говорил с адвокатом Джона Мерсера, Филипа Горана и Фрэнсис Кокс. Еще раньше, до полудня, он тоже звонил и сообщил, что подал все пять исков. Паркер уведомил представителя ответчиков, что его клиентка, Элма Вассос, заплатила ему задаток и распорядилась начать судебное преследование по совету Ниро Вулфа, который расследует дело в ее интересах и рад тому, что его клиентка может подать обоснованную жалобу, но не намерен обсуждать ее с адвокатом противной стороны на этом этапе расследования, что после долгих раздумий Вулф счел почти невозможным достижение мирового соглашения до суда и что он, разумеется, передаст этот разговор своей клиентке, которая гостит в доме Ниро Вулфа.

Я вернулся в столовую и пересказал все это Вулфу, который не пожелал прерывать трапезу и подходить к телефону.

Второй вал накатил двумя часами позже, и на сей раз волну подняла вдовушка. Вулф отправился в оранжерею, Элма пошла с ним любоваться орхидеями. Нельзя сказать, что Вулф оттаял и смягчился, просто ему показалось, что Элма положила на меня глаз, а значит, чем меньше мы с ней будем оставаться наедине, тем лучше. Зазвонил телефон, я снял трубку.

— Кабинет Ниро Вулфа, Арчи Гудвин слушает.

— Я хочу говорить с Элмой Вассос, — произнес капризный женский голос.

— Назовите ваше имя, пожалуйста.

— Да что вы! Она там?

— В кабинете ее нет, но я могу позвать. Если вы согласитесь сообщить мне свое имя.

— Чего ж не согласиться? Джоан Эшби. Можете не звать ее, вы тоже сгодитесь, если и впрямь Арчи Гудвин. Я только что говорила с тем законником, Паркером, и он сказал мне, что девка Вассос свила гнездышко в доме Ниро Вулфа. Я ему заявила, что, если она хочет подать иск на миллион долларов, пусть себе подает. Дай, думаю, и ей скажу то же самое. А Паркер ответил, что предпочел бы говорить с моим адвокатом, и как было бы здорово, если бы яшла себе адвоката. Но чем мне ему заплатить, адвокату этому? Скажите Элме Вассос, что, если она сумеет содрать несколько миллионов с остальных, пусть хоть частично оплатит долги моего муженька, я буду ей глубоко признательна и, вероятно, смогу, наконец, перекусить. Хотелось бы мне с ней повидаться. Лицезреть дамочку, из-за которой его угробили.

— А почему бы и нет, миссис Эшби? Приходите, милости просим. Если вы дома, вам до нас рукой подать. Наш адрес...

— Знаю я ваш адрес, но не приду, не дождетесь. Поутру вышла на улицу, а там — орава писак и фотографов. Можно подумать, что я — Элизабет Тейлор. С Элмой встретиться, конечно, охота, но не настолько, чтобы опять нарываться на эту шайку. Просто скажите ей, что с меня она не получит даже на жетон для подземки. Если она хочет...

— Она тоже хотела бы повидаться с вами.

— Это уж как пить дать.

— Нет, правда. Она сама мне сказала вчера вечером. Почему бы мне не привести ее к вам? Мы можем прибыть через двадцать минут. Вы потеряли мужа, она — отца. Встреча пойдет на пользу вам обеим.

— Еще бы! Утром друг дружке слезы. Милости прошу, только привозите носовые платки с собой. Я пользуюсь бумажными салфетками.

Она бросила трубку. Я позвонил по внутреннему телефону в оранжерею и доложил Вулфу.

— Возможно, она блефует и врет про долги, — прорычал он. — Мисс Вассос сейчас спустится. Только не привозите несчастную вдовушку сюда.

— Но вы хотели видеть их всех.

— Только не ее, пока этого можно избежать. Фу! Решишь сам. Ум плюс опыт, тебе их не занимать.

Когда пришла Элма, спустившись по лестнице, а не в лифте, я уже надел пальто и ждал ее у двери. Я сказал ей, что, судя по тому, как миссис Эшби беседовала со мной по телефону, разговор может оказаться нелегким, и Элма ответила: раз уж я выдержал, она и подавно выдержит, а потом, когда мы сели в такси на Девятой авеню и поползли на восток, я передал ей свой разговор со вдовушкой слово в слово.

— Звучит ужасно, — заметила Элма. — Но, если он оставил кучу долгов... Конечно, это не имеет значения, ведь мы и не рассчитываем что-то получить.

Дом на Восточной тридцать седьмой улице, адрес которого был указан в газете, стоял между Парк-авеню и Лексингтон-авеню. Если тут и дежурили журналисты, я их не заметил, но было почти пять часов, наступали сумерки. Нажав в парадном кнопку с фамилией Эшби, я услышал голос, вопрошающий, кто там, и сообщил забранной решеткой дырке наши имена. Раздался щелчок, я толкнул дверь, и мы вошли.

Вестибюль был тесный, со стенами, отделанными алюминиевыми панелями, и лифтом без лифтера. Я нажал кнопку третьего этажа, мы поднялись и вышли. И тут же увидели вдовушку, которая стояла, привалившись к притолоке распахнутой двери.

— Удвоенная свита покойника, — молвила она. — Это я только что придумала. — Вдова с прищуром воззрилась на нас. — И еще кое-что придумала. Мужу нравились рекламные тексты: езжай сейчас, заплатишь потом. Мне нравится. Надеюсь, вам тоже.

Она стояла совершенно неподвижно. Еще во время телефонного разговора мне стало ясно, что вдовушка под мухой. А с тех пор она, должно быть, успела еще разок приложиться к бутылке. В трезвом виде она, вероятно, была весьма приятной человеческой особью: большущие черные глаза, широкий теплый рот. Но только не сейчас. Элма протянула было ей руку, но тотчас передумала. Я отчетливо проговорил:

— Миссис Эшби, это мисс Вассос, а я — Арчи Гудвин. Можно войти?

— А вы меня удивили, — сказала вдовушка Элме. — Такая маленькая. Не подросток, конечно, просто малютка. Ему нравились крупные женщины, как я,

но он делал исключения. Нервы у вас — что надо, раз вчиняете мне иск на миллион. Мне следовало бы по суду стребовать с вас все, что он потратил на ваши удовольствия. Он дарил вам золотой цветок с жемчужиной в серединке? Смотрите, вы эту брошь не носите. Я видела такую в коробочке в конторе тем утром, когда убили мужа. Я видела. Убей сейчас, заплатишь потом. Мне это нравится. Надеюсь, вам тоже. — Она протянула дрожащую руку. — Спасибо, что пришли, большое спасибо. Мне хотелось взглянуть на вас. Вы такая маленькая, Боже мой.

Я улыбнулся ей широкой дружелюбной улыбкой.

— Миссис Эшби, что это за золотой цветок с жемчужиной в серединке? Вы видели его на столе супруга в понедельник утром. Ведь вы не думали, что увидите эту брошь на мисс Вассос, не правда ли?

— Конечно, нет. Она в полиции. Я сказала им, что видела ее в кабинете, а они говорят, у них, мол, брошь. — Она сделала над собой усилие и снова посмотрела на Элму. — Но и у вас есть такая, наверняка есть. У всех есть. Восемьдесят долларов у Йенсена. Иногда дерут и больше.

Элма открыла рот, но я опередил ее.

— Полагаю, ваш супруг был в кабинете, когда вы вошли туда в понедельник утром, миссис Эшби. В котором часу это было?

— В десять. — Она улыбнулась мне. — Вы — сыщик. — Вдова наставила на меня трясущийся палец. — Отвечайте, да или нет?

— Да, но я не легавый.

— Знаю, знаю. Ниро Вулф. Слушайте, я понимаю, что пьяна. Знаю, что говорила и какие бумаги подписывала. Я ходила туда тем утром в десять часов, постучалась в дверь, и он открыл, и я вошла, и он дал мне сорок долларов, и я ушла и купила себе пару туфель на эти сорок долларов, потому что в кредит мне больше не отпускали... — Она выпрямилась, закачалась, ухватилась за дверь, попятилась и с грохотом захлопнула дверь перед нашим носом.

Я мог бы это предотвратить, сунув в проем мысок башмака, но решил не утруждать себя. Она пребывала в таком состоянии, что ум, помноженный на опыт, едва ли помог бы мне сладить с ней, а я уже и так добился большего, чем рассчитывал, узнав, что утром в понедельник она побывала в кабинете Эшби, и что легавым известно об этом. Разумеется, они уже проверили и, если продавец, у которого вдовашка приобрела туфли, подтвердит названное ею время, миссис Эшби можно будет исключить из числа подозреваемых. Это было вполне вероятно, посему я последовал за Элмой к лифту.

Элма молчала, пока такси не остановилось перед красным светофором на Пятой авеню. Повернувшись ко мне, она выпалила:

— Это омерзительно!

— Да, я вас предупреждал, что она — не подарок, но мне следовало сперва самому посмотреть на нее. Это ее "убей сейчас, заплатишь потом", — еще туда-сюда. Все дело в том, кто платит.

— Это она его убила?

— Исключено. Он не оставил ей ничего, кроме долгов. Вы слышали ее слова.

— Как это все мерзко. Не хочу с ней судиться. Может, исключим ее из числа ответчиков?

Я похлопал ее по плечу.

— Не суетитесь. Сделанного не поправишь, и кто-то крепко схлопочет. Вы пришли к мистеру Вулфу с просьбой и получите то, о чем просили, так что расслабьтесь. Сейчас вы убедили меня, что у вас с Эшби не зашло слишком дале-

ко. Зная, что вам предстоит встреча с миссис Эшби, вы все-таки неровно наложили помаду. Я и раньше в вас особо не сомневался, но теперь все ясно.

Элма раскрыла сумочку и достала зеркальце.

Расплатившись с таксистом перед нашим старым домом, поднявшись с Элмой на крыльцо и отомкнув замок, я с удивлением обнаружил, что дверь закрыта еще и на цепочку. Было всего половина шестого, и Вулф наверняка сидел в оранжерее.

Я уже прижал палец к кнопке звонка, но тут дверь распахнулась, и я увидел Фрица. Должно быть, он дежурил в прихожей, поджидая нас. Фриц поднес палец к губам, поэтому я понизил голос и спросил:

— Гости?

Фриц взял у Элмы пальто и отнес его на вешалку, я тем временем освободился от своего.

— Их трое, женщина и двое мужчин. В кабинете. Мистер Мерсер, мистер Горан и мисс Кокс. Дверь закрыта. Я этого не люблю, Арчи, ты же знаешь, мне никогда не нравилось следить за людьми...

— Да, да. Но если они принесли бомбу, она не взорвется до их ухода. — Я не потрудились понизить гоос, поскольку кабинет у нас был звуконепроницаемый. — Давно они здесь?

— Минут десять. Мистер Вулф велел мне передать им, чтобы возвращались через час, но они уперлись, и тогда он распорядился провести их в кабинет, а самому оставаться в прихожей. Я сказал ему, что делаю заливное, но мистер Вулф ответил: один из них — убийца. Я не прочь помочь вам, Арчи, ты же знаешь, но разве я состряпаю хорошее заливное, если буду следить за убийцами?

— Наверняка не состряпаешь. Но Вулф может заблуждаться. Вполне возможно, мы с мисс Вассос только что беседовали с убийцей, причем мертвецки пьяным. — Я повернулся к Элме. — Эта сцена может оказаться еще безобразнее, поэтому вам, пожалуй, лучше подняться к себе. Я дам вам знать, если понадобится.

— Благодарю вас, мистер Гудвин, — проговорила она и направилась к лестнице.

Фриц пошел на кухню, я — за ним. Он приблизился к большому столу, заставленному судками для заливного, а я достал из холодильника молоко, налил стакан, подошел к столику у стены, где стоял внутренний телефон, и позвонил в оранжерею.

— Да?

— Это я. Мисс Вассос отправилась к себе, а я — на кухню. Докладываю о миссис Эшби, — сказал я и поведал о недавних событиях. — Так что привозить ее и впрямь не стоило. Мне пришлось бы втаскивать ее на крыльцо на руках. Заметьте, я ничего у нее не вытягивал, вдовушка сама заявила, что была там в понедельник утром. С вердиктом подожду. Какие будут указания относительно той компании в кабинете?

— Никаких.

— Подняться к вам?

— Не надо, мне и так много мешали. — Вулф повесил трубку.

Истинный гений. Будь у него хоть какой-то план действий, в чем я сомневался, не составило бы труда догадаться, какая роль отведена в нем мне. Я неторопливо допил молоко, подошел к нише в прихожей и, отодвинув дощечку, открыл маленькое окошко. Со стороны ниши оно квадратное, а со стороны кабинета его скрывает картина с изображением водопада.

Джон Мерсер, президент "Мерсерз-Боббинс", развалился в красном кожаном кресле и постукивал ладонями по подлокотникам. Его белоснежная шевелюра из-

рядно поредела, но все еще была на месте, и смахивал Мерсер скорее на адмирала в отставке, чем на торговца нитками. Фриц поставил желтые кресла перед столом Вулфа, и двое других гостей расположились в них. Посетители тихонько переговаривались, обсуждая телефонный звонок покупателя, которого они то ли дождались, то ли не дождались.

Филип Горан был плечист и длиннорук, с продолговатой костлявой физиономией и живыми бегающими карими глазами. А Фрэнсис Кокс оказалась крупной женщиной, такую и не облапишь. Впрочем, фунты ее плоти были распределены по телу довольно равномерно. Посмотрев на ее гладкое умное лицо, вы ничем не догадались бы, что у нее за плечами три нелегких дня. А ведь ей, должно быть, пришлось попереживать.

Я стоял возле оконца, созерцая пришельцев, до тех пор, пока не услышал скрежет лифта. Тогда я обогнул угол, открыл дверь кабинета и остановился на пороге, пропуская Вулфа. Тот подошел к своему столу и стоя оглядел всех гостей по очереди. Остановив взор на Мерсере, он проговорил:

— Вы — Джон Мерсер?

— Да, это я, — ответил Мерсер с заметной хрипотцой и откашлялся. — Мисс Фрэнсис Кокс, мистер Филип Горан. Мы хотим...

— Если позволите, это мистер Гудвин, — перебил его Вулф, и я подошел к своему столу. Сам Вулф остался на ногах. — Сомневаюсь в правомерности ваших действий, мистер Мерсер. Мисс Вассос подала против вас троих судебный иск, поэтому общаться должны ваши поверенные. Я — сыщик, а не законник.

Мерсер выпрямился.

— Ваш адвокат сообщил моему, что это вы велели мисс Вассос подать иски.

— Да.

— И что она живет в вашем доме.

— Да, но вы ее не увидите.

— Не слишком ли вы своевольничаете?

— Нет, просто осторожничаю. Она прибегла к помощи закона, чтобы восстановить справедливость, так что пусть переговоры ведут поверенные.

— Но ее адвокат не желает говорить! Он заявляет, что не будет обсуждать дело, пока вы не продвинетесь дальше в своем расследовании.

Вулф передернул плечами, приподняв их ровно на четверть дюйма.

— Очень хорошо. Тогда зачем вы здесь? Вы пришли по совету своего адвоката?

— Нет, мы пришли заявить вам, что расследовать больше нечего. Вы видели дневную "Газетт"?

— Нет.

— Это на первой полосе. А на второй — фотографии всех нас, инспектора Крамера и ваша. Столь сенсационная огласка чревата опасностью для уважаемого делового предприятия. Это просто позор. Мы всего лишь ответили на вопросы полиции, которая раскрывала убийство. Это был наш долг. Что там еще расследовать?

— Убийство. Два убийства. Чтобы подвести основание под иск мисс Вассос о клевете, я должен выяснить, кто убил мистера Эшби и мистера Вассоса. И адвокат мисс Вассос поступил очень разумно и правильно, отказавшись обсуждать дело с вашим адвокатом до того, как я его раскрою.

— Но это нелепо! Кто убил Эшби и Вассоса? Вы должны это выяснить? Вы? Но полиция уже все выяснила! По мнению моего поверенного, вы проворачиваете какой-то трюк с целью вымогательства, и я думаю, что он прав!

Вулф покачал головой.

— Он заблуждается. Законникам это свойственно. Он не знает того, что знаю я — полиция не удалось установить личность убийцы. Дело вот в чем. Убийца этих людей почти наверняка повинен и в нанесении ущерба доброму имени мисс Вассос, и я намерен вывести его на чистую воду. Поданные ею иски — всего лишь ход в игре, и ход, очевидно, сильный, коль скоро вы, мисс Кокс и мистер Горан здесь. Существует довольно большая вероятность того, что один из вас и есть преступник.

Мерсер уставился на Вулфа, разинув рот.

— Один из нас?

— Да, сэр. Такова моя рабочая гипотеза, основанная на заключении, которое мне есть, чем подкрепить. Вы можете с презрением отвергнуть ее и уйти, а можете остаться и обсудить эту гипотезу.

— Но ведь вы шутите. Не может быть, чтобы вы это всерьез!

— Может. И я не шучу. Именно это я и собираюсь расследовать. Единственный способ остановить меня — убедить меня в моей неправоте.

— Разумеется, вы не правы!

— Убедите меня в этом.

Мерсер посмотрел на Филипа Горана и Фрэнсис Кокс. Те переглянулись между собой и уставились на него. Наконец мисс Кокс выпалила.

— Это шантаж!

— Надо было привести нашего адвоката, — заметил Горан.

— Он бы не пришел, — ответила мисс Кокс.

Мерсер посмотрел на Вулфа и спросил:

— И как же, по-вашему, мы должны вас убеждать?

Вулф кивнул.

— В том-то и вопрос. — Он сел и поерзал в кресле. — Быстро и доходчиво, вот как. У нас всего один способ установить истину. Мистер Горан, мистер Вассос когда-либо чистил вам ботинки?

Послышалась трель дверного звонка. Я поднялся и, обогнув желтые кресла, вышел в прихожую. Зажег свет на крыльце. Там стоял инспектор Крамер, почти касаясь приплюснутым носом дверного стекла. И, судя по выражению его широкой круглой багровой физиономии, он пришел к нам отнюдь не с миллионом долларов.

Иногда в присутствии посетителей нам приходится пользоваться вымышленными именами, чтобы сообщить друг другу о прибытии нового лица, желательного или нежелательного. Любое имя с двумя буквами "Д" означало, что пожаловал Крамер. Я вошел в кабинет и объявил:

— Мистер Дурдон.

— О! — Вулф посмотрел на меня, склонив голову набок, и его брови поползли вверх. — Правда? — Он повернулся к остальным. — Под дверью ждет мистер Крамер из полиции. Может быть, пусть присоединится к нам? Как вы полагаете?

Все трое безмолвно тарачились на Вулфа.

— По-моему, не стоит, — продолжал тот. — Разве что он вам нужен. Прошу меня извинить.

Он встал и направился к двери, я посторонился, пропуская его, и зашагал следом. Вулф поставил на место цепочку, приоткрыл парадную дверь, насколько позволяла совокупная длина звеньев, и сказал в образовавшуюся двухдюймовую брешь:

— Я занят, мистер Крамер, и не знаю, когда освобожусь. У меня мисс Фрэнсис Кокс, мистер Джон Мерсер и мистер Филип Горан. Я решил сам сообщить вам об этом, а не посылать мистера Гудвина, потому что подумал...

— Открывайте!

— Нет. Я не возражаю против вашего присутствия при моей беседе с этой троицей, но ведь вы...

— Я пришел к Элме Вассос. Открывайте дверь!

— То-то и оно.

Заслышав шум за спиной, мы с Вулфом обернулись и увидели, как из кабинета высовывается Филип Горан. Вулф снова приник к щели.

— То-то и оно, — повторил он, — что мисс Вассос не желает видеть вас. — Как я уже говорил, общая со служителям закона, гражданин пользуется правами, сформулированными весьма бессмысленно и даже вздорно. Я могу отказать впустить вас в дом, но если уж впусти, то сразу же окажусь совершенно беспомощным. Вы сможете свободно совать свой нос повсюду, беседовать, с кем вам будет угодно, и я не посмею вам помешать. Если я потребую, чтобы вы убрались, вы просто не обратите на меня внимания. Позвав полицейского, чтобы выдворить вас, я лишь выставлю себя на посмешище. Следовательно, я впусти вас только при наличии ордера.

— Вы прекрасно знаете, черт побери, что ордера у меня нет. По вашему наущению Элма Вассос подала на меня жалобу, и я намерен обсудить это с ней.

— Поговорите с ее поверенным.

— Тьфу! С Натом Паркером? Да он пляшет под вашу дудку. Откроете вы эту дверь или нет?

— Нет.

— Богом клянусь, я получу ордер.

— На каком основании? Советую вам тщательно выбирать выражения, составляя запрос. Вы не можете заявить, что вам необходимо обыскать мой дом, чтобы найти улики. Улики чего? Вы не можете обвинить меня в попытке препятствовать правосудию. Если вы напишете, что я мешаю официальному расследованию, я спрошу: какому расследованию? Наверняка не расследованию гибели Дэниза Эшби: судя по публикациям и по тому, что вы сказали вчера утром мистеру Гудвину, дело, как я понимаю, закрыто. Что касается обыска моего дома с целью обнаружения мисс Вассос, это и вовсе вздор. Находясь при исполнении служебных обязанностей, вы не имеете права встречаться с ней и прикасаться к ней. Вчинив вам гражданский иск, она не нарушила никаких законов. Советую...

— Она — основной свидетель.

— Правда? А по какому делу? Народ штата Нью-Йорк — против Питера Вассоса, обвиняемого в убийстве Дэниза Эшби? Ха! Питер Вассос мертв. Не думаете ли вы сейчас, что убийца Эшби до сих пор жив? Лучше думайте, кто ходит у вас в подозреваемых и каким образом мисс Вассос может быть основным свидетелем против одного или нескольких из них. Нет, мистер Крамер, ничего не выйдет. Я занят, а в щель дует холодный ветер. Я закрываю дверь.

— Минутку. Вы прекрасно знаете, что девица не добьется от меня возмещения ущерба.

— Возможно. Но вполне вероятно, что ей удастся вынудить вас дать присягу и ответить, кто сообщил вам, что у нее были неподобающие отношения с Дэнизом Эшби. Вчера мистер Гудвин спрашивал вас об этом, и вы злобно посмеялись над ним. Может быть, скажете мне сейчас? Обещаю на вас не ссылаться.

— Нет. Вы сами знаете, что не скажу. По-вашему, у нее не было неподобающих отношений с ним? И Вассос не убивал Эшби?

— Разумеется. Потому-то я и позвал сюда этих людей и намерен обсудить дело с ними. Поданные иски...

— Черт возьми, Вулф, откройте же дверь!

— Наоборот, сейчас я ее закрою. Если вы передумаете и решите ответить на мой вопрос, у вас есть номер нашего телефона.

Крамер иногда кое-что соображает. Зная, что вдвоем мы с Вулфом весим четыреста пятьдесят фунтов, он не стал совать в дверной проем башмак. Зная, что мы видим его сквозь зеркальное стекло, он не стал потрясать кулаком и корчить страшные рожи. Он просто повернулся и ушел.

Мы с Вулфом тоже повернулись. Горан больше не подглядывал за нами, а просто вышел в прихожую. Заметив наше приближение, он развернулся и юркнул в кабинет. Когда мы входили туда, он объявил:

— Это был инспектор Крамер. Вулф захлопнул дверь перед его носом. Инспектор ушел.

— Черта с два вы захлопнете дверь перед носом полицейского инспектора, — полнозвучно проговорила Фрэнсис Кокс.

— Так или иначе, Вулф это сделал, — ответил Горан и снова опустился в кресло.

Мы с Вулфом заняли наши места, и Вулф вперил взор в Горана.

— Продолжим. Итак, Питер Вассос чистил вам ботинки?

Глаза Горана забегали, и он метнул взгляд на Мерсера, но президент хмуро оглядывал угол стола Вулфа и не пожелал встретиться взглядом со своим подчиненным. Тогда Горан снова посмотрел на Вулфа.

— Нет, не чистил. Полагаю, вы хотите знать, не я ли рассказал Вассосу о его дочери и Эшби? Я не рассказывал. Я никогда не видел Вассоса. Как я понимаю, он приходил около половины одиннадцатого, а меня в это время не бывает в конторе, наношу визиты покупателям. В понедельник утром я, правда, сидел на рабочем месте и несколько минут общался с Эшби, но ушел, когда не было еще и десяти часов.

Вулф хмыкнул.

— Неважно, были ли вы там утром в понедельник. Любой мог незаметно проникнуть в кабинет Эшби через дверь, ведущую в коридор. В том числе и вы. Меня интересует...

— Тогда почему вы избрали нас, если войти мог любой желающий?

— По двум причинам. Одна из них — более веская, другая — менее. Менее веская — клевета на мисс Вассос. Более вескую я пока не назову. Я охочусь не за человеком, который рассказал Вассосу об отношениях его дочери с Эшби. По-моему, никто ему ничего не рассказывал. Я охочусь за тем, кто просветил полицейских. Это были вы?

— Я уже отвечал на этот вопрос. Мне пришлось.

— Если вы не дурак, то прекрасно понимаете, что никто вас не принуждал. Даже о себе и своих передвижениях вы говорили добровольно, а уж сплетничать о ближних и вовсе не были обязаны. Верно?

— Я не сплетник! Все, что я рассказал полицейским, занесено в протокол. Можете спросить у них.

— Уже спрашивал. Вы сами только что слышали, как я справлялся у мистера Крамера. Вы несколько раз просили одну из сотрудниц разузнать, какие отношения связывают мистера Эшби и мисс Вассос. Что сказала вам эта сотрудница?

— Спросите ее.

— Я спрашиваю вас.

— А вы спросите ее, не меня.

— Надеюсь, что мне не придется этого делать. — Вулф покосился вправо. — Мисс Кокс, в каких отношениях были вы с мистером Вассосом?

— Ни в каких не была. — Она вскинула голову и выпятила подбородок. Он был очень красив, но лишь в те мгновения, когда обладательница забывала о нем. — Он был нашим чистильщиком обуви.

— И отцом одной из ваших сослуживиц. Вы, конечно, об этом знали.

— Разумеется.

— Он вам нравился? А вы ему?

— Я его не спрашивала. А сама относилась к нему равнодушно. Он чистил обувь, вот и все.

— Бывает, что люди любезны и с чистильщиками обуви. Вы много с ним беседовали?

— Нет, почти никогда.

— Как это обычно происходило? Он заглядывал в приемную, где сидели вы, что потом?

— Он спрашивал, можно ли войти. Первым делом Пит всегда отправлялся в кабинет мистера Мерсера. Если мистер Мерсер был не один, все зависело от того, кто с ним. Иногда он не хотел, чтобы его беспокоили, и тогда Пит шел к мистеру Бушу. Его кабинет напротив кабинета мистера Мерсера.

— Двери расположены строго напротив?

— Нет. Дверь в кабинет мистера Мерсера — первая с левой стороны, а кабинет мистера Буша — с правой стороны, почти в конце коридора.

— После мистера Мерсера и мистера Буша мистер Вассос шел к мистеру Эшби?

— Да, но при этом ему приходилось пересекать приемную, и по пути он спрашивал меня, не занят ли мистер Эшби с важным клиентом. В таких случаях мистер Эшби не хотел, чтобы Пит появлялся в кабинете.

— Мистер Вассос обслуживал еще кого-либо из сотрудников конторы?

— Нет.

— Никогда?

— Нет.

— Именно так все и происходило в понедельник утром?

— Насколько знаю, да. Когда пришел Пит, мистер Мерсер был один: вскоре Пит выглянул из-за угла коридора, я кивнула, и он отправился в кабинет мистера Эшби.

— Вскоре? Что это значит?

— Минут через пятнадцать.

— Вы видели, как он входил к мистеру Эшби?

— Нет, дверь кабинета ведет в другой коридор. В любом случае я не могла видеть, входил ли он в кабинет: мой стол стоит в углу приемной.

— Сколько было времени, когда Вассос выглянул из-за угла коридора, и вы кивком разрешили ему проследовать в кабинет мистера Эшби?

— Без десяти одиннадцать. Может, без девяти или без восьми. Полиция требовала назвать точное время, но я не смогла.

— Насколько вы были правдивы в отношении мистера Эшби и мисс Вассос?

Вопрос сбил ее с толку, но лишь на мгновение, и она продолжала неотрывно смотреть на Вулфа. Отвечая, мисс Кокс немного повысила голос:

— Думаете, вы такой умный?

— Нет, не думаю. Я либо недостаточно умен, либо слишком умен. Что вы рассказали полиции о мистере Эшби и мисс Вассос?

— Отвечу вам, как мистер Горан: спросите полицейских.

— А что вы рассказали им о ваших собственных отношениях с мистером Эшби? Сообщили ли, что вы были близки? Что миссис Эшби просила сотрудника компании уволить вас, поскольку вы дурно влияли на ее супруга?

Мисс Кокс улыбнулась уголком рта.

— Похоже, вы наслушались Энди Буша. Вам ведь все равно, кого слушать, не так ли, мистер Вулф? Может быть, вы и впрямь недостаточно умны.

— Но я настойчив, мадам. Полиция оставила вас в покое, потому что сочла свою задачу решенной. Я так не считаю и в случае нужды готов известить вас вопросами. Вы значительно упростите дело для нас обоих, если расскажете о своих отношениях с мистером Эшби. Вы готовы?

— А не о чем рассказывать.

— Что ж, подождем. — Вулф вместе с креслом повернулся к Джону Мерсеру. — Браво, сэр, восхищен вашим терпением. Должно быть, вас уже раз десять подымало вступить в беседу, но вы не вмешивались. Это достойно похвалы. Как я уже говорил, остановить меня можно, лишь убедив в том, что я заблуждаюсь. Мистер Горан и мисс Кокс ничего не добились. Предлагаю и вам попробовать. Не стану обстреливать вас вопросами, вы их и так знаете. Лучше просто послушаю. Начинайте.

Завершив изучение угла письменного стола Вулфа, Мерсер повернулся не к хозяйке кабинета, а к своим сотрудникам — коммивояжеру и секретарше. Пока Вулф расспрашивал Горана, Мерсер ел того глазами, а потом, во время опроса мисс Кокс, таранился на нее. Поскольку он сидел лицом ко мне, не требовалось иметь семь пядей во лбу, чтобы понять: его главная забота — убедить не Вулфа, а самого себя. Судя по выражению глаз Мерсера, он и сейчас пребывал в растерянности. Посмотрев на Вулфа, президент повел такую речь:

— Прежде всего, хочу заявить следующее. Мне не следовало говорить, что мой адвокат считает это вымогательством. Беру эти слова обратно. Считаю возможным, что мисс Вассос убедила вас, и вы думаете, будто ее оклеветали, а значит, действуете из добрых побуждений.

— Хм, — ответил Вулф.

Мерсер скривил губы. Он все никак не мог решиться.

— Разумеется, если это всего лишь трюк, вас ничем не убедишь, — продолжил он. — Но если не трюк, вас убедит истина. Я намерен пренебречь советом моего поверенного и рассказать вам, что произошло. Мне кажется... — В этот миг его речь заглушил нестройный дуэт.

— Нет! — с нажимом произнес Горан, а мисс Кокс воскликнула:

— Не надо, мистер Мерсер!

Он не обратил на них внимания.

— Мне кажется, это — лучший способ прекратить... положить конец огласке. Я рассказал полицейским о мисс Вассос... Про ее отношения с мистером Эшби. А мистер Горан и мисс Кокс подтвердили мои слова. Мы все втроем сделали это заявление в полиции. Мы не клеветали. Возможно, вы правы, и закон не обязывал нас сообщать об этом, но полиция расследовала убийство, а мы считали своим долгом ответить на все вопросы. Мой адвокат придерживается мнения, что, если вы будете настаивать на иске, суд откажет вам.

Вулф прижал ладони к крышке стола.

— Давайте выясним все до конца. Вы сообщили полицейским, что мистер Эшби совратил мисс Вассос?

— Да.

— Откуда вы сами об этом узнали? Надо полагать, вы не наблюдали это действие воочию?

— Нет. Я спросил Эшби. Некоторые сотрудницы жаловались на его поведение, особенно в отношении мисс Вассос. Мне об этом сообщили.

— Кто сообщил?

— Мистер Горан и мисс Кокс.

— А кто просветил их?

— Эшби сблтал мисс Кокс. Горан не желает раскрывать источник своей осведомленности.

— Вы пошли к Эшби, и он во всем признался?

— Да.

— Когда?

— На прошлой неделе, в среду, восемь дней назад.

Вулф смежил веки и набрал в грудь воздух. Вдохнул, как и полагается, носом, выдохнул через рот. Он добился большего, чем рассчитывал. Неудивительно, что легавые и районный прокурор купились на эту байку. Загрузив легкие еще одной порцией воздуха, Вулф на миг задержал дыхание, выдохнул и открыл глаза.

— Вы можете это подтвердить, мисс Кокс? Эшби сам сказал вам, что совратил мисс Вассос?

— Да.

— А кто сообщил об этом вам, мистер Горан?

Горан покачал головой.

— Ничего не выйдет. Я полицейским не сказал, а вам и подавно не скажу. Не хочу втягивать в эту грязную историю других людей.

— Следовательно, вы не сочли своим долгом ответить на все вопросы полиции?

— Не счел.

Вулф посмотрел на Мерсера.

— Я должен посоветоваться с мисс Вассос и ее поверенным. Буду рекомендовать ей либо отозвать иски, либо потребовать возбуждения уголовных дел против вашей троицы. Сговор с целью опорочить доброе имя. Не знаю уж, как это будет звучать на языке законников. И не знаю, какой совет дам ей. — Он отодвинулся вместе с креслом от стола и поднялся. — Вам сообщат. Вероятно, адвокат мисс Вассос поставит в известность вашего. А пока...

— Но я рассказал вам правду!

— Не исключено. А пока мне надо как следует изучить планировку вашей конторы. Это необходимо. Я хотел бы, чтобы мистер Гудвин осмотрелся на месте, но сперва должен обсудить с ним создавшееся положение, а уже время ужинать. Он прибудет в контору после ужина, скажем, в девять часов. Полагаю, дверь будет на замке, так что, пожалуйста, распорядитесь, чтобы кто-нибудь впустил его.

— Но зачем? Какой в этом прок? Вы сами сказали, что любой мог проникнуть в кабинет Эшби через вторую дверь.

— Осмотр необходим, если вы хотите убедить меня. Я должен узнать, кто где был, проследить, насколько возможно, передвижения людей. В особенности, мисс Вассос. Итак, в девять часов.

Ушли они все вместе. Мисс Кокс — со вздернутым подбородком, Мерсер — с опущенным, а Горан — с еще более вытянувшейся костлявой физиономией. Когда я выпустил их и вернулся в кабинет, Вулф все еще стоял и мрачно улыбался красному кожаному креслу, словно Мерсер по-прежнему сидел в нем.

— Что за бред! — выпалил я. — И Мерсер, и мисс Кокс ссылаются на слова покойника, а Горан и вовсе не раскрывает источник сведений. Все они врут направо. Я теперь зову мисс Вассос Элмой. Если она продинамит Буша, приударю за ней сам, пожалуй. Только сперва выясню, умеет ли она танцевать.

Вулф хмыкнул.

— Невинность и утехы несовместимы. Черт возьми, она невинна, в том-то и беда. Кабы она вела себя неприлично, и в итоге ее папаша убил бы Эшби, а по-

том — себя, девушка не осмелилась бы прийти ко мне, разве что совсем спятила. Такая возможность существует всегда. Как, по-твоему, она в своем уме?

— Да. Добрая, славная и довольно умная девочка с интересным личиком и стройными ножками.

— Где она?

— У себя.

— Что-то не хочется мне сидеть с ней за одним столом. Пусть Фриц отнесет наверх поднос.

— Я сам отнесу. И свой прихвачу. Наверняка она захочет узнать, как разобрались с этой троицей. В конце концов, она внесла доллар задатка.

Всякий промысел имеет свои премудрости. Любой мало-мальски толковый сыщик со временем вырабатывает привычки и навыки, которые действуют автоматически. Например, умение примечать, что творится вокруг. Когда тем вечером, без четырех минут девять, я свернул на Восьмую авеню, я даже не стал отдавать себе отчета в том, что изучаю окрестности. Это происходит само собой. И только когда глаза сообщили мне, что у бордюра стоит женщина, фигура которой кажется им, глазам, смутно знакомой, в работу включилось мое сознание.

Да, это была Фрэнсис Кокс в своем сером шерстяном пальто с серым меховым воротником. Она уже заметила меня. Когда я остановился напротив здания, мисс Кокс поманила меня рукой. Я перешел через улицу и приблизился к ней.

— В кабинете Эшби горит свет, — сообщила она мне.

Я задрал голову и увидел на десятом этаже два освещенных окна.

— Уборщики?

— Нет. Уборщики начинают с верхнего этажа и добираются до десятого в половине восьмого вечера.

— Инспектор Крамер. Жаждет улик. У вас есть ключ?

— Разумеется. Я пришла, чтобы впустить вас. Мистер Мерсер и мистер Горан заняты.

— Встречаются с адвокатом?

— Это вы у них спросите.

— Ваша беда в том, что вы слишком словоохотливы. Ладно, давайте поднимемся и поможем Крамеру.

Мы пересекли авеню и вошли в здание. Оно было старым, и вестибюль выглядел соответственно. Стар был и ночной сторож, развалившийся в кресле и зевавший во весь рот. Когда мы входили в лифт, сторож кивнул мисс Кокс. По пути наверх она спросила лифтера, доставлял ли он кого-нибудь на десятый этаж, и получила отрицательный ответ. Мы вышли, мисс Кокс показала рукой налево через коридор и сообщила:

— Кабинет Эшби в той стороне.

В противоположной стене было две двери, одна — в шести шагах слева от лифта, другая — в шести шагах справа. На ней красовался номер 1018, а под ним висела табличка с надписью "Мерсерз-Боббинс". Еще ниже было начертано: "ВХОД". Я спросил, не за этой ли дверью находится приемная, и мисс Кокс ответила утвердительно.

— Нам не обойтись без маневра, — сказал я. — Если мы оба войдем через приемную и свернем за угол, он услышит нас и удерет по этому коридору. Дверь открывается изнутри?

— Да.

— Тогда я останусь здесь. А вы, пожалуй, позовите лифтера, пусть он обойдет помещение вместе с вами. Тот парень может кинуться в драку.

— Я способна постоять за себя и не намерена исполнять ваши приказания.

— Что ж, тогда я сам позову лифтера.

— Нет. — Она снова вздернула подбородок. Чертовски жаль: он был очень хорошенький. Когда она зашагала к двери справа, я тихо проговорил ей вслед:

— Не пытайтесь подкрасться к нему, стучите каблуками.

Я подошел к левой двери, прижался спиной к стене возле притолоки и пожалел, что нарушил одно из моих собственных правил, установленное несколько лет назад, когда я месяц провалялся в больнице, расследуя убийство: ни в коем случае не ходить на задания безоружным. Когда просто стоишь истуканом, обратившись в слух, какие только мысли не лезут в голову. Например: а что, если Эшби был членом шайки наркоторговцев и держал в шкафах в своем кабинете катушки ниток, начиненные героином, а в понедельник сообщник или сообщники пришли и кокнули его и теперь вернулись, чтобы найти катушки, и вот-вот появятся здесь с товаром? Или, к примеру, какой-нибудь конкурент, знавший, что "Мерсерз-Боббинс" увела у него клиентуру благодаря способностям Эшби, решил положить конец...

Дверь открылась, и оказался человек. Он не видел меня, потому что пятился, будто рак. Мгновение спустя он тихонько прикрыл дверь, но не до конца: я прижал ладонь к поясице незнакомца и толкнул его обратно в приемную, причем толкнул довольно мощно. Человек споткнулся, но сумел удержаться на ногах. Послышался голос Фрэнсис Кокс:

— Ах, это вы!

— Это начинает набивать оскомину, мистер Буш, — усмехнулся я. — Стоит открыться какой-нибудь двери, и за порогом оказывается вы. Кто из двоих больше любит устраивать сюрпризы?

— Грязный предатель! — вскричал Эндрю Буш. — Жаль, что мне не справиться с вами голыми руками. Я это уже выяснил. И с Ниро Вулфом тоже. Чертовски жаль. Мерзкие крысы! — Он пошел к двери, но не к той, что вела во внешний коридор, а к другой, возле которой стояла мисс Кокс.

— Чепуху городите, — ответил я. — Почему мне было знать, кого я толкаю? И вам мы ничего не должны, поскольку работаем на Элму Вассос. — Буш обернулся, и я подошел к нему. — А то, что я здесь с мисс Кокс, неудивительно: ведь кто-то должен был меня вгустить, чтобы я мог осмотреться на месте. Вот зачем я пришел. А вы? В прошлом я, помнится, уже задавал вам такой вопрос.

— Идите вы к черту! По-моему, вы лжец и негодяй.

— Вы не правы, но сейчас я не в силах переубедить вас. Вы, конечно же, что-то искали, и, если нашли, я хотел бы знать, что это такое. Сейчас я вас обыщу. По вашим собственным словам, вы со мной не справитесь, но в этом нет ничего постыдного: я профессионал, а вы — управляющий конторой. Пожалуйста, не двигайтесь.

Я зашел ему за спину и быстро обшарил карманы. Буш не ожидал, что его застукают, значит, не было нужды просить его снять ботинки, но я добросовестно убедился, что при нем нет никаких бумаг и вещей, найденных в кабинете Эшби.

Ничего такого у него не оказалось. Мисс Кокс уже оставила свой пост у двери, подошла и безмолвно наблюдала за нами. Буш стоял, будто каменное изваяние.

Когда я отступил на шаг со словами: "Ладно, похоже, вы ничего не нашли", он побрел к двери, ведущей во внутренний коридор, и скрылся за порогом, не произнеся при этом ни единого слова.

Я огляделся. Похоже, все было в полном порядке. Все ящики картотечных шкафов задвинуты. Контора как контора, только одна стена почти полностью

скрыта этими ящичками. Никакой полированной коряги из окаменевшего дерева на столе не было, вероятно, она все еще в полицейской лаборатории. Я приблизился к двери, через которую вышел Буш, переступил порог, повернул направо, прошел девять шагов, увидел справа дверь, открыл ее и очутился в приемной. Мисс Кокс следовала за мной по пятам. Прямо напротив меня была дверь во внешний коридор, на ней-то и красовалась табличка "Мерсерз-Боббинс". Справа от нее стояли кресла, слева — стеллажи с образцами продукции фирмы. В правом углу размещались письменный стол и коммутатор. В ближайшем к двери кресле, положив ладони на колени, сидел прямой и неподвижный Эндрю Буш.

— Я работаю в этой корпорации, — заявил он. — Я здесь свой, а вы — чужой.

Оспаривать это утверждение я не мог, а посему просто не обратил на него внимания и повернулся к мисс Кокс.

— Это ваш стол?

— Да.

— Где кабинеты Мерсера и Буша?

Она показала мне дорогу, и я отправился в путь.

Если войти в приемную из внешнего коридора, стол и коммутатор будут в дальнем левом углу, а в дальнем правом — дверь во внутренний коридор. Пройдя эту дверь и свернув налево, вы окажетесь в тупичке, в который выходит только одна дверь — дверь кабинета Эшби. Она расположена по левую руку. Если вы пойдете прямо, то очутитесь в более длинном коридоре, который заканчивается окном. В этот коридор выходят двери кабинетов Мерсера (по левую руку) и Буша (чуть дальше по правую руку). Значит, мисс Кокс не лгала: сидя за столом, она не могла видеть ни одной из этих дверей.

Еще одна привычка, которая волей-неволей вырабатывается у сыщика, заключается в том, что он почти бессознательно заглядывает в ящики письменных столов, шкафы и серванты и подчас находит вещи, которых даже не ищет. Не увязись за мной мисс Кокс, я, вероятно, пошарил бы в кабинетах Мерсера, Буша и Эшби. Но я ограничился тем, что начертил грубый план помещения на выданном мне секретаршей листе бумаги, сложил его, сунул в карман и шагнул к креслу, на котором оставил пальто и шляпу.

— Минутку, — сказал Эндрю Буш, вставая. — Теперь я вас обыщу.

— Черт возьми, да неужели?

— Вот именно. Если вы что-то уносите, я хочу знать, что именно.

— Молодчина, — похвалил я его и бросил пальто на кресло. — Предлагаю сделку. Скажите, что вы искали в кабинете Эшби, а я дам вам пощупать себя, если вы обещаете не щекотаться.

— Я и сам не знаю, что искал. Просматривал картотеку. Думал, может, найду какую-нибудь подсказку и пойму, кто его убил. Я на стороне Элмы Вассос. Вы, по вашим словам, тоже, но я думаю, что вы лжете. Ведь вы пришли сюда с ней, — он наставил палец на Фрэнсис Кокс. — А она — тоже лгунья. Она солгала полицейским.

— Вы можете это доказать?

— Нет, но я знаю ее, как облупленную.

— Осторожнее. Она может подать на вас в суд за клевету. Нашли что-нибудь полезное в картотеке Эшби?

— Нет.

— Вы — работник фирмы. Почему же вы попытались удрать в коридор, слышав шаги?

— Я подумал, что это она, и решил отступить, чтобы узнать, что у нее на уме.

— Хорошо. Вы заблуждаетесь насчет нас с Вулфом, но время все расставит по местам. Вам будет легче обыскивать меня, если я подниму руки, — сказал я, поднимая руки над головой. — Но, если мне будет щекотно, наша сделка отменяется.

Действовал он гораздо сноровистее, чем можно было ожидать: не пропустил ни одного кармана, даже пролистал мою записную книжку. Набив руку, Буш мог бы стать неплохим вором-карманником. Наконец, он завершил обыск и, буркнув: "Ладно", — снова опустился в кресло, а я надел пальто и шагнул к двери, где меня ждала мисс Кокс, облаченная в свое пальто с меховым боа. По-видимому, она хотела проводить меня на улицу. С тех пор, как она воскликнула: "Ах, это вы!", — они с Бушем не обменялись ни единым словом, а общение со мной мисс Кокс свела лишь к совершенно необходимым высказываниям.

Я открыл дверь, пропустил мисс Кокс вперед, она вызвала лифт и вдруг, коснувшись пальчиками моего рукава, произнесла:

— Я умираю от жажды.

Я и представить себе не мог, что она способна говорить таким голосом. Вне всякого сомнения, она заигрывала со мной.

— Поладите, — ответил я. — Сперва Буш ни с того, ни с сего превращается в цербера, потом вы — в сирену. Со всех сторон обложили.

— Вас обложит, — молвила она все тем же тоном. — Никакая я не сирена. Просто поняла, что вы за человек. Вернее, каким человеком можете оказаться... Мне стало любопытно. А когда в девушке просыпается любопытство... Я всего лишь сказала, что хочу пить. А вы?

Я коснулся кончиком пальца ее дивного подбородка, приподнял ей голову и взглянул в глаза.

— А у меня дыхание сперло.

В этот миг пришел лифт.

Спустя час и десять минут, сидя в углу гриль-бара Чарли, я пришел к выводу, что выкинул на ветер семь долларов, принадлежавших Ниро Вулфу (включая чаевые). Начала мисс Кокс за здоровье, но не смогла продолжить в том же духе. Едва успев пару раз приложиться к первому бокалу, она спросила:

— Что это за фишка с Энди Бушем? Вы сказали, что уже спрашивали его, зачем он здесь. Где это "здесь"? Я и не знала, что вы встречались прежде.

Когда меня норовит перехитрить знаток своего дела, я не имею ничего против. В конце концов, это хорошая школа. Но сейчас я почувствовал себя оскорбленным. Пока я надеялся извлечь из мисс Кокс что-нибудь полезное, я утолял ее жажду, расплачиваясь деньгами Вулфа и не включая эти траты в издержки, которые войдут в предъявленный клиенту счет. Потом я посадил даму в такси и пошел домой пешком, одаривая свои легкие щедрыми порциями холодного декабрьского воздуха. Когда я преодолел семь ступенек и поднялся на крыльцо, была половина двенадцатого. Вероятно, Вулф уже улегся. Но нет. Из кабинета доносились знакомые голоса и стук моей пишущей машинки. Отправив пальто и шляпу на вешалку, я прошагал по коридору и вступил в святая святых, благо дверь была открыта. Вулф восседал за своим столом, Элма — за моим. Она-то и печатала. В красном кожаном кресле расположился Сол Пензер, а в одном из желтых устроился Фред Дэркин. Я остановился. Никто из собравшихся даже не взглянул на меня. Вулф продолжал вещать:

— ...но, разумеется, чем скорее, тем лучше. Факты должны убедить меня и, с моей помощью, полицию. Что до судьи и присяжных, то их убеждать не обязательно. Звоните примерно раз в час, независимо от того, раздобудете что-нибудь или нет. Может статься, вам придется помочь друг другу. Арчи не будет большую часть

дня, он посодействует мисс Вассос в устройстве похорон и проводит ее отца в последний путь. Обычные ограничения доступа ко мне с девяти до одиннадцати утра и с четырех до шести пополудни отменяются. Звоните, как только будет, о чем сообщить. Я хочу покончить с этим делом как можно скорее. Если потребуются траты, ничего не поделаешь, но это будут мои деньги: счет посылать никому. Помните об этом. Арчи, выдай им по пятьсот долларов.

Открывая сейф и выдвигая ящик с запасом наличных, я подумал, что на словах Вулф демонстрирует куда большую широту души, чем на деле: ведь он все равно спишет эту сумму как издержки и уведет из-под налогообложения. Даже если Сол и Фред промотают все до цента, общие потери Вулфа составят не более двух сотен. Разумеется, надо учесть еще гонорар — десять долларов в час Солу Пензеру, лучшему оперативнику по эту сторону земной атмосферы, и семь с половиной — Фреду Дэркину, который хоть и уступал Солу, но был далеко не середнячком.

Я пересчитал выдавшие виды пятерки, десятки и двадцатки. Сол и Фред уже встали и собрались уходить. Похоже, инструктаж завершился. Вручив им богатство, я сообщил Вулфу, что набросал план конторы "Мерсерз-Боббинс", и предложил парням взять его с собой, но Вулф ответил, что в этом нет нужды. Я сказал, что застал в кабинете Эшби Эндрю Буша, который надеялся отыскать там какое-нибудь указание на личность убийцы, но Вулф заявил, что и эти сведения бесполезны.

Похоже, я мало чем мог им помочь, разве что проводить Сола и Фреда до двери, открыть ее для них и закрыть за ними. Что я и сделал, сопроводив свои действия рядом замечаний, приличествующих беседе старых друзей и собратьев по профессии. Когда я вернулся в кабинет, Вулф встал, но Элма по-прежнему сидела за машинкой. Я вручил ему набросок, Вулф взглянул на листок и вернул его мне.

— Я доволен. Кто тебя впустил?

— Мисс Кокс. Отчитаться, или вы уже мысленно с Солом и Фредом?

— Отчитайся.

Я отчитался. Вулф внимательно слушал, но, когда я умолк, только кивнул. А потом сообщил мне, что мисс Вассос перепечатывает состоявшийся между ними разговор, пожелал нам спокойной ночи и отправился к своему лифту. Элма сказала, что почти закончила, и спросила, не желаю ли я прочитать. Я взял бумаги и сел в красное кожаное кресло.

Четыре листа через два интервала, с полями, совсем не похожими на те, которые обычно оставляю я. Очень аккуратный текст, ни забивок, ни подтирок. А содержание было целиком посвящено ее отцу, точнее, тому, что отец говорил Элме о своих клиентах в "Мерсерз-Боббинс" и о Фрэнсис Кокс, которая клиенткой не была. Судя по всему, Пит щедро делился с дочерью и сведениями, и своими суждениями.

Дэниз Эшби. Для Пита он был не более чем стабильным источником средств — доллар и двадцать пять центов в неделю. Когда Элма сообщила отцу, что именно Эшби вытащил фирму из ямы, Пит ответил: может, ему просто повезло. Я уже упоминал о его реакции на слова Элмы о том, что Эшби пригласил ее на обед и в театр. Могу добавить, что Вассос ответил ей: если попадешь в передрагю с этим Эшби, ты мне больше не дочь.

Джон Мерсер. Не такой преданный клиент Вассоса, как Эшби: ведь он проводил часть рабочего дня на фабрике в Нью-Джерси. Но Пит отзывался о нем восторженно. Джентльмен и истинный американец. По словам Элмы, отец был очень благодарен Мерсеру за то, что он дал ей хорошую работу по просьбе Пита.

Эндрю Буш. Мнение Пита о нем менялось каждую неделю. До того, как Элма стала работать в фирме... Впрочем, какой смысл читать отзыв отца Элмы о человеке, который не далее как вчера просил ее руки? Такое предположение неизбежно влияет на даваемую девушкой оценку. Вероятно, она написала в своем отчете правду, но можно лишь гадать, о чем она молчала.

Филип Горан. О нем ничего. Элма подтвердила его слова. Пит никогда не чистил Горану обувь и, вероятно, ни разу не встречался с ним.

Фрэнсис Кокс. Мне показалось, что Элма старается по возможности смягчать выражения, но все равно характеристика получилась убийственная. Судя по отчету, мисс Кокс была зазнайкой и волокитой в юбке. По-видимому, общаясь с Вассосом, она никогда не превращалась в сирену.

— Не знаю, зачем нужны эти бумажки, — сказала Элма, когда мы складывали оба экземпляра. — Мистер Вулф задал мне тысячу вопросов об отце и его мнении об этих людях.

— Ума не приложу, зачем, — ответил я. — Я — всего лишь наемный работник. Если меня осенит во сне, утром просвещу вас.

В пятницу пополудни, в половине четвертого, когда Сол Пензер выяснял, какую надпись Пит Вассос вывел на камне пальцем, смоченным собственной кровью, я стоял на тротуаре перед греческой православной церковью на Сидар-стрит и готовился сесть во взятый напрокат лимузин вместе с Элмой и тремя ее подругами. Перед нами стоял катафалк с гробом. Вскоре мы последуем за ним на кладбище, расположенное где-то на окраине Бруклина. Я предложил Элме ответить ее туда в седане, зарегистрированном на имя Вулфа, но на деле принадлежавшем мне. Однако Элма пожелала ехать на черном лимузине. Я спросил Элму, нужна ли ей стопка долларов, которую мы хранили в сейфе, но она ответила, что в состоянии оплатить погребение отца. По-видимому, у нее были какие-то сбережения.

Будь это свадьба, а не похороны, я и тогда не испытывал бы радости: еще бы, Сол и Фред где-то занимались не ведомым мне делом, а я убивал день, сопровождая и обслуживая девушку, к которой не испытывал ни личного, ни профессионального интереса. Но, когда в половине восьмого утра я поднялся в спальню Вулфа, чтобы получить указания, он заявил мне, что отпускать Элму без присмотра опасно. Будь моя воля, я бы отправил с Элмой оперативника, а сам остался бы дежурить в конторе. Вулф прекрасно знал, что я хотел бы поработать с Солом и Фредом, а я прекрасно знал, что он не стал бы выкидывать семнадцать с половиной долларов в час плюс издержки, если бы не был уверен, что эти траты не напрасны. Но нам уже не раз доводилось препираться по сходным поводам, и я не видел смысла ввязываться в очередной спор, тем более что Вулф вкушал свой завтрак... Поэтому я провел день, исполняя обязанности телохранителя. А то, что хранимое мною тело весило сто десять фунтов и принадлежало миловидной девушке с печальным личиком, мало утешало меня. Я ничего не имею против сострадания, но лишь когда мои мозги отдыхают, а сейчас они были заняты делом. Мысленно я был с Солом и Фредом, и это само по себе очень раздражало меня, поскольку я не знал, где они. Не сомневаюсь, что подруги Элмы сочли меня холодным и бесчувственным, как рыба.

Когда мы, наконец, вернулись на Манхэттен, доставив подруг Элмы по домам, шел уже седьмой час вечера. Элма расплатилась с водителем лимузина. Поднявшись вместе с ней на крыльцо и увидев, что дверь не заперта на цепочку, я понял, что у нас, по крайней мере, ничего не взорвалось. Но, войдя, я увидел, что к нам кое-кто ворвался.

На вешалке в прихожей висели знакомые предметы одежды: коричневая шерстяная кепка, серая шляпа, синяя шляпа и три пальто. Принимая пальто у Элмы, я сказал ей:

— Поднимитесь к себе и прилягте. В кабинете посетители. Инспектор Крамер, Сол Пензер и Фред Дэркин.

— Но что... зачем они...

— Это ведомо только Господу и, возможно, мистеру Вулфу. Вам обо всем расскажут. Если вы желаете...

Я умолк, перехватив ее взгляд. Элма смотрела на входную дверь. На крыльце стоял Джон Мерсер, готовый надавить на кнопку звонка, за его спиной маячили Филип Горан и Фрэнсис Кокс. Я велел Элме скрыться из виду и открыл дверь, только когда она поднялась наверх.

Итак, Вулф считал дело раскрытым. Впуская посетителей, помогая им раздеться и провожая в кабинет, я гадал, до чего додумался Великий Человек. Не раз я наблюдал, как он шел ва-банк, имея в своем распоряжении лишь ничтожную зацепку, рискуя подчас крупными гонорарами, не беря задатка, тратя свои собственные средства. Что ж, он был вполне способен поставить на карту все, не имея даже ничтожной зацепки.

Вулф знал, что я вернулся: когда раздался звонок, из кабинета выглянул Сол и увидел, как я впускаю гостей. Мне захотелось отправиться на кухню и посидеть там над стаканом молока. Я мог бы присоединиться к остальным, но лишь в качестве зрителя. А ну как предствление окажется провальным? Но, пока я размышлял, на крыльцо поднялся еще один гость — Эндрю Буш. Я открыл дверь, прежде чем он успел нажать кнопку звонка.

Поскольку и я, и, кажется, Вулф тоже вычеркнули его из списка подозреваемых, приход Буша мог означать только одно: сегодня будут раскрыты все карты. Или победа, или поражение, ничего другого. Поэтому я провел Буша в кабинет и вошел туда сам. И увидел, что вся труппа в сборе. Джоан Эшби сидела на кушетке слева от моего стола, накинув на плечи норковое манто, за которое, надо полагать, еще не успела расплатиться. Крамер угнезвился в красном кожаном кресле. Сол и Фред стояли в углу возле здоровенного глобуса. Мерсер, Горан и мисс Кокс рядом сидели в желтых креслах лицом к столу Вулфа. Одно кресло оставалось свободным и предназначалось Бушу. Когда я занимал свое место, Вулф выговорил Бушу за опоздание, и Буш промямлил что-то в ответ. Я сел, и Крамер заявил, что настаивает на присутствии Элмы Вассос.

Вулф покачал головой.

— Вы здесь по доброй воле, мистер Крамер, и можете либо сидеть и слушать, либо встать и уйти, как мы и условились. Я уже говорил вам по телефону: вы не имеете права вмешиваться как должностное лицо, поскольку расследование насильственной смерти, к которой причастны эти люди, закончено. Точнее, вы закрыли дело. Вторая насильственная смерть — вне вашей юрисдикции. Вы согласились слушать или уйти. Желаете покинуть нас?

— Начинайте, — прорычал Крамер. — Но Элме Вассос следовало бы быть здесь.

— Она неподалеку, если понадобится, пригласим. — Вулф отвернулся от Крамера. — Мистер Мерсер, я говорил вам по телефону, что, если вы приведете мисс Кокс и мистера Горана, мы, вероятно, сможем достигнуть взаимопонимания в вопросе об исках, поданных мисс Вассос. Присутствие миссис Эшби и мистера Буша тоже показало мне желательным, и я попросил их прийти. Сейчас я на гораздо более твердой почве, чем был вчера. Тогда я знал лишь, что мистер Вассос не убивал мистера Эшби. Теперь мне известно, кто его убил. Я буду краток...

— С этой минуты я здесь как должностное лицо! — встрял Крамер. — Вы утверждаете, что можете назвать имя убийцы! Откуда вы знаете, что Вассос не убивал Эшби?

Вулф вперил в него испепеляющий взор.

— Вы дали мне слово. Слушайте или уходите.

— Я выслушаю ваш ответ на мой вопрос!

— Я как раз и собирался его дать. — Вулф повернулся к остальным гостям. — Итак, я кратко расскажу вам, как мне открылась истина. В четверг вечером мисс Вассос пришла ко мне, чтобы воспользоваться моими услугами. Она сказала, что кто-то оболгал ее в полиции, убедив служителей закона в том, что Эшби соблазнил ее, а Питер Вассос узнал об этом, убил Эшби и покончил с собой. Она сказала, что все это — неправда, что, по словам ее отца, я — величайший человек на свете, что она хочет нанять меня для выяснения и доказательства истины, а в качестве гонорара отдает мне все долларовые бумажки, которыми я более трех лет расплачивался с ее отцом за чистку моих ботинок. Общим счетом это около пятисот долларов.

Вулф поднял руку и перевернул ее ладонью вверх.

— Ну что ж. Если она действительно дурно вела себя, и если в результате ее отец совершил убийство и самоубийство, что могло заставить мисс Вассос прийти ко мне — величайшему человеку на свете, по мнению ее отца, а следовательно, к человеку, которого не обведешь вокруг пальца? Что могло заставить мисс Вассос предложить мне значительную, по ее меркам, сумму денег за установление истины? Это было нелепо. И я поверил мисс Вассос. — Вулф перевернул ладонь. — Не буду делать вид, что меня побудили к действию долларовые бумажки, мелкие затруднения мисс Вассос или приверженность истине и справедливости. Мною руководило раздражение. В понедельник, за день до прихода мисс Вассос, мистер Крамер заявил мне, что я способен прикрыть убийцу, лишь бы не возиться и не искать нового чистильщика обуви. А в среду он сказал мистеру Гудвину, что я обманут шлюхой, и выгнал мистера Гудвина из своего кабинета. Вот почему...

— Я его не выгонял!

Вулф не обратил на него внимания.

— Вот почему мистер Крамер здесь. Я мог бы попросить районного прокурора прислать кого-нибудь, но предпочел мистера Крамера собственной персоной.

— Я здесь, и я вас слушаю, — прошипел Крамер.

Вулф повернулся к нему.

— Да, сэр. Не буду упоминать об исках, поданных мисс Вассос по моему совету. Это был лишь прием, способ установить контакт. Я должен был встретиться с этими людьми. Я уже догадывался, кто убийца. Вы тоже.

— Если вы имеете в виду не Вассоса, то вы не правы. Я не догадывался.

— Не могли не догадываться. Я выдал вам все факты. Ну, скажем, добрую половину. Это сделал мистер Гудвин, когда передал слово в слово мой разговор с мистером Вассосом в понедельник утром. Мистер Вассос сказал, что кого-то видел. Кроме того, вечером он заявил дочери, что есть факты, о которых он умолчал в беседах со мной и полицейскими, что утром намерен прийти ко мне, все рассказать и спросить, как ему быть. Но дочери он не открылся. По-моему, все это — весьма прозрачные намеки.

— Намеки на что?

— На то, что он знал, или думал, будто знает, кто убил Эшби. Мы можем лишь гадать, где и когда мистер Вассос видел этого "кого-то", но, весьма вероятно, он заметил человека, выходящего из кабинета Эшби. Не входящего туда, ибо график из-

вестен вам не хуже, чем мне, если не лучше, а именно выходящего, причем в то самое время, когда Эшби покинул кабинет через окно. И это был человек, которого Вассос не хотел выдавать, которым он восхищался, которого уважал, которому был чем-то обязан. Тут у меня есть перед вами преимущество, мистер Крамер. Мы с мистером Вассосом взяли за правило обсуждать историю Древней Греции и ее деятелей, и я сумел понять образ мысли мистера Вассоса. Он считал насилие и даже жестокость извинительными изъятиями, но ненавидел неблагодарность и неверность. И это помогло мне сделать выводы. — Вулф покачал в воздухе пальцем. — Итак, человек — назовем его Икс, — которого мистер Вассос видел при компрометирующих обстоятельствах, когда-то завоевал симпатии мистера Вассоса, его уважение, благодарность и преданность. — Вулф отвернулся от Крамера и оглядел остальных. — Это был кто-то из вас? Вот что я пытался выяснить вчера вечером в беседе с мисс Вассос. Нам нет нужды долго судить да рядить. Только один из вас соответствует вышеприведенной характеристике. Это вы, мистер Мерсер. Вы подходите идеально. Мистер Вассос был благодарен вам за то, что вы взяли на работу его дочь. Через какую дверь вы выходили из кабинета Эшби, когда мистер Вассос заметил вас? Через дверь во внешний коридор или через другую?

— Ни через какую. — Вулф бросил вызов, и Мерсер приготовился к бою. — Уж не намекаете ли вы, что это я убил Дэниза Эшби?

— Еще как намекаю. — Вулф повернулся к Крамеру. — Не так уж важно, какой дверью он воспользовался, но я думаю, что внутренней, это более вероятно. Разумеется, вы знакомы с планировкой конторы. Если бы мистер Мерсер, убив Эшби, ушел через дверь во внешний коридор, он был бы вынужден возвращаться через приемную, где его мог увидеть кто угодно, в том числе и мисс Кокс. Уходя через внутреннюю дверь, он, вероятно, никого бы не встретил. И его видел только мистер Вассос, который вошел в приемную. Мисс Кокс еще, помнится, кивнула ему.

— Пока вы сказали чертовски мало, — прорычал Крамер. — Я вас слушаю.

Вулф кивнул.

— Я считал себя обязанным объяснить, что именно привлекло мое внимание к мистеру Мерсеру. Вчера вечером, поговорив с мисс Вассос, я пригласил Сола Пензера и Фреда Дэркина, с которыми вы знакомы. Мистер Гудвин сегодня был занят. Существовала вероятность, что мистер Мерсер — не единственный возможный кандидат, что был кто-то еще, в том же здании, но в другом кабинете. Кто-то, кого мистеру Вассосу не хотелось выдавать, кто-то, имевший мотив для убийства Эшби. Задачей мистера Дэркина было...

— А что, у Мерсера был мотив?

— К этому я еще подойду. Черт возьми, да не перебивайте вы меня! Задачей мистера Дэркина было изучить такую вероятность, и он потратил на это весь день. Бесспорный отрицательный результат, разумеется, был недостижим, но мистер Дэркин не нашел ни одного человека, отвечавшего вышеупомянутой характеристике, зато раздобыл кое-какие красноречивые сведения. На шестом этаже того же здания расположено правление другой фирмы, главного конкурента "Мерсерз-Боббинс". Ее президент сообщил мистеру Дэркину, что гибель Эшби стала для него ударом, поскольку он вел с Эшби переговоры о переходе последнего на работу в эту фирму, и они уже почти пришли к соглашению. Конечно, конкурент способен вынудить вас пойти на убийство, но президент этой фирмы не преступник, хотя бы потому, что мистер Вассос никогда не чистил ему обувь. Его услугами пользовались лишь двое сотрудников той фирмы, но ни одному из них мистер Вассос не был ни обязан, ни признателен, ни предан. — Вулф вздохнул и вперил взор в Крамера. — Прежде, чем поведать о действиях мистера Пензера, разберемся с мисс Вассос. Сведения о

ней вы черпали из трех источников и, возможно, проверили бы их на надежность, если бы мистер Вассос погиб в подведомственном вам районе. Тем не менее, вам можно предъявить обвинение в пренебрежении служебными обязанностями. Мистер Мерсер и мисс Кокс сослались на Эшби, а он был мертв. Так, может быть, они лгали? Причина, по которой мог солгать Мерсер, очевидна: ведь это он убил Эшби и мистера Вассоса. Что до мисс Кокс, то Эшби мог из хвастовства наврать ей, что поймал жар-птицу, которая в действительности упорхнула от него. Или она — рожденная лгунья. Или... Черт возьми, она — женщина. Расспросите ее сами на до-суге. Что касается...

— Я и сейчас ему верю, — громогласно возвестила мисс Кокс.

Вулф даже не взглянул на нее.

— Что касается мистера Горана, то, как вам известно, он мечтал занять место Эшби. Он отказался назвать источник своей осведомленности. Мистер Горан либо лгал, либо был введен в заблуждение. Сейчас это несущественно. Перехожу к тому, что действительно важно. Сол!

Сол Пензер поднялся со стула и встал за спиной Мерсера лицом к Крамеру. Выглядел Сол невзрачно и вполне заурядно, но люди, которым доводилось иметь с ним дело, знали, что наружность его обманчива, и Крамер был одним из таких людей.

— Мне было поручено выяснить, чем занимался Джон Мерсер в понедельник вечером, — начал Сол. — По версии мистера Вулфа, Мерсер знал, что Вассос видел его утром выходящим из кабинета Эшби. Мерсер позвонил Вассосу и назначил встречу. Встреча состоялась, и Мерсер отвез Вассоса через реку в Джерси, в известное ему укромное местечко. Он чем-то ударил Вассоса, оглушил или убил его и сбросил с обрыва. Такая была версия, и...

— К чертям вашу версию! — прошипел Крамер. — Что вы узнали?

— Мне повезло. Я не мог начинать расследование с Мерсера. К примеру, с гаража, в котором он держал свою машину. У меня не было там связей. Поэтому я отправился на Грэм-стрит и начал расспрашивать, не видел ли кто, как Вассос выходил из дома в понедельник вечером. Знаете, как оно бывает, инспектор, можно копать неделю и ничего не нарыть, но мне повезло. Не прошло и часа, как я все разузнал. Мистер Вулф не велел мне сразу выкладывать подробности, поскольку Мерсер присутствует здесь и слышит меня, но я раздобыл имена и адреса троих людей, которые видели, как без нескольких минут девять в понедельник вечером Вассос садился в машину на перекрестке Грэм-стрит и авеню А. В машине был только водитель, и свидетели могут дать его описание. Затем я...

— Вы сами-то давали им описание Мерсера?

— Нет. Я не вчера родился, инспектор. Затем я убил час, пытаюсь отыскать эту машину на нашем берегу реки. Потом сел за баранку и отправился в Джерси, где потратил на поиски машины еще два часа. Я разыскал знакомого легавого из полиции штата, и он поехал вместе со мной к тому обрыву. Побродив по верхушке и не найдя ничего полезного, что и неудивительно, ведь прошла ночь, — мы спустились по склону к месту, где было обнаружено тело Вассоса. Там тоже все уже обшарили, да не очень дотошно. Во всяком случае, мы нашли одну улику, которую заметил бы даже бойскаут. Вассос был жив, когда Мерсер столкнул его со скалы. Он умер только внизу, а перед смертью окунул палец в собственную кровь и вывел на камне: "MERC..." Надпись была смазанная, и ее залило кровью, но полиция была обязана заметить ее. Эта надпись и поныне там, и теперь ее охраняют. Тот парень из полиции штата — добросовестный легавый, так что надпись никуда не денется. Я

нашел телефон, позвонил мистеру Вулфу, и он велел мне прибыть сюда. Разумеется, я уже сообщил ему все, что разузнал на Грэм-стрит.

Крамер подался вперед.

— Вы спускались вниз вместе с тем полицейским? — спросил он.

Сол усмехнулся. Улыбка его настолько же тепла, насколько сам он крут. Благодаря ей он стал лучшим из всех знакомых мне игроков в покер.

— Думаете, я сам намалевал эту надпись? Кровью, которая запеклась четверо суток назад? Интересно, как мне это удалось? Продырявил себе ляжку и вывел буквы свеженькой кровушкой? Да и группы могли не совпасть.

— Мне нужны имена и адреса тех троих свидетелей. — Крамер встал. — И я хочу воспользоваться телефоном.

— Нет! — сердито выпалил Вулф. — Сначала возьмите под стражу мистера Мерсера. Посмотрите на него. Если позволить ему уйти, он Бог знает, чего натворит. Кроме того, я еще не закончил. Нынче пополудни, получив отчет мистера Дэркина, я позвонил миссис Эшби. — Он взглянул на Джоан. — Не согласитесь ли вы сообщить мистеру Крамеру то, что рассказали мне?

Я не стал оборачиваться и смотреть на нее. Для этого пришлось бы выпустить из поля зрения Мерсера. Но я прекрасно слышал ее голос.

— Я сказала вам, что мой муж никак не мог решить, увольняться из "Мерсерз-Боббинс" или нет. Он заявил мистеру Мерсеру, что останется, если получит пятьдесят один процент акций, а нет — так уйдет в другую фирму. На прошлой неделе муж потребовал, чтобы к концу месяца Мерсер дал ему ответ.

— Мне он говорил то же самое, — голосисто произнесла Фрэнсис Кокс. — И еще сказал, что хочет взять меня с собой, если уволится. Я с самого начала подозревала, что его убил мистер Мерсер, но помалкивала, потому что у меня не было веских...

Мерсер прервал ее речь. Он хотел сделать это, вцепившись ей в горло скрюченными пальцами, но не сумел: Сол был начеку. И все же, несмотря на возраст, Мерсер оказался достаточно проворен и силен, чтобы затеять нешуточную возню. Крамер бросился на него, Джоан Эшби вскрикнула, Горан вскочил, опрокинув кресло. И, разумеется, я тоже подоспел.

Впервые в жизни я увидел человека с пеной у рта. И не хотел бы еще раз стать свидетелем такого зрелища. Струйка пены, которая потекла с губ Мерсера, когда Сол схватил его зади, была того же цвета, что и его волосы.

— Ладно, Пензер, я его возьму, — услышался голос Крамера.

Я огляделся и заметил, что одного гостя не хватает. Эндрю Буш исчез. Он не знал, где комната Элмы, и вполне мог вломиться в спальню Вулфа, поэтому я торопливо поднялся наверх.

Добравшись до лестничной площадки второго этажа, я увидел, что дверь в спальню Вулфа закрыта, и пошел дальше. На третьем этаже дверь южной комнаты была распахнута настежь. Я остановился на пороге. Элма была у окна и видела меня, но Буш стоял спиной. Стоял и говорил:

— ...значит, все позади, все в порядке. Этот Ниро Вулф — и впрямь величайший человек на свете. Я вас уже спрашивал, пойдете ли вы за меня замуж, и не буду сейчас повторять этот вопрос, но хочу сказать...

Я развернулся и шагнул к лестнице. Может, Буш — действительно неплохой управляющий конторой, но вот рекламное дело ему предстоит осваивать с азав. Этот дурачок объяснялся в любви, стоя в десяти футах от девушки. Ну разве так можно?

Перевод с английского **Игоря ТОЛМАЧЕВА.**

www.pencilart.com.ua/Александр Остроменський

Классический вариант

Глава четвертая. Кто он, какой он?

— Рита, возьми трубку, — тихо проговорила коллега — напарница по телефону. — Это тебя, оказывается.

Удивление было закономерным: после пяти часов вечера деловых звонков почти не бывает, а личные Рита предпочитала вести по своему мобильнику. Еще лучше, конечно, по домашнему телефону, чтобы не посвящать посторонних людей в подробности своей частной жизни.

— Слушаю, Азарова, — подчеркнуто сухо отозвалась она.

— Маргарита, здравствуйте, — раздался в трубке незнакомый, немного застенчивый голос. — Это Вадим. Мы познакомились с вами в санатории.

— Здравствуйте, Вадим... Простите, запаматовала отчество.

В трубке раздался короткий смешок.

— Не уверен, что вы его знали. Простите, что звоню вам на работу, но я как-то упустил возможность взять ваши домашние координаты там. Вы не сердитесь?

— Не сержусь, — сухо ответила Маргарита. — Думаю, что понадобилась вам все-таки по делу.

— В том числе, — огоршил ее Вадим. — Во-первых, я и несколько моих коллег хотим стать клиентами вашего агентства. Мне очень понравился сервис, а нам приходится много ездить по всему миру.

— Я не заключаю договоры. Этим занимаются другие люди. Могу дать их координаты.

— Обязательно. Но есть еще и во-вторых. Я хотел бы снова выпить с вами кофе.

— В Друскининкае? — съехидничала Маргарита.

— Это было бы идеально. Но боюсь, пока нереально. Одно из столичных кафе вас не устроит?

— Какое именно?

— На ваш вкус. Я его еще не знаю.

— Я не очень хорошо ориентируюсь в столичных кофейнях, — осторожно среагировала Рита. — Давайте уж лучше рассматривать варианты по географическому признаку.

— Это в зависимости от близости к работе или к дому? У меня машина, вы не забыли?

Забыла, конечно. Она и его, если честно, почти забыла. То есть вспоминала как неотъемлемую часть трех прекрасных дней в дивном маленьком городе.

— Не забыла, — соврала Рита. — Предлагайте вариант. Только не сегодня. Не ожидала вашего звонка и не смогу поменять планы.

— Я и не рассчитывал на сегодняшний вечер. А завтра? Где вам удобнее сесть ко мне в машину: возле вашей работы или возле дома?

— Я живу очень далеко, так что второй вариант, по-моему, хуже. Пока доберусь с работы до дома...

Окончание. Начало в № 11-2005 г.

— Вы работаете на Проспекте Мира, правильно?

— Да.

— А я тружусь возле метро "Рижская". Так что давайте буду ждать вас возле вашего офиса... Во сколько вам удобно?

— Если не произойдет форс-мажорных обстоятельств, минут десять седьмого.

— А если произойдут?

— Тогда могу застрять и до десяти вечера. Разве с вашей работой такое невозможно?

— Бывает, конечно, но крайне редко. Юридические проблемы несколько отличаются от медицинских.

— Это верно.

— Так мы договорились?

— Договорились, — неожиданно для самой себя ответила Рита, хотя еще секунду назад подыскивала благовидный предлог для отказа.

— А выбор кафе вы доверяете мне?

— Полностью.

— Тогда остается только попрощаться до завтра и не отвлекать вас больше от работы. А с вашими коллегами я на днях свяжусь, спасибо за координаты.

— Не за что, — совершенно искренне ответила Рита. — До завтра.

Судьба на следующий день была благосклонна к Маргарите: начальство отбыло на какие-то важные переговоры, поэтому половина возможных заморочек исключалась, а клиенты проявили удивительную деликатность и не стали подсовывать неразрешимых проблем к концу рабочего дня. Так что четверть седьмого Рита вышла из дверей офиса и... остолбенела.

Такого букета она в жизни своей не видела. То есть видела — на витринах дорогих цветочных магазинов или по телевизору, но ей в голову не приходило, что кто-то может поднести это великолепие лично ей. Букет держал безукоризненно одетый в светлый летний костюм мужчина, лишь смутно напоминавший того скромного, спортивного вида мужчину, с которым она пила кофе в далекой уже Литве.

Невероятно, но он был просто хорош собой. Такие брюнеты обычно рекламируют какие-нибудь сногшибательные дезодоранты или дорогие сорта кофе. Иногда подобные типы мелькают в рекламах крупных банков, но крайне редко, поскольку их внешний вид не вызывает у потенциальных клиентов желания немедленно сделать крупный вклад или взять кредит, а вызывает совсем иные желания...

— Вы сегодня ослепительны, — произнес смутно знакомый голос. — В Друскининкае вы выглядели как-то по-иному. Я даже немного растерялся.

— Хуже или лучше? — кокетливо спросила Рита, забирая букет и одновременно протягивая руку для поцелуя.

— Лучше по-другому, — ответил Вадим. — Нужно было пригласить вас в ресторан, а не в кафешку. Или еще не поздно поменять планы?

— А зачем? Я с удовольствием выпью чашечку хорошего кофе. А ресторан... Сегодня я уже обедала.

— Тогда прошу. — Вадим распахнул перед ней дверцу белой иномарки. — Действительно, ресторан от нас никуда не убежит. А сейчас мы просто поедем в одно прелестное местечко тут, неподалеку, и постараемся расслабиться.

Ехать действительно пришлось недалеко — по Проспекту Мира через Садовое кольцо, а там, совершив сложный маневр, Вадим зарулил в тихий переулок с односторонним движением, а затем в ухоженный дворик, куда выходила дверь с вывеской "Кофейня", а под навесом, увитым живой зеленью, стояло несколько столиков, причем занят был только один.

— Вы предпочитаете свежий воздух, или пойдем в помещение? — галантно поинтересовался Вадим.

— Конечно, свежий воздух, — не задумываясь, ответила Рита. — А с букетом ничего не будет, если я его оставлю в машине?

— Не знаю, — улыбнулся Вадим, — но мы попросим, чтобы за ним присмотрели. И действительно, официантка, по его просьбе, раздобыла где-то огромную стеклянную банку и бережно поставила в нее букет. На столе он, правда, не поместился, его водрузили на соседний, пока еще пустой, столик, но свою нотку изысканности в этот вечер он, безусловно, вносил.

Кофе был выше всяких похвал, когда Маргарита закурила, это не вызвало ни малейшего облачка на челе у ее спутника, разговор выстраивался легко и непринужденно, почти не касаясь личных тем, но... Но позже, вспоминая этот тихий, замечательный вечер, Маргарита поняла, что Вадим, в принципе, узнал о ней почти все, что хотел, мастерски задавая совершенно невинные с виду вопросы.

— Вы предпочитаете активный отдых или пассивный? — поинтересовался он. — Кстати, здесь подают чудный ликер, рекомендую попробовать. С кофе — это нечто божественное.

— Я не совсем поняла ваш вопрос, — слегка нахмурилась Маргарита. — Если активный отдых — это туризм, байдарки и горные лыжи...

— Боже упаси! — расхохотался Вадим. — Одного раза с меня вполне достаточно. Просто я хотел узнать, предпочитаете вы танцевать сами или смотреть, как это делают другие?

— Вы имеете в виду балет? — уточнила Рита. — Кстати, от рюмочки ликера я бы не отказалась, давно не позволяла себе такого удовольствия.

— Да. Вы любите балет?

— Обожаю! — искренне ответила Маргарита. — Но ненавижу те унижения, с которыми связано добывание билетов.

— О, это не проблема! Если я приглашу вас в субботу на "Жизель", то...

— То я с благодарностью приму приглашение. Знаете, ликер действительно великолепен. Жаль, что вы за рулем.

— У меня дома есть такой же. Так что не волнуйтесь, я себя не обделяю.

— И вы сами варите кофе?

— Это, пожалуй, единственное, что я хорошо умею делать, — усмехнулся Вадим. — На последний день рождения мне подарили потрясающую кофеварку.

Тут уж расхохоталась Маргарита.

— Можно подумать, вы не пользуетесь кухонной техникой? — притворно обиделся Вадим.

— Почему же, пользуюсь. У меня есть микроволновка, этого вполне достаточно. К гурманам я не отношусь.

— Вы не готовите?

— Готовлю — по настроению. Иногда хочется просто отварной картошки с соевым огурчиком или рассыпчатой гречневой каши. Но чаще всего я так устаю на работе, что покупаю по дороге домой что-нибудь. Сдвинутая я, пожалуй, только на чае, вот его-то я, как раз, прекрасно умею заваривать.

— Редкое, между прочим, достоинство, — улыбнулся Вадим. — Многие считают, что достаточно просто не жалеть заварки.

— Смотря какой заварки. Я люблю черный чай с бергамотом и зеленый — с жасмином.

— Странный коктейль.

— Вовсе нет. Черный бодрит, его хорошо пить, когда нужно согреться и прийти в себя. Зеленый — расслабляет и умиротворяет, чашечку такого чая можно взять с собой в ванную.

— И закурить там сигаретку для полного счастья...

Маргарита мгновенно насторожилась.

— Да, именно так. Я вас разочаровала?

— Чем?

— Насколько я поняла, вы не курите.

— При случае и за компанию могу. Но отношусь к этому спокойно.

— И к курящим около вас тоже?

— Ах, вот что вас волнует! Ну, это мелочи, вокруг меня курят почти все, мне это, право, безразлично. Зато не переношу запаха дешевого одеколona или японских духов...

— Одних из самых дорогих, кстати.

— Дело не в цене. Дело в том, что некоторые запахи у меня просто вызывают головную боль. Угодить мне довольно трудно, поэтому свой лосьон я не меняю уже Бог знает сколько лет.

— Все пытаюсь вспомнить, как он называется. Вертится в голове, а на язык не идет.

— "Драккар нуар", — усмехнулся Вадим. — И перестаньте ломать вашу прелестную головку над пустяками. Надо было спросить меня еще при первой встрече и...

Он внезапно замолчал.

— И что? — затретила его Маргарита.

— Нет, вы все правильно сделали. А то узнали бы название лосьона и выкинули бы меня из головы вместе с ним. А так все-таки зацепка. Хотите, угадаю, о чем вы думаете?

— Попробуйте, — улыбнулась Маргарита.

— Вы думаете о том, что я не вполне современен и стараюсь ухаживать за женщиной по старинке.

— Вы почти угадали, — натянуто улыбнулась Рита. — Только тональность не совсем та. Я думала о том, как это приятно, когда ухаживают по старинке.

— Что ж, значит, у нас появляется еще больше шансов найти общий язык...

При второй встрече Рита поняла, что Вадим, несмотря на свою внешнюю сдержанность и легкую ироничность, безумно в нее влюблен. Именно "безумно" — как сто лет назад, когда мужчины из-за любви стрелялись, а барышни принимали яд. Второй букет был еще роскошнее первого, а взгляды, легкое прикосновение руки, начатые и незаконченные фразы...

Любая, даже не слишком умная, женщина поняла бы все эти знаки совершенно правильно, а Маргарита к числу глупых женщин никогда не относилась, скорее, наоборот, что, кстати, не слишком облегчало ей жизнь.

Кроме того, проводы на край Москвы и прощание возле подъезда, при котором дело ограничивалось нежным поцелуем руки, тоже кое о чем свидетельствовали. Равно как и то, что звонил Вадим ежедневно, точнее, ежевечерне, и разговоры были не менее занимательны, чем личные встречи.

Очередное свидание они назначили на субботнее утро, которое синоптики обещали теплым и безветренным, переходящим в не слишком жаркий день. И провели его первую часть на... речном трамвайчике, причем оба получили от этого истинное удовольствие, равно как и от мороженого, съеденного в баре на нижней, закрытой палубе. После этого идти в какое-то общественное место не хотелось.

— Я бы пригласила вас пообедать у меня, — смущенно начала Рита, — но я уже говорила: кулинарка из меня никакая. Боюсь упасть в ваших глазах ниже допустимого предела.

— Из этого положения есть выход, — улыбнулся Вадим. — По дороге к вам мы заезжаем в какой-нибудь магазин, покупаем полуфабрикаты, которые нужно только разогреть, и вы покажете мне свою знаменитую микроволновку в действии. И перестаньте комплексовать: если бы я делал из еды культ, то встречался бы с шеф-поваром какого-нибудь изысканного ресторана.

— Не верю, — кокетливо покачала головой Маргарита. — Вы не настолько циничны.

— Боюсь, что вы даже не представляете себе всю степень моего цинизма, — приторно вздохнул Вадим. — Юристы — самая циничная и беспринципная профессия в мире. После страховых агентов.

Обед, сооруженный из купленных деликатесов, прошел замечательно, а после кофе... После кофе случилось то, что неизбежно должно было случиться между мужчиной и женщиной, которых тянуло друг к другу фактически с первой встречи. Конечно, Риту слегка царпануло то, что перед решающим моментом заветные слова "Я тебя люблю" так и не были произнесены, но...

Но, в конце концов, нельзя иметь все сразу. Поступки, взгляды и, главное, то блаженство, которое она испытала в его объятиях, сами по себе дорогого стоили. А слова... Слова еще будут. Со временем. Тем более, что у Риты не закралось и тени сомнения относительно истинного чувства к ней Вадима.

Кроме того, ей казалось, что она пока еще полностью держит ситуацию под контролем. Интуиция подсказывала ей, что чем меньше она будет выражать стремления "выяснить отношения до конца", тем скорее и вернее они сами собой прояснятся.

Следующий день был выходной, поэтому они не отказали себе в удовольствии подольше поспать. Мимходом Рита отметила про себя, что определенное совпадение в их ритме жизни имеется, а это не могло не радовать. Только вот в будни...

— Неужели ты каждое утро по полтора часа добираться отсюда на работу? — словно бы прочел ее мысли Вадим. — Это же пытка!

— Ну, во-первых, я привыкла, а во-вторых, выбора все равно нет. В этой деревне я подходящей работы не найду, а если найду, то в другие районы уж точно никогда не выберусь.

— А если купить машину?

— Лучше сразу повеситься, — мрачно отозвалась Рита. — Тогда я буду тратить на дорогу не полтора часа, а два с половиной. Тут такие пробки по утрам... о, Господи! Но зачем мы с тобой это обсуждаем?

— Так, поток сознания. Не обращай внимания. Есть предложение: кофе приготовить вместе.

— Принимается. Иди пока в душ, а я чуток поваляюсь. Как гостеприимная хозяйка дома.

— Дом у тебя, кстати, очаровательный. Точно скроен по твоей мерке.

— Так оно и есть, — усмехнулась Рита. — Мой дом — продолжение моей натуры...

Завтрак чудесно приготовили в четыре руки, попутно обсуждая планы на день. Как и все благие порывы, эти планы были реализованы с точностью до наоборот: второй раз с постели они поднялись уже ближе к вечеру, когда идти или даже ехать куда-нибудь развлекаться уже нет сил, а хочется только одного: отдохнуть.

— Ритик, а если мы сегодня возьмем тайм-аут и расплземся по своим точкам? — спокойно спросил Вадим. — Мы же завтра шевельнуться не сможем.

— Ну, так оставайся здесь, — не думая о последствиях, сказала Рита, которой на самом деле хотелось только одного: покоя.

— Увы, я не взял с собой кое-какие бумаги, которые мне завтра понадобятся. Но зато мы можем после работы пойти к моим друзьям. Очень интересные, интеллигентные люди, тебе понравятся. Жена — само обаяние, а с мужем мы иногда играем партию-другую в шахматы.

— Но меня же они не приглашали, — резонно возразила Рита.

— Зато перестанут сватать мне неизвестно кого, — усмехнулся Вадим. — Пойдем, не пожалеешь. А переночевать потом сможешь у меня, если домой будет ехать поздно.

— Ну, насчет ночевки решим завтра, — подвела черту Рита. — Наверное, ты прав: нужно немного передохнуть, а то мы очень быстро доведем друг друга до общего истощения. Встретишь меня после работы?

— Естественно. Да, люди там простые, о нарядах не беспокойся, а цветочки-тортики купим по дороге.

Утро ничем не отличалось от многих и многих других, разве что физически Рита чувствовала себя просто превосходно, проспав едва ли не двенадцать часов подряд. А вот вечер... Когда Вадим подвез ее к подъезду, где жили его друзья, а в лифте уверенно нажал кнопку шестого этажа, она еще думала о причудливых совпадениях и капризах судьбы. Но Вадим позвонил в одну из трех квартир на лестничной площадке, в дверь, которая лично Рите была знакома до мелочей.

Дверь, как всегда, открыла мама...

Глава пятая. Превратности любви

— Проходите, Вадим, наконец-то! — радостно проговорила она, не сразу заметив Риту. — Муж уже фигуры расставил, ждет, а у меня пирог вот-вот допечется.

— А я не один, Марина Геннадьевна, — слегка смущаясь, произнес Вадим. — Вот, знакомьтесь...

— Маргарита?! — опешила Марина Геннадьевна. — Это что — розыгрыш?

— Ты что кричишь, Мариша? — раздался из-за двери кабинета голос отца Риты, Николая Сергеевича. — Рита приехала? Очень кстати, скоро и Вадим будет.

— Они уже оба здесь, — И, кажется, неплохо знакомы друг с другом.

— Рита — ваша дочь? — непритворно изумился Вадим. — А я все думаю, кого она мне напоминает.

— Что у вас тут за крик на лужайке? — поинтересовался Николай Сергеевич, выходя в коридор. — А, Вадим пришел! Приветствую, заждался уже. С Риткой моей познакомился?

Двухметрового роста, но не грузный, а скорее даже наоборот, Николай Сергеевич все равно исхитрялся занимать максимум места в пространстве, на котором оказывался. Возможно, такое впечатление складывалось из глубокого баса, который не слишком вязался с внешним обликом. А возможно, чем-то другим, но Рита каждый раз радовалась, что ростом и фигурой пошла в скорее миниатюрную Марину Геннадьевну, и если что-то от отца и унаследовала, то лишь лишь чуть более низкий, чем у большинства женщин, голос.

— С Ритой мы уже довольно давно знакомы, — улыбнулся Вадим. — Правда, с вами я познакомился раньше, и понятия не имел...

Марина Геннадьевна потребовала рассказать всю историю знакомства подробно и немедленно, прямо за чаем, а в шахматы сыграть потом. В этом доме ее слово всегда было законом, поэтому грозный с виду супруг даже для приличия не стал возражать. Зато Рите такой расклад событий не слишком понравился.

Дело в том, что она, повзрослев, старательно держала свою личную жизнь на некоторой дистанции от родителей. Не потому, что что-то скрывала, а потому, что понимала: пока ничего серьезного не происходит, нечего тревожить "предков" всякой ерундой. При всей их "продвинутости" и современности, институт "бой-френдов" все-таки оставался для них не совсем понятным и даже не вполне пристойным явлением.

А когда мать уж очень допекала Риту расспросами, та отшучивалась:

— Не бери в голову, мамуля. Вот познакомлюсь с приличным человеком, сразу приведу его к вам. А общаться со всеми моими кавалерами вам совершенно ни к чему — пустая трата времени. Можешь мне верить.

И Марина Геннадьевна верила, поскольку в особом легкомыслии, тем более, глупостях, дочь замечена не была. Конечно, было бы понятнее, если бы, познакомившись с молодым человеком, она через какое-то время сказала, что решила выйти замуж, и привела бы своего избранника знакомиться. Но...

Но далеко не всегда жизнь у детей складывается так, как мечтается родителям.

— А с Ритой мы оказались за одним столиком в санатории, — простодушно поведал Вадим историю знакомства, когда все по-домашнему уселись пить чай с пирогами в кухне. — Потом я нашел ее в Москве.

— Каким образом? — поинтересовался Николай Сергеевич.

— Элементарно, — фыркнула Рита. — Вадим же знал, где я работаю, я в командировку ездила не инкогнито.

— А теперь ты решила познакомить Вадима с нами? — пронизательно прищурился Николай Сергеевич. — Не знала, что мы с ним познакомились раньше, чем ты?

— Нет, — мило улыбнулась Рита, хотя ей хотелось взвыть об абсурдности ситуации. — Это Вадим решил познакомить меня со своими друзьями...

— Как мило! — воскликнула Марина Геннадьевна.

— Чтобы они, то есть вы, перестали сватать ему какую-то "подходящую девицу".

— Рита, — укоризненно покачал головой Вадим и, кажется, даже покраснел.

— А разве не так? — с невинным видом осведомилась Рита.

— Так, но...

— А теперь давайте расставим все точки над "i", — продолжила Маргарита, понимая, что ее заносит, но уже не в силах остановиться. — В такие совпадения я не верю. Вадим, конечно же, прекрасно знал, что я — ваша дочь, слава Богу, фотографии в доме имеются в полном комплекте...

— Поэтому срочно лег в больницу, выяснил, куда ты отправляешься в командировку, достал туда путевку и поехал знакомиться? — с изрядной долей иронии перебил ее Вадим. — Ритуля, остановись. Совпадения в жизни бывают всякие, и я не понимаю, с чего ты так завелась.

— Ненавижу, когда меня сватают, — буркнула Рита, остывая.

— Доченька, — вмешалась Марина Геннадьевна, — мы только хотели тебя познакомить с Вадимом. Никто не собирался куда-то тебя тащить силком. Если бы вы не познакомились сами, то встретились бы на нашем юбилее, до него месяц остался. Просто мы собирались пригласить на него Вадима с его дамой.

— А что за "подходящая девица"? — подозрительно спросила Рита.

— Ну, намекнула один раз, — покраснела Марина Геннадьевна. — Но Вадим сказал, что в личной жизни у него все в порядке, и даже более того. А сегодня, наверное, решил это продемонстрировать, чтобы уж наверняка... Я права, Вадим?

— Абсолютно правы, Марина Геннадьевна, — наклонил голову Вадим. — Рита, ты создаешь проблему на ровном месте. Вот уж не думал, что ты такая...

— Склочная? — услужливо подсказала Рита.

— Свободолюбивая, — миролюбиво продолжил Вадим. — Теперь буду знать.

— И что?

— И не создавать прецедентов.

Был уже поздний вечер. Попрошавшись с родителями, решила переночевать у Вадима, а утром разъехаться по рабочим местам.

Вадим жил в так называемом "элитном жилье", где внизу возле лифтов был не только охранник, но и небольшой фонтан, а по углам стояли диванчики, пепельницы и искусственные пальмы. Рита вспомнила подъезд своего дома и внутренне усмехнулась: только в Москве, наверное, люди практически одного круга могут жить в настолько разных условиях. Вадим повел ее к лифту, размером превосходящему ее ванную комнату, и нажал кнопку третьего этажа.

Что ж, ему удалось ее удивить. Она ожидала чего-то сногшибательного, но квартира оказалась не то, чтобы скромной, но крайне рациональной и даже немного аскетичной.

Большой холл, который, по-видимому, иногда использовался как гостиная: музыкальный центр, кожаный диван и два кресла с низким столиком с крышкой из толстого стекла. Раздвижные стеклянные двери вели в жилые комнаты — кабинет, заставленный стеллажами с книгами, и небольшую спальню. Зато кухня по размерам равнялась обеим комнатам и была набита всевозможными новомодными приспособлениями.

Никель, хром, зеленые мраморные столешницы, высокий стол-стойка, вертящиеся табуретки со спинками. Не кухня, а мечта какой-нибудь топ-модели, хотя вместо занавесок на окне были жалюзи, а отсутствие тряпочек-прихваточек и милых безделушек наводило на мысль, что женская рука прикасается ко всему этому крайне редко. Красиво, но холодно и неудобно.

— Ну как, поместимся тут? — спросил неожиданно Вадим, когда она молча обошла всю квартиру. — Устраивает тебя?

— В каком смысле? — опешила Рита.

— В прямом. Я бы очень хотел, чтобы ты здесь жила.

— Жила?

— Ну, не в том смысле, чтобы ты заколотила или продала свою квартиру, а... Слушай, это серьезный разговор, давай-ка я сделаю нам кофе. Кажется, у меня есть хороший коньяк, кто-то из клиентов презентовал...

"Вот оно! — стукнуло в голову Рите. — Сейчас он делает предложение, точно, а я не готова... Я совершенно не готова к такому повороту событий, Господи! Сплошной караул! Наверное, я моральный урод: любая нормальная девушка ухватилась бы за такое предложение руками и ногами, а для верности еще и хвостом бы обвила, а я только испугалась. Я не готова! Я... Я не люблю его? Глупости! Тогда что же?"

— Ритуля, — начал Вадим, разобравшись с кофе, — мы с тобой оба — взрослые, самостоятельные люди, поэтому давай попробуем обойтись без сентиментальной ерунды. Понимаешь, я, кажется, люблю тебя...

— Кажется? — с некоторой иронией спросила Рита. — Странная формулировка, ты не находишь?

— Возможно. Зато точная. Я все время думаю о тебе, мне хочется быть рядом с тобой, держать тебя за руку, слышать твой голос. Это не вчера началось, не думай. Иначе я не стал бы искать встречи с тобой после отпуска, у меня был почти месяц на размышление. Но когда я вернулся в Москву, то первым делом позвонил тебе...

— Очень польщена.

— Не язви, пожалуйста. Я мог бы сказать, что ты — мечта всей моей жизни, и наговорить еще целую кучу красивых слов, но они на самом деле мало значат...

— Постулата о том, что женщины любят ушами, пока еще никто не отменял, — негромко заметила Рита.

— Спасибо, я в курсе. Но у меня свой, давно сложившийся характер. Для меня слова сугубо вторичны. А вот дело... Дорогая, я бы очень хотел, чтобы ты переехала ко мне. Я никогда никому этого не предлагал.

— Ты уверен, что я не начну тебя раздражать через три дня? — спросила Рита. — Мне бы не хотелось...

— Мы целый день на работе, а выходные и так проводим вместе. И потом я не собираюсь запирать тебя в этой квартире. Надоеет, или устанешь — есть где отдохнуть, успокоиться.

— Но если вечером ты захочешь посмотреть какой-нибудь свой футбол-хоккей...

— То ты прекрасно можешь посидеть за компьютером или посмотреть что-то еще в спальне. Ну, давай попробуем. Я почти уверен, у нас получится.

— И мы будем жить долго и счастливо и умрем в один день, — пробормотала Рита.

— Что?

— Не обращай внимания, так, поток сознания. Знаешь что, давай не строить пятилетних планов, которые нужно выполнить в четыре года.

— Ты отказываешься?

— Нет. Просто сегодня я, конечно, останусь, а потом немного подумаю... Это все несколько неожиданно: и встреча с моими родителями, и твоё предложение.

— Я понял, — с огромным облегчением произнес Вадим. — Конечно, сегодня день, мягко говоря, необычный, слишком много новых впечатлений, перемен. Подумай, милая. Я боюсь не того, что ты мне надоешь, а что ты в один прекрасный день возьмешь и исчезнешь. И я снова останусь один, а мне это уже опостылело. Ты нужна мне рядом.

— Почти по Пушкину, — усмехнулась Рита. — "Я утром должен быть уверен, что с вами днем увижусь я..."

— Наверное, я не знаток поэзии. Но, примерно, так и есть. Я хочу отвезти тебя на работу и знать, что вечером мы будем вместе. У нас получится, вот увидишь.

— Хорошо, — выдохнула Рита. — Ты мертвого уговоришь. Только не забудь, что мы с тобой — свободные люди, и что ты берешь меня в свой дом не как домработницу, а чтобы я не испарилась во времени и пространстве. Клянись страшной клятвой.

— Честное октябрятское под салютом всех вождей, — быстро проговорил Вадим.

— Что-что? — опешила Рита.

— Ах, да, ты же еще маленькая. Это мы в школе так клялись, самая страшная клятва была. И еще землю ели, но, надеюсь, от этого испытания ты меня избавишь.

— Избавлю. Тем более, что у тебя цветов нет, даже искусственных. Это принципиально?

— Искусственные не люблю, а живые забываю поливать. Так мы договорились?

— Договорились мишень с прицелом, — комично вздохнула Рита. — Завтра поедем ко мне, привезем необходимые вещи...

Первые несколько недель прошли на удивление гладко и спокойно. Хотя Рита с трудом привыкала к тому, что некоторые слишком резкие движения ее партнера во время сна больше напоминают спонтанные оплеухи или тумачи. То ли человек действительно привык спать один, то ли ему было решительно наплевать на комфорт соседа по койке. В конце концов, она здраво рассудила, что совершенно не обязательно спать, тесно прижавшись друг к другу, кровать достаточно широкая, и на своей половине можно устроиться почти с комфортом.

К великому счастью, не пришлось отказываться от излюбленной привычки читать за завтраком. Вадим, как выяснилось, тоже любил за утренним кофе просмотреть газету, а заодно и включить телевизор. Телевизор по утрам Риту, если честно, слегка раздражал, но... она и сама была не ангелом. Ее привычка часами играть в совершенно детские игры на компьютере иногда могла вывести из себя святого.

Зато поздние вечера были упоительны. Они включали какую-нибудь негромкую музыку, зажигали ароматические свечи и мечтали вслух о том, как постепенно объездят весь мир, познакомятся с большинством чудес света, напишут об этом прекрасную книгу. Как на полученный за нее гонорар купят себе прелестный маленький домик не слишком далеко от Москвы и будут там проводить выходные. Как...

А неделю спустя Вадим с торжественно-загадочным видом принес в дом сверток, в котором оказалась... книга о вкусной и здоровой пище. На немой вопрос, застывший в глазах у Риты, он бойко, пожалуй, даже слишком, отрапортовал:

— Знаешь, иногда так хочется поесть чего-нибудь домашнего. Например, борща. Или гречневой каши, такой рассыпчатой, крупиночка к крупиночке. Моя бабушка, помню, это отменно готовила.

— Ты хочешь, чтобы я встала к плите? — прохладно поинтересовалась Рита.

— Ну, раз в месяц-то можно? В порядке, так сказать, поощрения любимого мужчины.

— Красиво излагаешь, — усмехнулась Рита. — Попробую, но ничего не обещаю.

Она попробовала. Причем попробовала честно и добросовестно, как и все, что делала. Но никакого удовольствия ей это занятие не доставило. Она искренне не понимала, зачем нужно тратить дикое количество времени на то, чтобы приготовить нечто под названием "домашняя еда", и чем эта самая еда отличается от купленных в магазинах полуфабрикатов.

Если честно, ей вообще было безразлично, что есть. Нет, конечно, она любила хороший кофе, вкусные тосты с сыром, фрукты, мороженое. Но обеды в ближайшем возле работы кафе ее вполне устраивали, а к ресторанным изыскам она была совершенно равнодушна. Ну, обидел ее Бог кулинарными пристрастиями, что же теперь делать?

Хотя, словно в насмешку, все, что она готовила, скрупулезно придерживаясь рецептов, получалось восхитительно. Опытные хозяйки иногда всю жизнь не способны достичь такого совершенства в кулинарии. Но чем больше нахваливал Вадим ее произведения, тем тоскливее ей делалось, и тем чаще возникал вопрос: а что он еще придумает из серии "Домострой"?

Ответа долго ждать не пришлось. В одном из совершенно невинных разговоров случайно обнаружилось одно занятное обстоятельство. Оказывается, Ва-

дим считал, что "женщина от человека отличается органически", то есть что он, как особь мужского пола, явно умнее, значительнее и совершеннее ее, Риты.

— Почему? — изумилась она. — Кажется, я неплохо справляюсь не только со strapней, но и со своей основной работой. Меня вот-вот сделают старшим менеджером. И, прости, если ты владеешь только английским, то у меня в активе еще несколько языков. И потом вспомни хотя бы Марию Складовскую-Кюри и Маргарет Тэтчер...

— Это — исключения, которые только подтверждают общее правило, — отрезал Вадим с каким-то нехорошим огоньком в глазах. — Да они на самом деле и не женщины вовсе, а так — одушевленные существа.

— Что не мешало им иметь детей, — неосторожно брякнула Рита.

— Ты хочешь ребенка? — поднял брови Вадим.

Рита наконец услышала отчаянные вопли своей интуиции: "Прекрати, это добром не кончится!" и постаралась побыстрее перевести разговор на менее болезненную и опасную тему. Например, о том, что завтра вечером планирует съездить к себе на квартиру и кое-что там взять, а заодно проверить, все ли в порядке. Тем более что именно завтра Вадим должен быть на какой-то деловой встрече, которая может затянуться до глубокого вечера.

— А как ты доберешься обратно? — уже почти добродушно поинтересовался Вадим.

— Закажу такси, — пожалала плечами Рита. — Я же не с пустыми руками поеду. На сей раз собравшиеся было тучи развеялись, не уронив даже капельки дождя.

Рита вошла в свою квартиру, уже приобретающую какой-то нежилой вид и запах, и внезапно на глаза навернулись слезы. Почему нельзя было просто время от времени ездить друг к другу в гости? Почему она вынуждена подстраиваться под привычки какого-то еще совсем недавно не знакомого человека, часами торчать у плиты, ограничивать телефонные разговоры с приятельницами?

— Ты тратишь время на совершенно бессмысленную болтовню, — ворчливо сказал ей как-то Вадим. — Ни единого рационального зерна. И почему женщины так любят болтать по телефону?

— По той же причине, что и мужчины, — почти спокойно отозвалась Рита. — Я же не возникаю, когда тебе звонят какие-то барышни, и ты совершенно неприкрыто с ними кокетничаешь...

— Кокетничаю? Я? — страшно удивился Вадим.

— Да-да, ты кокетничаешь. Пару дней назад ты ворковал с кем-то: "Сейчас я занят, очень много работы, но на днях обязательно созвонимся и встретимся". И как прикажешь это понимать? Хочешь возбудить мою ревность?

— Ну, если ты хочешь ревновать к мужчине...

— Не делай из меня дуру! — взорвалась Рита. — Звонила женщина, я же подходила к телефону!

— Просто у него такой голос.

— А что бы ты сказал, если бы мне начали названивать мужчины?

— А тебе это нужно?

Конечно, они в тот же вечер помирились, но осадок, как говорится, остался. К тому же постепенно начал расти список недостатков Маргариты, которая раньше, казалось, была соткана из одних достоинств.

Например, она слишком эмоциональна. Даже когда общается с совершенно посторонними людьми, да к тому же еще малоприятными, вкладывает в это

слишком много личного. Что же касается мужчин, то, оказывается, среди Ритиных знакомых их и так слишком много, причем не только на работе.

— Ну и что? — удивилась Рита.

— А то, что ты сама не замечаешь, с каким самодовольством рассказываешь об их знаках внимания по отношению к тебе. Похоже, все они буквально лежат у твоих ног.

— А когда ты с веселым смехом рассказывал, причем в мельчайших подробностях, как влюбленная в тебя сотрудница, рыдая, выскочила из комнаты, когда ты разговаривал со мной по телефону? Это как понимать?

— Ну, это единичный случай. Кстати, я давно хотел тебе сказать, что твоя новая желтая блузка — просто неприлично глубоко вырезана...

— Ты не заметил, что на улице — почти плюс тридцать?

— Но у тебя в офисе кондиционер...

В общем, еще одна бессмысленная, никому не нужная и ничем не закончившаяся перепалка. Спрашивается: для чего попу гармонь, если у него кадило?

Рита думала обо всем этом, сидя в своем любимом кресле у окна. Все привычно, все под рукой, сейчас бы никуда не ехать, а принять ароматическую ванну, сделать маску для лица и пораньше лечь спать. Одной, в родную постель... Заманчиво, конечно, но... Вадим не поймет. Придется возвращаться.

Последний раз окинув взглядом родные до боли стены, Рита собрала необходимые ей мелочи и тихо закрыла за собой дверь...

Дома у Вадима ее ждал сюрприз на автоответчике:

"Ритуля! Совещание затягивается, я, пожалуй, прямо отсюда поеду на работу, благо, комната отдыха оборудована первоклассно. Не жди меня, ложись спать. Прости, что так вышло, не успел тебе позвонить, пока ты еще была у себя..."

Рита даже задохнулась от изумления и возмущения. Значит, она прекрасно могла осуществить свой замечательный план и позволить себе вечер полного отдыха и расслабления! Значит, зря она тащилась через всю Москву, чтобы встретить любимого с приветливой улыбкой. Значит... значит, плевать он на нее хотел, или хотел привести кого-нибудь сюда, да спохватился тогда, когда Рита уже из своей квартиры ушла.

Или... Или побоялся говорить лично? Или хочет продемонстрировать свою независимость: ты — у себя, я — у себя. Но ведь не она же валялась у него в ногах, умоляя о совместном проживании!

"Беги отсюда, — нашептывала ей интуиция. — Собирай вещи и беги. Не унижайся до того, чтобы завтра начинать выяснять с ним отношения. Он ждет, что ты это проглотить, не поморщившись? Ну, так он ошибается! Признаваться в безоговорочной капитуляции? "Комната отдыха" — ха! Скоро он потребует, чтобы ты крахмалила и гладила ему рубашки, а также научилась вязать. Беги. Иначе ты просто погибнешь как личность".

Может быть, действительно уехать, пока она еще не увязла в этих отношениях окончательно? Пока она просто плывет по течению и, в общем-то, молча глотает мелкие унижения и обиды, стараясь "не усугублять". Случился, можно сказать, "Аленький цветочек" наоборот — добрый молодец превратился в чудидце. Показал свое истинное лицо — и в результате, стало ясно, что он не достоин вашего чувства.

Или... просто нет людей без недостатков? И нужно пытаться искать разумные компромиссы? Но почему опять она? И что бы он запел, если бы получил от нее аналогичное послание на автоответчик?

Нет, решено, с нее хватит. Теперь — только работа. Пусть не будет никакой поездки по "Золотому Кольцу", не будет упоительных моментов полной близости и растворения друг в друге, не будет субботних и воскресных утр, когда она просыпалась от запаха свежемолотого кофе. Кофе она и сама себе может сварить...

Всхлипывая, Рита принялась собирать свои вещи, которых накопилось уже изрядно, больше всего опасаясь, что повторится старая история, и то, что она забудет, ей пришлют потом с оказией без всякой записки. Собраться, взять себя в руки, перестать себя жалеть. Мир полон прекрасных мужчин, просто нужно взять тайм-аут, тем более, что на работе это скажется исключительно благотворно.

Записки она решила не оставлять. Всегда есть опасность быть неправильно понятой или истолкованной. Вадим ведь юрист, он найдет, за что зацепиться. А так — пусть поломает голову, почему случилось то, что случилось. Впредь будет умнее. Возможно. В конце концов, у него всегда остается возможность поиграть с ее отцом в шахматы... А для нее?

А для нее тоже найдется какое-нибудь не слишком скучное занятие. Все, конечно, хватит изображать из себя святую.

Маргарита вызвала такси, оставила на кухонном столе ключи и захлопнула за собой дверь, отрезая тем самым путь к возвращению. И всю довольно длинную дорогу до дому почему-то твердила про себя две строчки из не слишком любимого ею Сергея Есенина:

"Не жалею, не зову, не плачу,
Все прошло, как с белых яблонь дым".

Следующая неделя прошла в состоянии спокойной, легкой грусти, настоящей на твердом желании никогда больше не видеть и не слышать этого невозможного человека. Пусть найдет себе образцовую домохозяйку, которая будет приносить ему к порогу домашние тапочки и смиренно дожидаться его возвращений из командировок и с "затянувшихся совещаний". Она же пойдет своим собственным путем.

Ничего страшного не случилось, никто не умер. Классический вариант: просто встретились два одиночества, попытались стать единым целым и снова распались на два автономных объекта. Ничего особенного, медициной не возвращается.

Звонок в дверь раздался ровно через неделю.

— Неужели я все-таки забыла какие-то свои вещи? — невесело усмехнулась Маргарита.

Она не собиралась открывать: только что вышла из ванной, мокрые волосы замотаны тюрбаном из полотенца, лицо глянцево блестит от питательного крема. Но звонок повторился, и ноги сами понесли ее ко входной двери, а сердце стучало так, словно она только что поднялась пешком на десятый этаж.

Конечно, это был Вадим. С букетом цветов и коробкой конфет. Как всегда, безукоризненно одетый, выбритый до синевы, благоухающий знакомым одеколоном. Но какой-то... В общем, не такой уверенный в себе, как обычно.

— Прости меня, — сказал он тихо. — Давай начнем все сначала. Мне без тебя очень плохо, любимая.

Сердце не камень... Оно сделано из гораздо более мягкого материала, чем представляла себе Рита.

Интуиция прочно молчала.

Спросите совета у чисел

■ Нумерология — очень древняя наука. Возникла она в Египте. Ещё жрецы бога мудрости Тота обращались за советом к священным числам. Позже ею заинтересовался Пифагор с учениками, да и левиты — жрецы иудеев — частенько использовали числа для ответов на мудреные вопросы. А в средневековье к нумерологии обращались алхимики и маги. Не обошли своим вниманием числа и современные эзотерики и астрологи.

Как наука нумерология довольно сложная. Каждое число — это целый многослойный мир. О числах, об их соответствии планетам, людям, событиям и природным элементам написано много серьёзной литературы.

Но не будем забираться в дебри. Существует упрощённая система гадания по числам. Такое гадание может стать приятным и забавным развлечением, особенно перед новогодними праздниками.

Сделайте девять вытянутых прямоугольников из картона или любого другого материала. Изобразите на них цифры от "1" до "9".

Перемешайте перевёрнутые карточки правой рукой по кругу часовой стрелки. Соберите карточки в колоду и снимите их.

Сначала на один вопрос — один ответ, одна карта. Позже, когда вы научитесь лучше понимать язык чисел, можно будет задавать им дополнительные вопросы.

Если вам важны все грани отношения к вам какого-либо человека — выложите три карты: сознание — чувство — подсознание. Верхняя карта будет обозначать, что думает о вас этот чело-

век. Средняя — какие чувства он к вам испытывает. Нижняя — каковы подсознательные мотивы этого человека: то, о чём он сам может не догадываться.

Если хотите развернуть и уточнить ситуацию — опять выкладывайте три карты: прошлое — настоящее — будущее. Причина — становление — то, что должно произойти.

Если вам нужно выйти из затруднительного положения — выложите три карты: как есть — как должно быть — что вам предпринять.

Итак. Значение карточки № 1 (если она выпала прямо). Символ ее: Солнце — лидерство, сила, концентрация, сущность.

Сейчас вы — центр мироздания... Всё в ваших силах. Вы можете достигнуть желаемого. Если вопрос лидерства не решён — решайте его, не откладывая. От вас зависит очень многое. Не пытайтесь жёстко управлять ситуацией — просто будьте собой и сконцентрируйтесь на вашем желании, тогда всё получится.

Вы идёте под Солнцем. В ваших руках энергия созидания. Это — большие возможности и огромная ответственность. Не забывайте, подобно щедрому светилу, делиться своей энергией с окружающим миром. Замыкаясь на чём-то одном — сила становится разрушительной...

Если же карточка № 1 выпала перевернутой:

— амбиции, давление, упрямство, потеря смысла.

Ваша цель сейчас недостижима. Возможно, вы просто переутомлены. Попробуйте пересмотреть мотивацию.

Может быть, на вас оказано давление? Или вы сами, заиклившись на единственном варианте — пережали там, где не стоило... Не пытайтесь заниматься тем, что от вас не зависит! Сейчас ваша активность может быть даже опасной. Осторожно — Солнце не только даёт жизнь! Вспомните легенду об Икаре...

Успокойтесь, оглянитесь вокруг — может быть, проблема решается по-другому? Постарайтесь переформулировать своё желание. Вы либо не того хотите, что кажется, либо — не теми способами добиваетесь успеха. Используйте время тёмного Солнца для наблюдений и выработки новой позиции. Решение само придёт в спокойную голову...

Карточка № 2 (прямо)

Луна — гармония, выбор, интуиция, резонанс.

Ситуация двойственна. Успех зависит от вашей способности к уравниванию и нахождению гармонии между вами и окружающим миром. По сути, ситуация состоит из двух частей, и нужно свести их воедино так, чтобы ни одна из частей не пострадала.

Возможно, вы стоите перед выбором. Спросите, между чем и чем (выложите две карты). Даже если вы знаете свой выбор — ответ может быть неожиданным...

Так или иначе, всё зависит от вашего мудрого решения. Прислушайтесь к интуиции... Попробуйте уравновесить интересы сторон: что нужно вам, а что — ситуации или партнёру. Не вздумайте бросаться в крайности! Здесь нужен компромисс. Если дело касается человека, то — взаимодополнение, даже если между вами нет полного понимания. Доверьтесь моменту — сейчас это только к лучшему.

Карточка № 2 (перевернутая) — душевные страдания, потеря равновесия.

Вы привязаны к ужасно надоевшей ситуации. Вам кажется, что у вас нет выбора. Отсутствие гармонии с миром — грозит потерей внутреннего равно-

весия. Если речь об отношениях — ваше общение с партнёром напоминает разговор глухого с немым. А когда перевернутая "двойка" выпала на вопрос о деле — то все ваши усилия пропадают втуне.

Так или иначе, надо что-то менять. Если же ваши нервы уже на пределе — отвлекитесь от ситуации и займитесь чем-то другим.

Карточка № 3 (прямо)

Меркурий — радость, активность, гармония, творчество.

Вы — душа компании. Вы относитесь к тем уникальным личностям, которые самого чёрта убедят полежать вместо себя на сковородке, если им это очень надо... Вы легки на подъём и талантливы в импровизации. Именно эти ваши качества необходимы вам сейчас. Если вы сомневаетесь в себе — не тревожьтесь: судьба сейчас за вас.

Многое зависит от разговоров, информированности, рассмотрения разных вариантов. Ещё больше — от вашего творческого подхода к общению с людьми, выполнению разных задач, наконец — просто от быстроты вашей реакции... И вы легко и неожиданно можете получить очень крупный выигрыш в лотерее судьбы...

Карточка № 3 (перевернутая) — проблемы с общением, рассеянность, пассивность, обман.

Водоворот жизни закрутил вас. Вам кажется, что вы выброшены на обочину, где люди, возможности, деньги, личное счастье — все мимо вас. Может быть, вас просто обманывают... Остановитесь. Прекратите суету, вспомните, что обмануть можно только того, кто способен обмануть себя сам... Срочно прислушайтесь к голосу сердца! Ищите, что в вашем образе жизни противоречит вашей природе, внутреннему чувству гармонии. Чёткое знание того, что вы хотите — поможет хорошо изучить всё, связанное с вашими желаниями.

И не пытайтесь получить всего понемножку — можете не получить ниче-

го вообще. Поставьте приоритеты, а на всё остальное — махните рукой.

Карточка № 4 (прямо)

Юпитер — управление, основательность, материальность, уверенность в завтрашнем дне.

Независимо от вопроса, который вы задали при гадании, сейчас — время укреплять достигнутое, будь то дело или личные отношения. Не стремитесь к новым горизонтам — для данного этапа вы добились достаточно. Не смотрите на соседей — у вас крепкое “хозяйство”, требующее полной самоотдачи. Утвердитесь на “завоёванной” территории, изучите своё положение.

В любом случае, прямая “четвёрка” значит, что многое из того, что требуется для достижения вашей цели — уже в ваших руках. Нужно просто активизировать и проработать то, что у вас уже есть... Только после этого вы получите что-то новое. “Четвёрка” — карта хозяйна. Вас ждёт удача в домашних и финансовых делах, если они не связаны с риском. Займитесь ими.

Карточка № 4 (перевернутая)

— недостаток энергии, закисание в обыденности, скука.

Каждодневная рутина не приносит ожидаемых результатов, не говоря уже об осуществлении мечты... На самом деле, у вас более чем достаточно сил и возможностей для реализации любого проекта. Вам не хватает веры в себя.

Подумайте: может быть, ситуация, в которой вы находитесь, изжила себя и её надо менять? Тогда — отпустите прошлое и откройтесь будущему. А в качестве подготовки к “свободному плаванию” — займитесь тем, что вы любите, и что у вас получается очень хорошо. Это укрепит вашу веру в собственные силы.

Если же вы не готовы к кардинальным переменам — устройте себе продолжительный отдых. А спустя некоторое время, берите вожжи в свои руки, и — не надейтесь ни на кого, кроме себя...

Карточка № 5 (прямо)

Марс — энергия, инициатива, новаторство, перемены, авантюризм.

Вы готовы рискнуть? Или принять серьёзное решение, неожиданное для вас самих? Если готовы — вас ждёт успех. Открываются новые горизонты.

Сейчас возможно осуществление того, о чём вы давно мечтали. Испытайте прилив энергии, проникнитесь духом здорового соревнования, и — вперёд... Не смущайтесь мелкими неудачами — вас ждут крупные победы. Насколько крупные — зависит от ваших бойцовских, спортивных и волевых качеств.

С другой стороны, судьба бросает вам вызов. Вы способны перевернуть отчаянную авантюру? Серьёзная физическая опасность при прямой “пятёрке” вам не грозит, но может потребоваться мобилизация всех сил, которые у вас есть.

Так или иначе, Марс — это работа на грани возможностей, а иногда — и за гранью.

А ещё — прямая “пятёрка” никогда не предвещает ничего плохого. Это — возможность, которую можно поймать или упустить.

Карточка № 5 (перевернутая)

— опасность, агрессия, недовольство, усталость от борьбы.

Слишком много борьбы. Возможно, вам действительно грозит опасность — тогда выходите из ситуации. Исчезните, хотя бы на время. Вернитесь, когда у вас хватит сил не поддаваться на провокации и завершить всё “мирным путём”. Даже если вы отчаянный храбрец — риск здесь не оправдан, цена слишком высока и, в конечном итоге, вы можете серьёзно навредить себе и окружающим.

Если вас преследуют — не будьте жертвой. Если вас пытаются спровоцировать — не поддавайтесь, будьте сильнее, вводите свои правила...

Карточка № 6 (прямо)

Венера — любовь — красота — внутренняя гармония — искусство.

Вам никто не говорил, что вы — само совершенство? Ваши чувства настолько проникновенны, что вы можете создавать гармонию во всём. Начиная с деловых отношений и заканчивая домом... У вас очень тонкий вкус, чувство красоты, такта. Если вы женщина — то всё, к чему вы ни прикоснётесь, начинает раскрываться, цвести и благоухать. Если вы мужчина — то вы мудры, дипломатичны и чертовски обаятельны. Имеете склонность к изящным искусствам и пользуетесь несомненным успехом у противоположного пола...

Именно эти свойства вашего характера пригодятся вам сейчас. Ситуация, так или иначе, связана с чувствами. Сейчас время любви, красоты и душевного тепла. Это — лучшее время для того, чтобы украсить вашу жизнь. Займитесь дизайном своего дома, гармонией в рабочем коллективе, личными отношениями, наконец — своей внешностью. Да и флирт не повредит: напротив — ускорит исполнение задуманного.

Карточка № 6 (перевернутая)

— пресыщение — излишества — эпикурейство — богомность — потеря объективности.

Вы просто не видите красоты ситуации, в которой находитесь. Скорее всего — проблема в том, что вы не даёте достаточно свободы тому, что любите. Любовь — это понимание и свобода. Даже с любовью к деньгам — точно так же. У человека, который тратит деньги творчески — они исчезают редко и ненадолго. А кошелек скупердя деньги покидают, чтобы постараться туда не вернуться...

Рассмотрите повнимательней то, что у вас уже есть. Вы сами придёте к выводу, что бесились, как говорится, с жиру. Пока вы будете путать любовь с невротической привязанностью — не будете счастливы в личной жизни. Но это не означает безразличия друг к другу — совсем напротив... Тёмная Венера требует очень тонкой и сложной работы над со-

бой, но именно в этом — ключ к счастью.

Научитесь искренне, от души радоваться малому — тогда придёт и большое...

Карточка № 7 (прямо)

Сатурн — тайна — размышление — труд.

Перед вами — серьёзная задача для ума. Вы могли бы стать хорошим стратегом, но и тактика не помешает... Ситуация сложная. Возможно, в ней даже есть элемент мистики. Вам придётся хорошо поработать, прежде чем добьётесь своего. Тщательно взвешивайте каждый шаг и продумывайте любые изменения ситуации. Осторожность и кропотливая работа — никакой лирики и импровизации!

Жизнь даёт вам серьёзный урок. От вас ожидается многое, но и награда будет стоящей. Есть шанс серьёзно измениться и изменить свою жизнь. Старые желания либо исполнятся, либо перестанут иметь для вас ценность. Девиз этой карты "делай, что должен — и будь, что будет".

В принципе, "семёрке" не чуждо ничто человеческое, под ней совершались многие научные открытия. Так что не исключено, что однажды вы проснётесь знаменитым. Сатурн — серьёзная сила, которая не любит растрачивать себя по пустякам.

Карточка № 7 (перевернутая)

— неверное мнение — потеря контроля — болезненность ситуации.

Будьте очень осторожны — ситуация может стать экстремальной, если вы и дальше будете её усложнять. Срочно признайте свою неправоту — и отойдите в сторону. Потеряли контроль? Оставьте, как есть. Не пытайтесь заниматься тем, что от вас не зависит.

Утешение одно: вся проблема, в основном — плод вашего ума. В отличие от перевернутой "пятёрки" — перевернутая "семёрка" означает не столько внешнюю опасность, сколько внутреннюю болезнь. Например, нездоровое

отношение к чему-либо. Даже если вы серьёзно больны — длительность заболевания зависит от вашего настроения, от внутренней психосоматики.

Девиз перевернутой "семёрки" — "всё гораздо проще". Просто, когда она выпадает — бывает уже трудно это признать.

Попробуйте подлечить нервы, если это необходимо. И самое главное: не заикливайтесь!

Карточка № 8 (прямо)

Неподвижные звезды — богатство — власть — успех — вечное.

Вы — талантливый управленец. И вы сможете осуществить проект любой сложности. Вы знаете цену слову и делу. А ещё вы знаете, что любой успех превращается в ничто, если человек шёл к нему против своей природы...

Связь между духовным и материальным. Между властью и подчинением. Между желаниями и необходимостью. Между внешним и внутренним миром.

Вас можно поздравить. Вы — практичный философ. Вы добьётесь того, чего хотите, и даже большего. И всё это — благодаря только самому себе...

Карточка № 8 (перевернутая)

— безуспешность — проблемы с мотивацией — нарушение причинно-следственных связей — невладение ситуацией.

Всё взаимосвязано: успех в одном — может повлечь за собой крах в более важных для вас вещах... Здесь успех хитрит с вами. Вы можете добиться своего, но сами не будете рады последствиям...

Нарушена причинно-следственная связь. Либо вы идёте к успеху, теряя то, что на поверку окажется более важным, либо — вследствие успеха ваша жизнь изменится так, что захочется вернуться назад, но будет поздно. Наконец, вы можете обнаружить, что хотели совсем не того, но ситуация подобна хитрому джинну: заказ сделан — заказ пришёл...

Попробуйте провести переоценку ценностей и пересмотреть мотивацию. Подумайте о равновесии прямой "вось-

мёрки" для вашей ситуации. И бросьте добиваться того, что на самом деле вам не нужно!

Карточка № 9 (прямо)

Нептун — поток — свобода — вера — духовность.

Вам не говорили, что вы феноменально удачливы? Что вас хранят высшие силы? Если нет — скажите себе это сами. Время исполнять самые сокровенные желания. У вас началась полоса везения. Много получается, будто само собой... Доверьтесь этому потоку. Положитесь на интуицию. Это тот самый случай, когда почти любая кривая — вывезет.

Однако это не может продолжаться вечно. Попробуйте почувствовать (понимать — бесполезно), что в вас самих вызвало такой прилив силы? Подключите воображение. Постарайтесь оправдать ожидания высших сил... И будьте готовы внести свою творческую лепту. Ведь рано или поздно помощь ослабят — чтобы посмотреть, на что вы способны самостоятельно...

Карточка № 9 (перевернутая)

— иллюзии — непредсказуемость — возможная опасность.

Кажется, вы отправляетесь в путь без руля и ветрил... Вас несёт "по воле волн". Ситуация может принести многое, но она совершенно непредсказуема. Ваше воображение может заслонить от вас реальность. Вы можете стать игрушкой своих страстей и, как следствие, — обстоятельств...

Занимайтесь творчеством, но не уходите от мира. Не путайте веру с фанатизмом или сектантством. Любая вера — это, в первую очередь, работа с собой. Можно много лет неуоснительно выполнять предписания какой-либо конфессии — и не получить в итоге ничего для реального духовного развития.

Вот такое оно, несложное гадание по числам. Теперь, надеюсь, вам будет чем занять себя в длинные зимние вечера и вы, с помощью магии цифр, ещё многое узнаете о себе и своих близких.

Гединиас Таранди — танцовщик, балетмейстер, хореограф, педагог, заслуженный деятель искусств России, играет в драме и мюзикле, снимается в кино...

Откровение танца

В начале 80-х годов на юного Таранду ходили в Большой театр, в "Легенде о любви", "Спартаке", "Раймонде", "Золотом веке", "Балдерке" он покорила искушенную публику. Зарубежные поклонницы даже из Страны Восходящего Солнца прилетали в Москву на спектакль с Тарандой!

Финляндии (мы его основатели), с нами будет танцевать звезда мирового балета — наш бывший соотечественник Владимир Малахов, сейчас он артистический директор Берлинской оперы, солист Американского театра балета

и Штутгартского театра. Еще примет участие звезда из США Джулия Кент. Затем гастроль — Украина, Россия, Таиланд, Арабские Эмираты, Египет. В проекте — премьера трехактного балета "Дон Кихот" в моей постановке, одноактный балет "Польский бал" из оперы "Иван Сусанин", летом 2006 года в Новой опере планируем международный проект с участием стран бывшей Югославии — фестиваль славянских народов и культур.

— *Как стать удачливым и знаменитым, есть ли рецепт успеха?*

— Рецепта успеха как такового нет. Нужно просто много работать, чтобы чего-то достичь... Но когда все свое время отдаешь только работе, очень многое проходит мимо тебя. Жизнь несется с такой скоростью, невообразимой, что стоит остановиться, притормозить — задуматься о своей жизни, о друзьях, товарищах, с кем ты прошел многие годы... Мы забываем обо всем в этой бешеной гонке. Мне хочется уделить внимание своей семье, ребенку, повидать старых друзей не на 20 минут второпях, а как в юности.

— *Ваша жена балерина... Наверное, малышка Дейманте тоже продолжит династию?*

— Труд балерины невероятно тяжелый, постоянное самоограничение во всем, жесткая дисциплина, этой профессии нужно быть фанатично преданным! Сейчас дочурке полтора годика, подрастет — пусть сама сделает свой выбор.

— *Гедиминас, в 1994 году вы ушли из Большого и создали Русский имперский балет, с тех пор вы ведете активную концертную деятельность в России и за рубежом. Что нового в творческой жизни?*

— Этим летом у нас были гастроль в Испании, семь недель мы танцевали в Мадриде в театре Гран Виа и имели огромный успех. Возили весь репертуар — "Лебединое озеро", "Жизель", "Шахерезаду", "Половецкие пляски", "Спящую красавицу" и новый балет Кармина Бурана. На следующий год испанцы опять нас пригласили на гастроль на длительный срок, что приятно. Гастролировали в Хорватии, Пулии на фестивале искусств. В планах выступление на фестивале в

— Вы приглашены на Зимнюю Олимпиаду в Турин?

— Да, в качестве учителя танцев в Русском Доме. Там все вечера отданы Игорю Бутману, Валерию Сюткину и мне — хозяину культурной программы наших олимпийцев. В случае победы устроим грандиознейший праздник для спортсменов и наших болельщиков, чтобы ребята знали — они нужны не только нашей стране, но и нам, простым людям. На летних Олимпийских играх в Греции я уже был учителем танцев.

— А как вы пришли в танец?

— С детства я занимался классической борьбой, дзюдо, карате, но как-то одноклассники сказали, что тех, кто ходит в хореографический кружок, в кино пускают бесплатно. Я пришел на первое занятие, посмотрел на огромный репетиционный зал, на хорошеньких тоненьких девчонок и остался! В 17 лет из Воронежа приехал в Москву и сразу поступил в Московское хореографическое училище. По окончании стал лауреатом Всесоюз-

ного конкурса артистов балета, и Юрий Николаевич Григорович пригласил меня в Большой театр. Своими наставниками считаю Аллу Богуславскую, Льва Поспехина, Анатолия Симачева.

— В мире вы один из лучших характерных танцовщиков, танцы народов мира в вашем исполнении — фантастические, дух захватывает от испанских, аргентинских сюит...

— Культ танца всегда был в моей семье — потомственных военных и казаков. Мой дед однажды танцевал с великой Галиной Сергеевной Улановой. Она приехала на подшефный московский завод, и там, в атмосфере праздника, он пригласил ее на тур вальса! Мой брат Витаутас Таранда — танцовщик и педагог Русского имперского балета, двоюродные братья — по линии мамы — танцуют за рубежом в США и Португалии.

— Гедиминас, знаю, что в начале 80-х вам, совсем юному танцовщику Большого театра, дал высокую оценку великий Рудольф Нуреев. Как это было?

— На гастролях в Греции я танцевал в "Жизели" партию Лесничего. В антракте, за кулисами, случайно столкнулся с женщиной, одетым в военную униформу. На нем был такой красивый берет с кокардой, сверху намотан шарф, и его лицо показалось знакомым. Поздоровался, он тоже поприветствовал меня. Потом он сидел в амфитеатре с нашей певицей, прославленной Еленой Образцовой. За пультом был Жюрайтис. После спектакля Юрий Григорович собрал нас, артистов, на сцене и представил всем экстравагантно одетого мужчину — Рудольфа Нуреева. Нуреев пожал мне руку и сказал, что в своей жизни много видел Лесничих, и всегда эта роль считалась второго плана, а сегодня он увидел Лесничего в новом качестве, яркого героя. Нуреев сказал Григоровичу, что я — надежда Большого театра, — и пригласил меня станцевать в его "Жизели" в Австралии. В то время это было невозможно.

— Гедиминас, что скажете о новом поколении танцовщиков, которые только начинают свой путь в искусстве.

— Сейчас нужно воспитывать новое поколение танцовщиков, но, увы, подготовка у них не та, что была раньше — в театр приходит много слабых начинающих артистов балета. Это связано с тем, что большое количество замечательных педагогов покинуло страну, в балетных школах упала престижность профессии — артист балета. Еще лет двадцать назад считалось — если ты в балете, значит, материально благополучен, у тебя есть возможность с труппой побывать во многих странах мира. А вот сегодня эта профессия — одна из самых нищих. Артист балета не может содержать семью, настолько низкая зарплата. Потому и интерес у молодежи упал к профессии. Нужно заинтересовать молодежь, чтобы они были в сплоченной команде, чтобы прославили наш русский балет во всем мире.

— Вы играете в спектакле "Учитель танцев" в театре имени Моссовета с Екатериной Гусевой, Ольгой Кабо, Ольгой Остроумовой. Артист балета должен быть хорошим драматическим актером?

— Вообще профессия артиста балета подразумевает, что он должен обладать драматическим талантом. Если танцовщик не владеет драматическим состоянием, то он просто скучен. В первую очередь он должен быть артистом, а специфика его — балет. Этот талант есть далеко не у каждого, а сочетание драматического дара с балетным рождает звезды, которые составляют сокровищницу нашего искусства — Владимир Васильев, Михаил Лавровский, Екатерина Максимова. Можно называть и дальше великие имена...

— Кто сейчас, на ваш взгляд, наши звезды?

— Величайшая звезда из Большого театра — Николай Цискаридзе. Когда я выпускался из училища, он был совсем юным, но уже тогда было ясно, что он

необыкновенно одарен! Сейчас Николай не только мастер своего дела с большими балетными возможностями, но и еще высоко интеллектуальный и умный танцовщик. Андрей Уваров — представляет собой тоже особое явление в Большом театре. Уваров и Цискаридзе хороши как балетные артисты и еще они думающие актеры! Я люблю думающих артистов балета.

— Многие молодые люди не смотрят балет и не знают прославленных имен. Почему такое происходит в стране, подарившей миру великих танцовщиков и балетмейстеров?

— Профессию надо поднимать до того уровня, на каком были наши звезды балета до 80-х годов, когда каждый знал, кто такая Екатерина Максимова, Владимир Васильев, Людмила Семеняка, Надежда Павлова. Рекламу им обеспечивало телевидение, а сейчас балетные спектакли показывают нечасто и пишут о наших талантливых танцовщиках редко, я не имею в виду балетных критиков.

— Кто особенно хорош из ваших артистов Русского имперского балета?

— Алия Тоньпкаева и Кирилл Радев — замечательная пара, они удостоены Гран-при на международном конкурсе в Люксембурге. Для меня они как воспитанники, даже как дети! Когда они пришли в театр, мало что умели, но у них было огромное желание познать, самоотверженно работать, на износ. Сейчас они звезды балета. Алия подписала контракт с Венской оперой на год на должность солистки, но будет танцевать и у нас в театре. Так работают многие звезды, и это правильно. Пока у нас не будет финансовой поддержки своих артистов на должном уровне, для них единственная возможность выжить — это заключать контракты в разных уголках мира. Но затем они все равно возвращаются в родные стены, показывая — чему там научились. Каждый талант неповторим сам по себе, и было бы неверно его терять. Нужно уметь дорожить одаренными людьми

и делать все, чтобы они возвращались домой.

— *Вы сказали, что педагоги вынуждены работать за рубежом...*

— Многие педагоги, которые создают славу нашему балету, у нас живут в позорной нищете. Поэтому и уезжают за границу — Франция, Англия, США, Германия... Они преподают и соединяют нашу школу с итальянской, французской, американской — так получают удивительного качества танцовщики, которых мы видим сейчас на Западе. У них необыкновенная чистота позиций, точеные ноги, стопы, и при этом потрясающая партерная и воздушная техника. Они взяли все лучшее у русской школы и сильно продвинулись вперед. В чем-то наши танцоры сильнее, а в чем-то и слабее. Французская школа сейчас на высоте, солисты Гранд Опера близки по духу Большому театру, русской школе. У них огромное внимание уделяется актерскому мастерству, партнерству на сцене.

— *Наверняка в этом есть и заслуга великого Рудольфа Нуреева?*

— Безусловно! И Нуреева, и Нижинского, и Лифаря. В Париже работала целая плеяда русских танцовщиков и педагогов, они и подняли французский и европейский балет на такую высоту. Нашим педагогам нужно ставить памятники по всему миру — сколько они заложили и сколько подарили балетному искусству.

— *Какие данные должны быть у будущего артиста балета?*

— Обращает на себя внимание ребенок, у которого пропорциональное сложение, гибкий позвоночник, прыжок, выворотность, подъем, шаг. Но при этих данных еще необходима координация движений, без хорошей координации невозможен танец. Это качество врожденное, но его можно тренировать. Артист должен, как кошка, как пантера, двигаться.

— *А как стать знаменитым?*

— Сколько я видел талантливых актеров с потрясающими природными

данными, смотришь и думаешь — Бог дал. А рядом стояли середняки и бездарно особенного, но они так усердно работали, что по прошествии времени становились звездами, а те, кому Бог дал все, чтобы танцевать — стояли в кордебалете! Труд и еще раз труд!

— *Чем наш танцовщик отличается от европейского?*

— Раньше наши танцовщики были атлетически сложены. Когда Большой театр приезжал на Запад, то толпы народа приходили посмотреть на богатырей. Помимо балета танцовщики занимались восточными единоборствами, карате, штангой, то есть выглядели настоящими атлетами.

Еще технически сильно развивалась дуэтная школа — так на Западе никогда никто не танцевал, они не могли поверить своим глазам, когда видели поддержки, как можно подбрасывать, крутить партнершу и т. д. Сейчас все изменилось. У нас стало меньше мужественности в танцовщике, меньше хорошей школы.

— *У вас частный театр, как выживаете?*

— Частный театр поставлен в катастрофически неравные условия, моя компания — единственная балетная в Москве. Единицы антрепризных театров еще держатся в столице.

— *Какой выход?*

— Работать, искать интересные проекты, спонсоров. Когда все хорошо — человек успокаивается. Почему волк побеждает? Он голоден и хочет есть. Артист балета, как и спортсмен, должен быть немного голоден. Как только танцовщик сыт и всем доволен — его уже мало что интересует!

Только единицы в сытом и довольном состоянии способны творить. Такие таланты есть, но артисту всегда должно чего-то не хватать!

— *Какие у вас мечты?*

— Моя мечта может показаться наивной, но мне так хочется, чтобы мир стал добрей!

МОТОЛОМ

бульвар

137-187 стр.

Проект
осуществляется
при поддержке
Федерального
агентства
по печати
и массовым
коммуникациям

Евгения БЕЛОКУРСКАЯ

От таракана

фото Владимира Чейшвили

■ Вы в детстве не мечтали стать ветеринаром? Этаким добрым доктором Айболитом, который будет бескорыстно лечить кошек, собак, обезьянок и прочую домашнюю и не очень живность? Наверняка мечтали... Однако детские мечты имеют свойство проходить, видоизменяться и забываться. Но поскольку ветеринары среди нас все же есть, значит, кто-то свою мечту донес до сознательного возраста, да еще и сумел воплотить в жизнь. А где у нас учат на Айболитов? Как выяснилось, в Московской Ветеринарной Академии имени К.И. Скрябина. Туда, в московский район "Кузьминки", я и отправилась...

Первое впечатление — академия очень большая. Она утопает в парке, и корпуса

показываются из-за деревьев совершенно неожиданно. Животные, правда, по территории не разгуливают, их содержат в специальных помещениях, где в прямом смысле холят и лелеют. К ним здесь относятся, в сущности, как к членам коллектива. Ветеринар вообще одна из тех немногих профессий, овладеть которой "без любви" невозможно. Если ты не любишь животных, ветеринара из тебя ну никак не выйдет... Некоторые уходят после первого семестра, когда понимают, что не могут выносить специфические медицинские запахи и зрелища...

Многие студенты считают, что их научат лечить только кошек и собак. Ну, в крайнем случае, хомячков. Ан нет! По меткому

До слона...

выражению одного из преподавателей, настоящий ветеринар должен уметь вылечить кого угодно: от таракана до слона...

Впрочем, учат здесь не только на ветеринаров. В академии четыре факультета. Самый популярный — ветеринарной медицины, где учат, собственно, на ветеринарного врача. Как мне пояснили в академии, ветеринар — это все-таки не медицинский работник, а сельскохозяйственный. Да и подчиняется академия не Министерству образования, а Министерству сельского хозяйства. И производственную практику студенты проходят, как правило, в хозяйствах Нечерноземья. А на практике бывает всякое. Известен случай, когда одна студентка, испугавшись живой, настоящей коровы, за-

лезла от нее на телеграфный столб, и ее долго не могли оттуда снять. Как ей это удалось, девушка потом объяснить не смогла...

Второй факультет — зоотехнологии и агробизнеса. Здесь готовят селекционеров-генетиков, пчеловодов, птицеводов, кинологов и других специалистов по разведению и селекции животных. Третий — факультет товароведения и экспертизы сырья животного происхождения. Если вы думаете, что товары животного происхождения — только мясо и молоко, то глубоко ошибаетесь. Тут вам и мех, и пушнина, и кожа, и много чего еще. И выпускники этого факультета как раз следят, чтобы все это было надлежащего качества... И, наконец, чет-

вертый — ветеринарно-биологический факультет, выпускающий ветеринарного врача-биофизика или биохимика.

Отношения в академии практически семейные. Например, регулярно проводятся “ректорские” встречи. На них не могут присутствовать преподаватели. Только ректор, Евгений Сергеевич Воронин, и студенты, которые делятся своими проблемами, предлагают что-то новое...

Вообще, пару раз у меня создавалось впечатление, что в академии царит коммунизм. В хорошем смысле этого слова. Например, абсолютно все иногородние студенты обеспечены общежитием. Академия даже предоставляет места в своих зданиях студентам из других вузов, где мест не хватает. Сотрудникам выдают

бесплатно квартиры... В общем, восьмидесятилетний год в мечтах Хрущева...

Практика

Но как же приятно, когда знания, полученные на занятиях, удается применить в жизни! Пусть даже и в экстремальной ситуации, как это случилось со студенткой третьего курса академии Машей. Ни о чем не подозревающая девушка отправилась на вечеринку к друзьям. И в самый разгар танцев и веселья раздался душераздирающий вопль, перекрывший даже грохотавшую музыку. Как оказалось, в доме жила кошка, как раз в этот день решившая окотиться. Поскольку Маша была гораздо трезвее всех остальных, да к тому же имела незаконченное ветеринарное образование, именно ее

отправили оказывать помощь животному. Как теперь вспоминает она сама: "Было, конечно, страшновато одной, но ведь это моя профессия — быть готовой в любой момент прийти на помощь. Может, это звучит немного пафосно, но я почувствовала, что стала опычнее и уже не буду бояться, если окажусь в подобной ситуации".

Или вот еще случай. Выпускник академии пришел работать в ветеринарную клинику. И принимает своего первого пациента. Им оказался красивый попугайчик. Хозяйка, девочка лет двенадцати, пожаловалась на то, что ее попугай, вообще-то говорящий, уже два дня упорно молчит. Врач осмотрел попугая. На первый взгляд, все было в порядке, но вот открывать клюв попугай тоже не желал. Тогда молодого ветеринара осенила догадка: "А он у вас ест?" "Нет, те же два дня и не ест..." Наконец, клюв удалось разжать, и обнаружилось, что попугай...запасал во рту корм!!! Хозяйка сказала, что подруга попросила ее поддержать у себя несколько дней хомячка, и попугай, видимо, насмотревшись, как тот делает запасы, решил подражать. "Лечение" выразилось в том, что питомцев просто "развели" в разные комнаты...

Не учебой единой...

Я поинтересовалась у Ирины Евгеньевны Акиншиной, заместителя декана факультета ветеринарной медицины и "главного активиста академии", как ее здесь называют и студенты, и преподаватели: "А чем живут студенты помимо учебы?" И получила честный и веселый ответ: "Да моими репетициями и живут!" Как оказалось, в академии есть студенческий театр, где днями и ночами пропадают "актеры". Приходится, конечно, пропускать иногда занятия, но все это, как заверяет Ирина Евгеньевна, потом "отрабатывается". А театр, в труппе которого около 40 человек, выступает на всех академических праздниках и даже участвует в фестивале студенческого творчества ФЕСТОС. Состав театра довольно регулярно обновляется за счет "свежей крови" — первокурсников...

Есть в академии и своя команда КВН, но поскольку ее актив — это те же "театралы", то они вынуждены разрываться между

репетициями. Но, как утверждает Ирина Евгеньевна, КВН тоже будет налажен в самое ближайшее время.

В академии есть не только веселые и находчивые, но и очень красивые. Например, студентка факультета ветеринарной медицины Ира Травкина в 2005 году стала "Мисс Обаяние" на московском конкурсе студенчества. На соревновании она показывала "номер с коровой", которую играли ее однокурсники. Говорят, зал просто лежал от хохота...

Творчеством занимаются не только студенты, но и сотрудники академии. Периодически они устраивают собственные концерты, которые по задору не уступают студенческим. А иногда собирается команда из преподавателей и студентов, и уже эта "сборная" готовит очередной капустник, посвященный какому-нибудь празднику. Академия часто участвует в городских праздниках — совсем недавно прошел экологический праздник в Кузьминках "Живи, Земля!", посвященный охране окружающей среды.

В академии — одна из самых оригинальных церемоний посвящения в студенты. Первого сентября на площадке перед главным корпусом проходит парад... животных! Не обходится и без приколов. Несколько лет назад на одном из таких парадов штатный козел вырвался из рук студента и резво бросился на одного из преподавателей. Видимо, имел к нему какие-то свои давние счёты. Но, как утверждают очевидцы, никто не пострадал, а козел еще раз подтвердил свое название.

Зимой каждый год проводится "День здоровья", когда все преподаватели выходят на лыжную прогулку в парк "Кузьминки". Корпоративный дух при этом, как утверждают они сами, укрепляется значительно сильнее, чем на всевозможных посиделках. А для студентов в конце каждого учебного года проводится спортивный праздник, где "академические" спортсмены доказывают, что ветеринары должны быть не только людьми образованными, но и физически сильными и выносливыми. Поди-ка удержи корову или лошадь, когда надо ей сделать укол! Так что спорт — это, можно сказать, часть профессиональной подготовки будущих ветеринаров...

Ежегодно проводятся научные студенческие конференции, международные научные

конференции и симпозиумы по актуальным вопросам ветеринарии, зоотехники и биологии. Так что, студенты имеют возможность не только изучать дисциплины по книгам в библиотеке (которая здесь, кстати, весьма солидная — 60 тысяч томов научных и художественных книг), но и быть в курсе актуальных проблем современной ветеринарии.

Лучшим студентам дополнительно к основной стипендии выплачивается стипендия "Надежда академии". Вот так вот — хочешь денежки, становись "надеждой"!

Казалось бы, когда летняя сессия сдана, тут бы и разъехаться по домам, отдохнуть, наконец. Но нет, студенты-"скрябинцы" (как они сами себя называют) и отдыхать предпочитают вместе. Этим летом они осваивали двухнедельный маршрут "Крымские каникулы". Это — 6 дней в горах, в окрестностях Бахчисарая, и 6 дней — на море. Сначала постоянные спуски-подъемы, где, как смеются участницы "Крымских каникул", "можно отлично похудеть", а потом — безмятежный отдых на пляже...

А знаете, какой главный лозунг студентов ветеринарной академии? "Чтобы жизнь прошла не даром — надо стать ветеринаром!"

Александра ЗОТОВА

Подарить праздник

У этой профессии нет точного названия. Сейчас появилось модное словечко "аниматор". Его советский аналог — "массовик-затейник". Ольга Макаренко — человек-праздник и в жизни, и в работе. В канун Нового года, когда так хочется волшебства, Ольга рассказала, как можно создать обыкновенное чудо из горсти карамелек, сплотить 2500 человек за три часа и заставить хоть кого-то поверить в сказку.

— *Оля, с чего все началось? У тебя театральное образование?*

— Я закончила Московский Государственный университет культуры и искусства с дипломом режиссера театрализованных постановок. Но поворотный момент был задолго до театрального вуза — на свадьбе моей сестры. Всю свадьбу — от начала до конца — я провела самостоятельно. Мне было тогда семнадцать лет.

— *Как ты готовила программу свадьбы, где искала шутки, игры?*

— Прочитала много-много всякой литературы по истории свадьбы, по традициям и т.д. Большинство игр и конкурсов я тогда позаимствовала из сборников. Сейчас стараюсь этого избегать — почему-то воспринимаю заимствование на уровне плагиата.

— *То есть сейчас ты придумываешь игры для праздников сама?*

— Понимаешь, я могу где-то вычитать какой-то необычный конкурс и сохранить его

суть, изменив условия, форму подачи. Вообще, у меня есть несколько тетрадок, в которые я периодически заносу всякие идеи, игры, шутки. Перед началом работы просматриваю весь этот материал. Идеи конкурсов иногда приходят из обычной жизни. Какие-то игры придумываю на основе упражнений по сценическому движению и актерскому мастерству.

— *Были в твоей практике какие-нибудь казусы?*

— Масса! Был случай, например, на новогодней школьной "Ёлке". Я была Дедом Морозом и весь праздник старалась говорить о себе в мужском лице — "я пришел, я знал и т.д.". После программы ко мне подходит мальчик лет пяти-шести с мамой, говорит, что подготовил Деду Морозу сюрприз. Прочитал стишок, я с ним поговорила... Через две недели встретила его маму. "Ну, как, — спрашиваю, — ребенку понравился праздник?" "Да, — отвечает она. — После него он неделю ходил довольный такой, только задумчивый. Потом подходит ко мне и говорит: "Мама, я все понимаю, но почему Дед Мороз на "Ёлке" сказал мне: "Я ПОНЯЛА тебя, внучек"?"

— *А как ты готовишь праздник? Вот у тебя появился заказ. Что дальше?*

— Первый вопрос, как лучше говорить профессионалы, — чего ты хочешь добиться в результате? Чтобы на свадьбе жених с невестой почувствовали себя единым целым?

Сплотить отделы в корпорации? Развить командный дух? Знакомство отделов компании между собой? От ответа на этот главный вопрос зависит все остальное.

— Ну, положим, заказ — корпоративная вечеринка; цель — сплотить отделы, выработать командный дух. Следующий этап?

— От этой цели сразу очерчивается определенный круг игр. Пишешь сценарий. Составляешь график репетиций. Вообще, работы хватает. Необходимо уточнить, например: место проведения, количество отведенного времени, состав гостей — все свои, или есть приглашенные, количество участников. Согласись, если в корпоративе участвует 80-100 человек — это немного. А когда — 2500 человек? Встанет вопрос: на каких площадках что будет происходить, где кто за что отвечает. Дальше нужно подробно прописать и проработать реквизит, подарки, призы, конкурсы. На празднике нет мелочей — каждый человек должен знать и понимать, что он делает, как его действия вписываются в общую картину.

— Это же масса работы! Сколько по времени занимает вся подготовка, начиная от момента, когда пришел заказчик и заканчи-

вая барабанной дробью перед началом мероприятия?

— Это невозможно точно сказать, всегда по-разному...

— Ну, на подготовку стандартного праздника сколько уйдет времени? В среднем?

— Нет понятия "стандарт"! И его не может быть вообще, потому что мы говорим о Празднике! Какой "стандарт"? Все

люди — разные, аудитория — разная, какой подход нужен, сразу никогда не определишь! Ну, например, для подготовки выпускного у нас ушло полгода. Из них около месяца — на решение всех организационных вопросов — кто где стоит, за что отвечает, во сколько подъедет автобус и т.д. Другой случай — был заказ на корпоратив. На подготовку ушло около месяца, а в результате — по ходу праздника пришлось менять планы: аудитория оказалась... своеобразная. Надо было срочно поднимать настроение, притягивать людей.

— И тебе это удалось? Как?

— Есть один прием. Прежде чем начать что-то говорить, нужно увидеть всех людей и послать им... внутренний заряд силы. Поймать и зацепиться за их взгляд. Из 50 человек за столом минимум пять — откликнутся, посмотрят. И я сразу знаю, что эти пятеро — мои союзники: они "выдернут" из-за стола еще пятерых, те — еще и так далее по цепочке.

— А случается такое, чтобы аудитория вообще не откликнулась?

— Не дай Бог! Бывает сложная аудитория, к которой трудно найти подход, но искать нужно — от этого все зависит. Существует способ привлечения внимания для работы в зале с людьми.

— Например?

— Например, свадьба. Все увлеченно едят-пьют. Надо что-то срочно менять. Я встаю в центр зала и говорю: "Кто не рискует, тот..." (Пауза...)

— ... тот не пьет шампанского!

— Вот, видишь? А ты, как ведущий, сразу вытаскиваешь девушку из-за стола: "Так, девушка, идите сюда, поднимем бокал с шампанским за молодоженов". Любая вечеринка — это не движение по заданной схеме, а мобильная ситуация, которая может измениться в любой момент. Мало наладить контакт с аудиторией, завести ее, нужно уметь поддерживать эту атмосферу. Поэтому, например, конкурсы я всегда "загатавливаю" впрок — как минимум в два раза больше, чем нужно. По этой же причине на ведущем огромная ответственность — улавливать малейшее изменение в общем настроении. Возьмем ту же свадьбу: надо дать людям сейчас пообщаться или же пора потихоньку увлекать народ конкурсами, иначе все уснут? И еще это — огромное напряжение в течение всего праздника. Именно поэтому нужна напарница или напарник, очень тонко чувствующий тебя.

— У тебя есть напарник?

— Напарница. Юлия Гениуш. Мы работаем вместе уже более трех лет. Важнейшая составляющая праздничной атмосферы — это музыка. От ее темпа, характера, а главное — своевременности — зависит очень многое. И в этом отношении мне просто повезло с Юлией: она превосходно разбирается в музыке и отвечает за музыкальное сопровождение. При этом с полуслова понимает меня. Я могу просто помахать руками, пытаюсь выразить, какое настроение нужно, а она ставит подходящую композицию.

— Прости за нескромный вопрос, сколько ты сейчас зарабатываешь?

— Это зависит от количества заказов. Иногда в месяц может быть сразу 3-4 свадьбы или, положим, 1 свадьба и два корпоратива. Кроме того, цена на услуги чаще всего колеблется. Среднеарифметический заработок — от 10 тысяч и выше.

— Нервничаете перед выступлением?

— Жутко! Вплоть до дрожащих рук. И это — несмотря даже на то, что скоро 10 лет, как я этим занимаюсь. Причем успокаива-

юсь я не сразу. Если в свой очередной выход замечаю внимательные глаза людей и вижу в них огонек хорошего настроения, то тогда понимаю — все будет замечательно. С другой стороны, если я не нервничаю — это плохой знак. Значит, что-то забыла.

— Но ведь сложно работать вот так, на полной выкладке сил... или ты не устаешь?

— Работа ведущего — это огромное наслаждение. Но вообще ты права. Иногда так устаю, что, кажется, будто я без кожи — все нервы оголены. Это тяжело.

— И чем спасаешься?

— Ухожу в лес. Слышу только голоса природы, а не людей. Самое любимое занятие летом — искать грибы. Это ведь тоже праздник, когда долго ищешь, потом, наконец, находишь! Они же всегда разные, всегда такие красивые — некрасивых грибов не бывает!

— В обыденной жизни праздник сделать легко?

— На самом деле — да. Главное, по-настоящему захотеть. У меня был случай. В канун НГ я поехала поздравить свою тетю. Взяла с собой костюм Деда Мороза, купила подарок — хотелось ее разыграть. А когда поехала обратно на работу — через всю Москву, на другой конец — я решила не переодеваться. И, купив в палатке два кило карамелек, я отправилась в метро в костюме Деда Мороза. Видела бы ты реакцию людей! Подходили ко мне и, улыбаясь, говорили: "Здравствуй, Дедушка Мороз! Ты подарок нам принес?" И тут я, к их удивлению, доставала эти конфетки из мешка! У них — почти детское счастье в глазах! Потрясающе! Потом иду по переходу, вижу: компания подростков пьет из одной бутылки что-то алкогольное. Я подхожу сзади и говорю басом Деда Мороза: "Что ж вы ребята пьете, да еще и без закуски?" Они оборачиваются, видят меня и обомлевают. А я им сую в ладонь горсть карамелек. И глаза сразу засветились. Люди еще верят в сказку. Дарить праздник — это незабываемое ощущение. И иногда для этого нужно совсем немного.

И в самом деле — совсем немного. Всего лишь два кило карамели и огромное желание сделать праздник. А для этого совсем не обязательно быть профессионалом. ■

Кирилл ПОДОЛЯК

Времена года

■ *Близится Новый год — время, богатством чувств и переживаний не похожее ни на какое другое. Может быть, его придумали нарочно, чтобы дать нам, пусть и на короткий миг, но всё же поверить, что жизнь можно изменить, и обязательно к лучшему, что чудеса в нашем рациональном и прагматичном мире всё ещё случаются. Хочется чего-то необычного, сказочного. В эту волшебную ночь мы дарим подарки друзьям и получаем их сами...*

Канун

Все началось со знакомства на вечеринке у друзей. На дворе стояло 31 декабря. Город был поглощён предпраздничной лихорадкой. С полок магазинов сметалось всё, что только имело хоть какую-нибудь ценность. А из-за ночного снегопада улицы превратились в сплошную пробку.

Лишь одного укромного места в этом большом городе не касалась суета — там, где были Он и Она. Полным ходом шла дружная подготовка к празднику. Хотелось создать настоящую сказку.

Подарок на Новый год

Их глаза встретились на 12-й удар курантов. Осушив бокалы, девушка и молодой человек еще долго не могли понять, что с ними происходит. Они просто смотрели друг другу в глаза. "Разве можно понять, что-нибудь в любви...", — пел когда-то Булат Окуджава...

И что же дальше? Робкое слово, легкое головокружение, боязнь неведомого. Дух но-

вогодней праздности стремительно набирал обороты и, наконец, взорвался смехом, поздравлениями, объятиями. Он и Она, и никого, кроме них. Мир исчез, его больше не существует. Здесь и сейчас, кружась в медленном танце, они единое целое — они вместе!

Ночь. Фантастические фейерверки, кричащие подвыпившие толпы. Все хотели, чтобы мир услышал радость наступления Нового года. Пригнитесь! Летит снежок! В ответ другой — и понеслось... Снеговики, крепости, царь горы. Слово из неведомого мира пришла сказка и превратила обычную жизнь в снежное чудо.

Он и Она все время вдвоем — смех, радость, объятия, купания в снегу, догонялки — "Я и мечтать не могла о таком подарке на Новый год!"

Весна

Разгар страсти и чувств. Тающий снег, слякоть и постоянные дожди — какая мелочь! Как же приятно гулять по дорожкам просыпающегося парка, прислушиваться к журчанию вездесущих ручейков и радоваться каждой набухшей почке, каждому лучику солнца, отразившемуся в плывущей льдинке всеми цветами радуги. К концу апреля весна полностью восторжествовала. О зиме напоминали лишь кучки грязного снега в низинах и тени деревьев. У Них начали сбываться самые сокровенные мечты. Встречи. Какое счастье просто видеть друг друга, просто говорить, просто слушать...

Как сладко мечтать вдвоем: приятно, интересно, романтично. О чём угодно, ведь вся

жизнь впереди. Чудесная, сказочная... Словно это продолжение Нового года, волшебного, дарующего радость и надежду.

Каждый следующий день становился теплей другого. Тихие прогулки под звездным небом. Как бы хотелось, чтобы это длилось вечно. Но время не стоит на месте, и весну сменило...

Лето

Купаться еще холодно, поэтому самое время поехать по историческим местам. Усадьба за усадьбой, крепость за крепостью — что ни место — буря эмоций, сотни фотографий. Сама судьба дарила неописуемое наслаждение друг другом и окружающими красотами.

Отношения крепки, обещания, признания перешли на уровень вселенского масштаба. Что можно сказать? Он и Она были счастливы.

Жаркие дни ознаменовались походами друзей за город с ночевкой. Стало открытием, что Он умеет играть на гитаре. Песни, глнтвейн, костер, большое озеро, лес, бесподобные закаты — что с этим сравнится? Музыка природы и дружбы, звучащие в унисон! Но как бы им хорошо ни было — время неумолимо. Наступила...

Осень

Мокрые дни, промозглые улицы, засыпанные серой опавшей листвой. Из дома выходить лень, настроение гадкое. Большая часть общения проходит по телефону. Как-то незаметно возникли недомолвки, недопонимания, "недослышки". Они стали ссориться.

Он и Она встречались всё реже. Характер отношений почти не изменился, но у каждого

на душе появилась непонятная тяжесть. Признания в любви и обещания "до конца вместе", тем не менее, не прекращались. Но что-то происходило...

Мгновения, которые раньше воспринимались бы с бурной радостью — уже не волновали. Знакомство с родителями не принесло особых плодов. Каждый держался достойно — причин для претензий не было. Ведь они по-прежнему вместе.

Наступило затишье, словно перед сильным дождем. Солнце не грело, лед не отпустил уличные лужи, на деревьях не осталось ни листочка. Пришла...

Зима

Наступило время самого сказочного, самого любимого праздника, который рождает чудо, дарует пусть и иллюзию, но такую сладкую, что твоя жизнь вдруг волшебным образом повернется, закончится черная полоса и начнется бесконечная белая. Разочарования, неудачи останутся там, в той жизни, в старом году... В новом всё будет иначе.

Друзья старались: украшали ёлку, девчонки толкались у плиты... Он пришёл к друзьям и рьяно включился в подготовку к празднику. Один.

Она, тем временем, отправилась к хорошему подругам. Встречать собиралась с ними... Ей было тяжело, всплывали воспоминания прошлогоднего кануна. Хотелось забиться в какой-нибудь темный угол, подальше от людей и сидеть там хоть целую вечность. Подруги это чувствовали и старались всячески ободрить, заставить улыбнуться.

С каждым ударом курантов Он и Она, стоя на разных концах города с бокалом шампанского, становились мрачнее и мрачнее. К последнему удару у девушки заблестели глаза, а парень всеми силами пытался подавить комок, подступивший к горлу. Тут друзья не выдержали и задали долго мучивший их вопрос. Он и Она ответили одинаково: "В этом году мне сделали особенный новогодний подарок — мы расстались..." ■

Кирилл СОРОКИН

Гнев богов

Древние египтяне считали, что каждую ночь солнце (Ра, если кто забыл) подвергается нападению бога Апопа, огромного змея-разрушителя, живущего в подземном мире, по-гречески его имя звучит как "Апофис".

Привет из Голливуда

Сегодняшнее человечество куда разнообразнее развито, чем те египтяне. Потому фантазии наши не ограничиваются "божественной природой" всего происходящего. Нам подавай чего-нибудь позабористей, фильм-катастрофу, например, коих, слава Богу, фабрика грёз наснимала в изрядном количестве. Самый популярный из них, наверное, "Армагеддон". Припоминаете сюжет?

Оказывается, сценаристы, выдавая квинт-эссенцию дебрей своего воображения, были не настолько уж и далеки от реальности.

Реальность

Как сообщают американские ученые, астероид 2004 MN4 (или как с 2005 года: 99942

Apophis), может упасть на старушку Землю в 2036 году. Этот небольшой астероид (всего 300-400 метров в поперечнике) способен нанести существенный материальный ущерб "встречающей" стороне (около 400 миллиардов в поперечнике), и предугадать размер человеческих жертв вообще не представляется возможным.

Поэтому ученые предлагают нанести угрожающий удар по астероиду с целью смещения, а если повезет, то и разрушения последнего. Однако говорить, что ларчик просто открывался, ещё рано.

Ликбез

Проблема состоит в том, что все траектории измеряются с определенной погрешностью. А в рамках этой погрешности существуют так называемые "замочные скважины" — области размером до 600 метров, которые "притягивают" к себе те же астероиды волею распределения гравитационных сил в солнечной системе. И ничего бы страшного, вот только проходя через них,

астероид изменяет траекторию своего движения.

Если отбросить эти скважины в сторону, то получится, что вероятность падения астероида на Землю равна одной пятнадцатитысячной, что не много. Однако на пути космического тела могут оказаться целых три "замочных скважины", что в самом неблагоприятном случае повысит вероятность "свидания" в полтора раза, что уже слишком много, учитывая масштаб возможных разрушений.

Апофис

С 2007 года по 2012 Апофис пройдет близкий к Солнцу участок орбиты, и наблюдения за ним будут затруднены. В свете этого, ученые хотят расположить на нем радиопередатчик. Но время крайне ограничено, ибо эту операцию необходимо выполнить быстро. Почему лимитирован срок? Да потому, что надо еще подготовить ядерный заряд, способный, как минимум, сместить траекторию астероида. Некоторые остряки даже называют этот заряд Ра.

В 2029 году в ночном небе Европы и западной Африки Апофис станет виден невооруженным глазом, причем, как звездочка, немногим менее яркая, чем Полярная.

Эпилог

О реальности подобного развития событий можно говорить хотя бы потому, что NASA методично выполняет свой план — вычисление к 2008 году траекторий 90 процентов околоземных космических тел, способных угрожать нашей планете столкновением и насчитывающих не менее 960 метров в диаметре. Так что, ситуация под контролем. Хотелось бы только, чтобы оборонные возможности человечества от подобного "гнева богов" соответствовали масштабам угрозы.

Но это уже задачи ученых. Нам же остается уповать на их профессионализм и надеяться, что все закончится хеппи-эндом, как в голливудских сказках.

Счастливого Нового года!

Рано или поздно все кончается. Подходит к концу и служба кадрового военного. Сладкие слова “дембель” и “пенсия” становятся все ближе и реальнее. Многие офицеры и прапорщики в этот период заводят календарик, где каждое утро вычеркивают оставшиеся дни. Правда, “календарик” — понятие растяжимое, я видела однажды, как суровый седой подполковник повесил у себя в кабинете красочный плакат во всю стену, на котором алой гуашью было написано: “До пенсии осталось:..”, а под этими словами виднелось квадратное окошечко для вставки листов формата “А4” с днями. И, что характерно, плакат офицер рисовал сам, не доверив его солдату!

От всего можно устать, устают люди и от армии. Как правило, к пенсионному возрасту у офицеров есть уже взрослые дети, обширное дачное хозяйство, подержанная машина, радикулит, почки, хронический “пофигизм” и привычка все время таскать с собой нитку с иголкой. У них испорчен лексикон: “Я прибуду на дачу во столько-то...”, “Магазин дислоцируется там-то...”, и это останется с ними на всю жизнь. Над ними подшучивают близкие. Более “удачливые” друзья при встречах спрашивают: “А ты все воюешь?” и делают сочувственную гримасу. Одним словом, армия вращает в человека и становится его второй натурой.

Кстати, именно из-за этого “врастания” офицеры порой не хотят уходить на пенсию. Есть даже армейский афоризм: “Знаете, какие три вопроса волнуют армию? Первый: как заставить лейтенанта служить? Второй: как заставить майора жить с женой? И третий: как уволить полковника?” И сидят иногда в частях даже не просто пожилые, а старые, седые мужчины, “дембель” для которых — смерти подобен. Часто это — старшие прапорщики, а вот почему именно они, не знаю.

Увольняться не хотят не только потому, что некуда будет податься после службы. Иногда дело еще и в отсутствии жилья, а эта проблема будет почище всех сложностей с трудоустройством. Я лично знаю пару десятков офицеров и прапорщиков, которые из-за всех сил тянут с увольнением или вообще выходят “за штат”, надеясь вырвать-таки у государства воделенную жилплощадь. Что такое “за штат”? Это состояние, при котором военнослужащий вроде бы остается военнослужащим, носит погоны и даже ходит на службу, но не занимает никакой должности — то есть пребывает вне штатного расписания. Обычно его назначают в чье-то “распоряжение” и используют по мере необходимости. “За штатом” можно зависнуть на годы! Помню, был один старший прапорщик, который

Уйти красиво

прожил так пять лет и все-таки дождался квартиры.

Часто "дембелям" со звездочками в погонах вместо жилья предлагают жилищный сертификат. Закон гласит, что сей документ является адекватной заменой квартиры, но военные почему-то (интересно, почему?) сертификаты берут с большой неохотой. Ведь бумажка есть бумажка, а иметь свой угол все-таки хочется...

Однако я отвлеклась. На самом деле, таких вот "стойких" в армии не слишком много. Подошел человеку срок, и он в приподнятом настроении спешит в отдел кадров оформлять себе "вольную". А бывает, что и срок еще не подошел, а на свободу уже так хочется, что наплевать и на пенсию, и на выслугу лет, и на безопасность родного государства. И начинает человек писать рапорта...

Вот сейчас все военные, которые читают эту статью, дружно поморщились. Гражданские, скорее всего, нет. А почему? Да потому, что гражданские люди — работают, и законом для них является КЗоТ (хотя, конечно, где как...), а военные — служат, и закон у них — Устав. Ну, в крайнем случае, свод законов о прохождении военной службы. А там увольнение по собственному желанию... нет, оно, безусловно, предусмотрено, но... в общем, просто так из армии не уйдешь.

Гражданскому что? Написал заявление, отработал две недели и — гуляй, Вася. А человек в погонах должен свое желание бросить службу грамотно обосновать, иначе его не уволят или уволят, но по другой статье: "Нарушение условий контракта" или того хуже "Дискредитация звания военнослужащего", даже если никакой дискредитации и близко не было. Все зависит от его отношений с командованием. Но иногда — и от собственной находчивости...

История первая. "Большая шишка"

Надоело капитану служить. Ну, надоело! Еще и тридцати лет парню не исполнилось, а он уже осознал до глубины души, что профессию выбрал абсолютно неправильно. Не "прикалывали" его погоны, строевые занятия, стрельбы. Раздражали солдаты. Начальники казались поголовно профнепригодными, злыми и ограниченными. Но вот заметить капитана на его должности было некем, и командир вынес вердикт: "Не уволью! Хоть Президенту пиши!".

Беспокоить Президента капитан, конечно же, не стал. У него уже созрел другой план, получше. Дело в том, что носил наш герой очень распространенную фамилию — Климов (фамилия, конечно, изменена), а вы можете представить, сколько Климовых в Российской армии? Поэтому, естественно,

нашелся у капитана однофамилец и в Министерстве обороны. Ему бедолага и написал письмо. Прямо так: Москва, Министерство обороны РФ, генерал-лейтенанту Климову Н.В. Заклеил конверт и перед отправкой зашел на минутку в строевую часть — марку попросить. Девушки, работающие там, уговорили его на чай. А письмо все полчаса чаепития валялось на видном месте, на столе, поверх других бумаг.

И что же? На другое утро капитана вызвал командир и с ходу заорал: "Да ты что?! В Министерство на меня стучать?! Ах ты, такой-раздакий, если ты блатной генеральский сынок, так и надо было с самого начала говорить, а не тут передо мной невинную жертву разыгрывать! Давай свой рапорт, и чтобы духу твоего здесь не было!"

Естественно, никуда свое письмо капитан не отправлял и отправлять не собирался. Оно и нужно-то было лишь затем, чтобы местные сплетницы командиру доложили... Вы спросите, что было в письме? Да ничего, чистый лист бумаги.

Но не всем повезло иметь такого знатного однофамильца. Бывает ведь, что и фамилия у тебя довольно редкая, и командир не такой доверчивый. Но фантазию, как говорится, не пропьешь!

История вторая. "Клептоман"

В этой истории служить вдруг надоело майору. Старинный приятель неожиданно предложил хорошую работу в солидной фирме, нарисовал радужные перспективы, а тут еще жена, как узнала, сразу начала клянчить шубу... В общем, решил майор уволиться. Но как? В подчинении у него целое подразделение, недобор в части огромный, по собственному не отпускают, а по дискредитации как-то не хочется.

Думал он целую неделю, а потом неожиданно для всех в части начали пропадать вещи. Сначала кто-то стянул мобильный телефон у замполеха, потом из автопарка исчезла запаска от командирской "Волги", через пару дней в кадрах не досчитались нового картриджа для принтера, а еще через несколько дней неизвестный злоумышленник срезал телефонный аппарат у замполита, бу-

квально из-под носа, когда бедняга вышел в войсковой магазин за сигаретами.

Началось разбирательство, и выяснилось, что украл все эти вещи честнейший человек — майор, командир подразделения, "отец" солдат и вообще душа компании. Только украл-то он украл, но как-то странно... Все похищенное лежало у него в кабинете, в углу, сваленное в кучу. Майора вызвали на ковер, и тот признался, что в последние недели испытывает непреодолимое желание воровать. Любой предмет, не прибитый к месту гвоздями, так и просится в руки. И сделать с этим ничего не получается.

"Я даже к психиатру ходил, — развел руками майор. — Он говорит, что я здоров, просто симулирую..." Командир задумался. Вроде хороший человек, во всем честно признался, попросил прощения, вернул все вещи... но часть все-таки образцово-показательная, а тут такое. Но с другой стороны — а кто будет служить? Подумал он и решил майора простить. А в качестве профилактики выписал ему неделю ежедневных бесед с замполитом на предмет облика российского офицера.

Но не прошло и двух дней, как снова случилось ЧП: исчез со склада связи маленький цветной телевизор. Кинулись к майору и, конечно же, нашли пропажу. Майор, едва не плача от стыда, притащил телевизор обратно, долго извинялся, а на следующий день украл ящик тушенки. И так далее... Он крал много, часто и самозабвенно, списывая все это на странную манию, одолевшую его в последнее время. Подумав, командир отправил его в военный госпиталь на консультацию к психиатру, но тот никаких отклонений у офицера не нашел и посоветовал ему высыпаться, чаще гулять и пить витамины.

Дело начало принимать комичный оборот: военнослужащие уже хихикали, услышав фамилию воришки, и ни о какой воспитательной работе в подразделении говорить не приходилось.

Чем же все кончилось? Майора уволили, конечно. Но, памятуя его немалые заслуги перед частью, милостиво разрешили уйти "по собственному", чтобы не портить человеку биографию. Уходя, он не удержался и

стацил у командира маленький приемник, хотя накануне поклялся самому себе, что "завязал". Заразительная, видно, штука...

А помните отмену льгот для военнослужащих? О, это было самое что ни на есть экстремальное время! Мы мало задумываемся о подобных проблемах, но командиры частей в те нелегкие дни просто хватались за головы: а кто служить-то будет?! Сами посудите: часть находится где-нибудь у черта на рогах, а половина кадрового личного состава живет на противоположном конце области. Что получается? А вот что...

Здесь (с разрешения автора) я привожу полный текст рапорта с просьбой об увольнении:

"Прошу уволить меня с военной службы в запас в связи с тем, что отмена бесплатного проезда сделала для меня невозможным дальнейшее прохождение службы. Я добираюсь в часть следующим образом: троллейбус, метро, электричка, маршрутка. Итого: туда-обратно получается $(11 + 13 + 35 + 12) \times 2 = 142$ рубля в день или более 3000 рублей в месяц. Мне это не по средствам, так как у меня двое детей. Специальная компенсация проезда у нас не предусмотрена. Компенсацией служит выплата надбавки "за сложность и напряженность", которой вы лишили меня еще в прошлом квартале".

Это не шутка, это самый настоящий рапорт знакомого мне офицера. И подобных рапортов было много.

Уходить из армии тяжело. Дело не только в том, что менять работу всегда трудно, а в том, что привыкаешь к образу жизни и даже представить себе не можешь, как это так — не носить форму, не ходить на совещания, не сидеть с солдатами в курилке, не слышать в свой адрес слова "товарищ" (ведь, как ни крути, армия — почти единственное место, где это слово еще звучит), не собирать "тревожный чемодан", не прятаться от начальника... Но если ты твердо решил уйти со службы — лучше уходи. Да, будет в душе какое-то странное чувство огромной потери, которую ты не осознаешь. Будет армия сниться месяцами. Будешь ты, по привычке, пы-

таться отдать воинское приветствие встречному офицеру на улице. Даже говорить ты будешь еще долго как военный, а в одежде невольно начнешь предпочитать оттенки защитного цвета...

Мой отец как-то сказал: "Армия — это как Родина. Серьезно, без пафоса! Бросил ее — значит, потерял. Сколько раз ни пытайся вернуться, все равно не приживешься". По моему, хорошо сказано.

Помните армейскую байку "Дембель неизбежен"?

"Дембель неизбежен", — сказал "дух", вытирая слезы половой тряпкой.

"Дембель неизбежен", — сказал "расслабленный", переворачиваясь на другой бок.

"Дембель неизбежен", — сказал "дед", закусывая водку селедкой.

"Дембель неизбежен", — сказал "дембель", и двери электрички за ним захлопнулись.

Примерно то же самое можно было бы придумать и для офицеров, и для остальных. Даже для женщин, ведь и им однажды приходится идти в последний раз от штаба к КПП. Каждый военный знает, что служба однажды кончится. Кто-то с нетерпением ждет этого дня, кто-то думает о нем с ужасом, но счастливее всех те, кто об этом дне вовсе не думает. Ведь существуют на свете истинные военные, для которых армия не кончается никогда, они не просто служат, а живут в ней, защищая мир, в котором живем мы...

Вы знаете, сейчас, слыша анекдоты про военных, я не смеюсь. Мне хочется иногда снова оказаться среди них и попытаться понять то, что еще не поняла. Но, может быть, это поняли вы?

Ну вот, мои дорогие читатели, и закончился цикл статей об армии. Надеюсь, вы узнали много нового и хоть чуть-чуть иначе взглянули на интересный и своеобразный мир людей в форме.

На этом я пока прощаюсь с вами и желаю всего наилучшего.

Искренне ваша, ефрейтор запаса

Екатерина ПОСТНИКОВА.

Анжелика ПОДОЛЯК

Сладкий поцелуй от Джессики

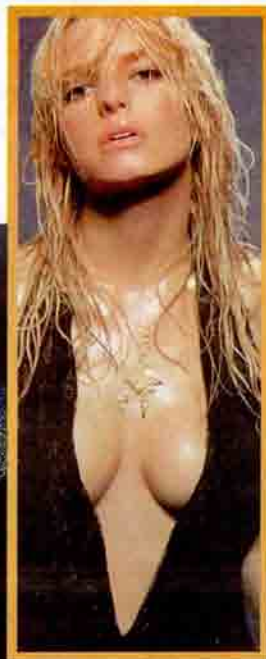

**Как
всегда,
с пеленок**

Стать звездой — мечта ее детства. Даже неудачная попытка пробиться в члены Клуба Микки Мауса в 12 лет не сломила ее стремления к большой сцене. В то время она уже пела в церковном хоре в местной баптистской церкви, что помогло Джессике развивать свой талант. Заслушиваясь в юности Селин Дион и Шанаей Уэйн, она перенимала все то, что в будущем помогло создать что-то свое.

В тринадцать лет во время отдыха в лагере, Симпсон исполнила капеллу

"Amazing Grace", которая положила начало работе над ее собственным альбомом церковной музыки. Три года спустя она начала принимать активное участие в концертах Христианской молодежи. Большую роль в ее будущей карьере сыграли дедушка и бабушка, которые ее спонсировали и знакомили с нужными людьми шоу-бизнеса. В результате приложенных усилий удалось выпустить долгожданный альбом, который мгновенно раскупили, что привлекло внимание крупных звукозаписывающих компаний. Следующим прорывом стало участие в открытии выступления Рикки Мартина во время его мирового турне.

Некоторое время спустя Симпсон подписывает контракт с Коламбиа Рекордс и в возрасте 17 лет выпускает полноценный дебютный альбом "Sweet Kisses". Далее последовал тур с группой "98 degrees" (1999 год), который завершился романом Джессики с одним из членов этого коллектива — Ником Лише, а несколько лет спустя они поженились.

Тяжело быть монополистом

Джессике часто сравнивают с Бритни Спирс, чего она очень не любит. Ей хочется быть индивидуальностью, но, к сожалению, на фоне множества конкурентов она не выделяется.

Джессика утверждает, что у нее дружеские отношения с Кристиной Агилерой и Бритни Спирс. К тому же их альбомы по-разному подаются слушателям. Если Бритни и Агилера предстают в образе бескомплексных девушек, то Симпсон проповедует "целомудрие". Молодая звезда говорит, что чувствует свою ответственность перед слушателем и ей очень жаль, что почти никто из современных исполнителей не задумывается над тем, что для кого-то они — пример для подражания. Но тем не менее, несмотря на такие правильные заверения, Джессика считает себя "большой девчонкой". Предпочитает носить короткие юбки, шорты, бикини. Чем весьма шокирует окружающих.

Последствия значения не имеют, извиняться и оправдываться у нее и в мыслях нет. Единственный, перед кем она "будет отвечать, — это Бог". Но есть вещи, которые на публике все же делать не рекомендуется. Ник Лише, муж певицы, как-то признался, что они "любят ходить по дому голыми".

Успех требует жертв

Большую роль в концертной жизни Джессики играет ее мама, моделирующая все наряды дочурки. Несмотря на христианские порядки в семье, они получаются не менее сексуальными, чем у других звезд. Возникает тогда вопрос — в чем отличие от той же Бритни? Но это не лишает Симпсон гордости за свою маму и не мешает ей производить нарядами потрясающий эффект на сцене и в жизни.

Был случай, когда во время выступления у Джессики разлетелась молния на штанах. Вызванный этим шок чуть не сорвал все выступление. Положение исправила мама, которая присутствует на каждом концерте дочки. У нее оказались запасные штаны. Исчезнув за сценой, молодая звезда быстро переоделась и никто ничего не заподозрил.

Когда-то все выступления Джессики сопровождалось танцами с ее участием, но в последствии она от них отказалась, мотивируя тем, что ей это "не подходит". На самом же деле однажды произошел неприятный момент, связанный с танцами. Симпсон обычно ходит на высоченной платформе, потому как без ума от всего, что делает ее выше. Это произошло в Лас Вегасе, когда, не успев допеть заглавной песни, певица не удержала равновесия и упала. Естественно, зал разразился смехом. Пришлось приложить огромное усилие, чтобы в слезах не убежать со сцены и закончить концерт.

Ох уж эти звезды!

Джессика часто жалуется на режим своего питания. Она никак не может заставить себя есть правильную и здоровую пищу. Во время длительных гастролой по другим странам одной из главных проблем становится — еда. Не везде можно найти привычные гамбургеры, а поглощать "тараканов

или лягушек" нет никакого желания. Симпсон считает себя "суррогатоманкой", еще она без ума от любого рода жареной пищи, приправленной кетчупом. Но, как видно, быть стройной ее пристрастия к еде не мешают.

Певица ведет дневник, который одновременно является и "письмом к фанатам". Если вначале она записывала свои достижения, места, где ей довелось побывать, то с каждым новым успехом, с каждым месяцем все удачи стали сами собой разумеющимися — ведь она — Джессика Симпсон. Теперь записи начинаются с извинений за то, что долго не могла написать. Далее описывается очень кратко какое-нибудь событие, обычно не представляющее собой ничего интересного. В конце следует множество благодарностей и благословений. По дневнику можно легко проследить, что делает шоу-бизнес из человека. Симпсон, как и любой из смертных, не застрахована от мании величия.

Молодая звезда — весьма занятая девушка. Постоянные встречи, съемки, концерты, светские вечеринки, ночные клубы заполняют все ее время. Даже с мужем она по-

рой неделями не видится. Очень редко удается вырваться и навестить родственников в Уэйко — бабушку и дедушку, которых она обожает. Все же они многое сделали для ее карьеры.

Семейная жизнь

Замужество наложило множество новых обязанностей. Предстояло научиться некоторым премудростям семейной жизни. Живя вместе, Джессика и Ник узнали много нового друг о друге. Муж оказался просто помешанным на спорте и во время различных матчей не отрывается от телевизора. У жены же есть дела и поважней. Но большее удивление вызвало то, что Джессика не имела практически никакого представления, как вести домашнее хозяйство. Для этого Ник нанял женщину, которая должна была на своем примере обучить неопытную жену.

Все время до замужества Симпсон гордилась тем, что она девственница и христианка. После замужества, естественно, она лишилась невинности. По ее словам, ей еще мама сказала сохранять целомудрие до брака, и она последовала ее совету. Но первый настоящий поцелуй, несмотря на семейные порядки, произошел у звезды в 14 лет.

В ближайшее время молодожены не планируют заводить ребенка. "Мы только-только начали заниматься сексом!" — говорит Джессика в интервью "Us Weekly". Пока они просто хотят пожить в свое удовольствие.

Но свадьба не сделала их ближе, в географическом отношении. Съёмки, мировые туры, работа в студии — продолжились. Тем более дела у каждого идут в гору. И Ник в одном из интервью шутя заметил: "Мало секса".

Жизнь в браке легла в основу текстов альбома "In This Skin". Например, в песне "The Sweetest Scent" она поет о том, как занимается любовью с Ником. Весь альбом посвящен отношениям молодоженов. Этим Джессика хочет всем показать, что она повзрослела и может сама писать хорошую музыку.

Симпсон любит писать песни, а еще больше она любит писать их с Ником. Но жизнь звезд очень насыщенная, и времени постоянно не хватает.

Интересные факты

Очень удивляет тот факт, что, несмотря на тусовочный образ жизни, певица находит время, чтобы встретиться с фанатами и подумать о детях из сиротских приютов. Иногда бывают необычные случаи, связанные с ее поклонниками.

Во время тура по Японии Джессике бизнесмен подарил кольцо. Это была благодарность за то, что музыка Симпсон его излечила от тяжелой болезни. Еще был случай, когда во время концерта к певице подошла слепая девушка, мечтавшая узнать, как же на самом деле выглядит ее кумир. Джессика так растрогалась, что даже хотела спеть дуэтом с этой девушкой, но охранник не позволил.

Певица ценит своих фанатов и постоянно общается с ними через свой официальный сайт. У кого-то может возникнуть подозрение, что на письма отвечает подставное лицо, но, по словам Джессики, она сама отвечает на все письма, при этом получая большое удовольствие.

Пишут все!

Симпсон проявила себя не только в написании песен, а также в написании книги "Как превратить свадьбу из мечты в реальность".

Сюжет довольно прост — она рассказывает о том, как развивались ее отношения с Ником: первая встреча, большая занятость обоих и другие преграды, создающиеся шоу-бизнесом. О том, что их "любовь прошла испытание временем". Также к книге прилагается DVD диск, на котором записаны фрагменты свадьбы. Возможно, у американцев это уже традиция — писать книги — заметьте, ведь там пишут все, кому не лень...

У Джессики есть свое теле-шоу, так же она принимала участие со своим мужем в проекте MTV "Молодожены", который сделан в стиле "The Osbournes". ■

Укрощение огнедышащего дракона

Максут Хундамов

Новый год в нашем сознании тесно связан с несколькими немногими, но от этого не менее обязательными вещами. Во-первых — хорошее застолье, во-вторых — обильная и разнообразная выпивка, в-третьих — бой хурантов, под который пьют шампанское и съедают бумажки с различными пожеланиями. Всем понятно, что ничего из написанного не сбудется, но от ритуала поедания "желаний" отказываться всё равно никто не собирается. Ну а после того, как всё проглочено и запито, самое время собственно веселиться. Огромным подспорьем в этом деле является различная пиротехническая продукция. И тут уж, как говорится, кто во что горазд, или у кого фантазия богаче (или кошелек толще).

Кого-то вполне удовлетворит один бенгальский огонь на всю ночь, кто-то не успокоится, пока не поднимет на уши весь район, выпалив в небо арсенал на пару-другую сотен долларов. И ладно бы дело этим и заканчивалось. Ан нет, к сожалению, пиротехнические увеселения зачастую имеют продолжение, причём далеко не радужное.

Всё в дыму

В московских травмпунктах новогодняя ночь — время сбора урожая. Причём настолько обильного, что у непосвящённого может возникнуть мысль о том, что в городе начались открытые боевые действия. После боя курантов в небо взмывают тысячи и тысячи ракет, каждый второй сугроб извергается фонтаном искр, а под ногами беспрерывно рвутся петарды, от которых диким воем орут все соседские машины, а от едкого порохового дыма начинают слезиться глаза. Всё это сопровождается общенациональным ликованием, братанием и соперничеством.

— Гляди! А моя-то выше взлетела!

И всё бы ничего, если бы вперемежку с этими радостными победными возгласами не раздавались и другие.

— Ой, а она вон в то окно только что залетела...

— Вась! Кажись, Петьке палец оторвало...

Обычно через несколько минут после левого шока, когда сквозь алкогольные пары до головного мозга дойдёт весь масштаб произошедшего — начинается паника. Вместо того, чтобы срочно искать оторванный фрагмент конечности, люди с криками убегают прочь. Другие, наоборот, недооценивают тяжести повреждений. Например, с ожогом глаза: "А, небось, к утру проморгаюсь". И каково же бывает удивление бедолаги, когда похмельным утром не то что проморгаться, вообще открыть отёчный глаз не удаётся. А если бы в компании нашёлся хотя бы частично трезвый человек, который бы не растерялся и сразу позвонил, куда следует...

Ведь современная хирургия вообще и реконструктивная в частности способна творить чудеса, но для этого пострадавшего и утерянный фрагмент его тела нужно оперативно доставить в больницу. Фрагмент — в чистом полиэтиленовом пакете, обложенный льдом, пострадавшего — с остановленным кровотечением, прочищенным разумом и максимально успокоенными нервами. Причём и то, и другое нужно доставить людям в белых халатах не позднее, чем через час.

Если пострадали глаза — везти страдальца уже никуда не надо, тем более в отпраздновавшей компании вряд ли найдётся трезвый водитель. Пациента нужно уложить и накрыть глаза стерильными салфетками и спокойно дожидаться врача. Для полной очистки совести не воспрещается закапать альбуцит.

Если вам повезло и у вас "всего лишь" ожог, не наделайте на радостях глупостей. Просто промойте рану холодной водой и наложите сухую стерильную повязку. Если не уверены в собственной целительской квалификации, не закладывайте под повязку никаких мазей, а просто ждите врача. И уж ни в коем случае не дезинфицируйте рану спиртным — получите химический ожог, страшнее термического.

Зачем нам всё это? — спросите вы. — С нами никогда такого не случится, мы всё делаем аккуратно. В том-то и проблема, что все, что ни происходит — творится где-то не здесь и уж точно не с нами. Я и сам так думал, пока в одну прекрасную новогоднюю ночь лишь по счастливой случайности не получил удовольствие лицезреть несколько своих пальцев отдельно от их законного местопребывания, а именно: моей же правой руки. И ладно был бы зверски пьян и не читал инструкций — ничуть. Просто само пиротехническое изделие инструкцию эту ни в грош не ставило и рвануло не после обещанной пятисекундной паузы, а сразу. После этого "сюрприза" я завязал.

История вопроса

Традиция громко взрывать и запускать в небо разнообразные огненные штуки пришла к нам из страны, также одарившей человечество порохом, птичьим гриппом и некачественным ширпотребом — из Китая. Там, бабахая на всю ивановскую, отгоняли злых духов. Должно быть, духов этих водилось немерено, так как, по воспоминаниям очевидцев-европейцев, незнамо как забредших в те далёкие края, за "небесными огнями" они света белого не видели.

Понятное дело, европейцы были далеки от мысли о духовной составляющей летающе-взрывающихся штуквин — ими

давно руководил дух материализма и капиталистической выгоды. А выгода прямая, пиротехника в то дремучее время — та еще диковинка, и как приятно на ней хорошенько нажиться. Однако наблюдалась проблема. Китайские братья держали процесс изготовления огненных "шутих" в строжайшем секрете, видно, хотели, редиски, монополизировать отрасль. Но история, как выяснилось, воспротивилась такой несправедливости, и в один прекрасный день тайна сия была благополучно выкрадена. С тех пор и веселимся...

А на Руси завеселились, согласно летописям, когда впервые упомянули об "огненных действиях" в XIV веке. В массы же забава пришла вместе с царём Петром, который, кроме всего прочего, заставил всех отмечать Новый год первого января, да ещё и ёлку наряжать при этом.

Рукоделие или рукоблудие?

Подавляющее большинство пиротехники, ввозимой в нашу страну из Поднебесной, производится, образно говоря, в китайской фанзе на коленке. Коленок обычно бывает

много, да и фанз таких по стране тысячи. Китайский рабочий отличается высокой производительностью труда и низкими потребностями в деньгах, сне и отдыхе. В итоге, получается, что за очень смешные деньги они ухитряются наклепать полным-полно всякой всячины, о качестве которой лучше всего промолчать со скорбной миной. Не проходит и года, чтобы какая-нибудь фабрика в Китае красиво не взлетела на воздух.

Но мало того, что исходный товар не выдерживает никакой критики, так ещё и при транспортировке не соблюдаются даже малейшие требования безопасности. В итоге, пройдя путь от китайской границы до московской Кольцевой автодороги, пиротехника становится опасна не только в применении, но и в самом факте своего существования. Почему же её покупают, если любой знает о таящейся в ней угрозе? Да потому, что цены более чем демпинговые. И родимый "авось" просто неискореним.

По сравнению с российскими и, тем более, европейскими аналогами, китайские поделки вообще бесплатны. Тем более, что за "брендом" нужно ехать в специализированные магазины, мало кто знает, где они находятся. Да и местонахождение это, по закону подлости, отнюдь не рядом с домом... А тут, вышел к метро и в любой палатке, предусмотрительно установленной на случай Нового года, тебе продадут даже чёрта с рожками, причём оптом. Опять же вопрос цены — ехать Бог знает куда, чтобы за 500 — 1000 рублей купить один, средней мощности салют, или за те же деньги, но рядом с домом приобрести целый арсенал...

Вот и получается, что качественный товар выбирается очень нечасто. А где-то в ноль часов тридцать минут первого января доморощенные экономисты начинают озадачивать местных эскулапов изощрённостью полученных травм...

Альтернатива

Бог с ней, с европейской пиротехникой, она действительно стоит неоправданно дорого, но почему отказываться от продукции отечественного производителя? Благо за последнее время ассортимент пополнился более

чем значительно, и не ограничивается, как некогда, одним видом бенгальских огней, одной ракетой и одной салютной установкой. Цена? Раза в два дороже китайского аналога, и то не всегда. Ракеты нашего производства стоят иногда даже дешевле. При этом соотношение цена-качество — просто чудовое.

Что не удивительно, ведь пиротехнику делают бывшие оборонные предприятия, в том числе Федеральный центр пиротехники при НИИ прикладной химии, который в своё время разрабатывал начинку для ракет "Алазань"... Чувствуете породу? Каждое новое изделие, прежде чем пойти в производство, сначала год-два обкатывается на полигоне. Поэтому коэффициент безопасности отечественной пиротехники максимально высок, что отмечается и зарубежными специалистами. Заводов по стране пока только четыре, но в будущем будет больше. За каждым из них неотступно следят пожарные и Федеральное агентство по боеприпасам. За китайцами никто не следит.

В конце концов, покупка китайского ширпотреба отнюдь не гарантирует красивого результата. Громко — да, красиво — отнюдь. Ведь, если помните, пиротехника в стране, где коммунизм улыбается капиталистическим оскалом, служит для того, чтобы напугать некоего духа, причём так, чтобы он весь ближайший год носа не показывал. В итоге, вряд ли вы сильно потеряете, если, вместо арсенала азиатских поделок с замысловатыми иероглифами, купите отечественного производства салютную установку залпов эдак на сто.

Техника в руках дикаря

Что же получается, забросить всё, а весь накупленный арсенал утопить в ближайшем пруду? Совсем не обязательно. Нужно лишь стараться соблюдать хотя бы простейшие меры предосторожности.

Во-первых, запускать пиротехнику должен если не трезвый, то хотя бы наименее пьяный субъект, причём настоятельно рекомендуется, чтобы этот доброволец уже имел опыт общения с огненными драконами. Одно это позволило избежать многих нежелательных последствий от обстрела соседских балконов до стрельбы прямой наводкой по собравшимся зрителям.

История из жизни.

Пару лет назад присутствовал при новогоднем импровизированном салюте на окраине Москвы. И всё бы было неплохо, если бы устроитель действия не решил под занавес огненной феерии запустить что-то совсем уж мрачное. Это была дура в полкило веса на полтораметровом шесте. Понятное дело, закрепить её в снегу строго вертикально не представлялось никакой возможности, да и торопились мы, публика начинала замерзать. Запустили так, как есть. Это "нечто", тяжело взлетев и медленно разгоняясь, совершенно не захотело лететь вверх и полетело вбок, по направлению к соседнему дому. До него метров двести. Вроде бы, не страшно... Но ракета без тени сомнений в три секунды преодолела это расстояние и на полном ходу влетела в открытый балкон девятого этажа... Пометавшись по нему некоторое время, она затихла. Потом был взрыв и много шума, по большей части от хозяев гостеприимного балкона. Как позже выяснилось, ракета попала в тазик с оливье, вынесенным на мороз за неимением свободного места в холодильнике. Содержимое тазика было размётано взрывом по всему балкону. Оливье покрыл его аккуратным равномерным слоем. И только по этой счастливой случайности не начался пожар.

Однако мы отвлеклись...

Во-вторых, какой бы бред на корявом русском не писали в инструкциях, читать их всё равно нужно.

В-третьих, поджигайте пиротехнику бенгальской свечой на вытянутой руке, ибо спички, зажигалки и прочие огнива не вполне надёжны, особенно в ветреную погоду с осадками.

В-четвёртых, никогда не наклоняйтесь над запускаемым предметом, если, конечно, не собираетесь добровольно остаться без глаз.

В-пятых, никогда не запускайте самодельную пиротехнику.

В-шестых, гоните зрителей как можно дальше от пусковой площадки. Вряд ли они упустят что-то ценное, если отойдут на лишних десять метров.

И, наконец, в-седьмых, никогда не разбирайте пиротехнические изделия.

Казалось бы, что здесь сложного? Ан нет, каждый год находится по полсотни индивидуумов, которым, судя по всему, и сам чёрт не брат. Только за прошлый год серьёзно пострадало более сотни человек. Мелкие пожары никто не считал, крупных было пять. Вдобавок спалили три машины.

Братья наши меньшие

Замечено, что кошки переносят новогоднюю канонаду гораздо спокойнее собак. У последних начинается жесточайшая паника, они начинают метаться по квартире, лаять, пытаются спрятаться. Если в момент начала артобстрела они на улице, хозяин рискует больше никогда не увидеть своего питомца. У четвероногих сносит башню, и они банально стремятся как можно дальше убежать от "ужасов войны". А если учесть, что ужас этот по всему городу, бегут они долго, и почти никогда не находят обратной дороги.

Что делать? — вполне резонно спросите вы.

Закройте окна и форточки и включите погромче спокойную мелодичную музыку, которая хотя бы частично будет перекрывать грохот взрывов. Если вдруг вашему питомцу приспичило, держите поводок крепче и смотрите в оба. Были случаи, когда ребятя для окончательного подъёма настроения себе и окружающим бросала петарды прямо под ноги собакам. Бедолаги, первый раз в жизни видя подобное, хватили адские машинки в зубы, вероятно, принимая незнакомый предмет за брошенную палку...

В обозримом будущем правительство собирается ужесточить меры по предотвращению запуска пиротехники в не предназначенных для этого местах. Имеются в виду штрафы. Взимать их будет, как всегда, милиция. Другое дело, какой сумасшедший блюститель правопорядка пойдёт в новогоднюю ночь задерживать какого-то нарушителя-пиромана. Учитывая, что весь город — один сплошной нарушитель. Или с другой стороны, сколько нужно для этого милиционеров? Не понятно. Ясно одно, ближайший Новый год справляем с чистой совестью.

С праздником! И будьте осторожны. ■

Горят фонарики

■ Ближится Новый год, и до его начала хочется сделать что-то особенное. Естественно, вы поставите елку, в очередной раз ее украсите, но в этом нет ничего особенного. Подготовка к празднику затронет и квартиру, чем тоже редко кого удивишь. Но если вы проявите немного творческих способностей, поработаете над своим компьютером, то лишите дара речи друзей, домашних, да и сами насладитесь проделанной работой. Сегодня мы поговорим о моддинге и о его разновидностях.

Слово "моддинг" происходит от английского "modify", что в дословном переводе значит — изменять, исправлять, дорабатывать, править и так далее, пока не надоест подбирать синонимы. Грубо говоря — это доведение до ума вашего "самого преданного друга", совмещающая приятное с полезным, а иногда и просто напоказ (кому как нравится).

File not found...

Кто первый — не известно, а тем более с чего все началось. В те времена — это было еще актуально, но все же находились умельцы, собиравшие компьютеры на "гвоздиках"

(все размещалось на книжной полке, либо крепилось на стену, разве что приводы и жесткие диски всегда располагались горизонтально), что в некотором роде тоже моддинг. Не редки случаи, когда за неимением АТХ-ного корпуса, у АТ-шного выпиливали "дырки" в задней части под разъемы (чем не доработка и не доведение до ума?). Подобные вещи начали творить еще в 1995 году, и основным мотиватором было отсутствие средств на что-то "полноценное". Да и цены на комплектующие тогда заламывали не самые низкие.

С годами компьютеры менялись, дешевели, становились мощнее и на данный момент их производительность избыточна, говоря о домашнем варианте. Ну а коли скорости хватает, то может возникнуть желание изменить невзрачную внешность компа на более приятную, чтобы внешнее содержание соответствовало внутреннему. Согласитесь, что в один и тот же, будь то убогий или крутой, корпус АТХ можно впихнуть как iPMMX200, так и iP4 EE 3.73 гигагерца или AMD64 Athlon X2 5400+. Вывод: пока не включишь или не спросишь — не узнаешь.

Еще одна из задач моддинга — единственный и неповторимый. Приклейте хотя бы наклейку, с обозначением того, что стоит внутри (продаются за 10 рублей и выше)...

На Западе давно "просекли фишку" и поставили это дело на коммерческие рельсы — лет 6 — 7 назад как минимум. О нас тут сказать нечего — все равно пользуемся "плодами" зарубежных производителей, за исключением творческих проектов, о которых поговорим чуть позже.

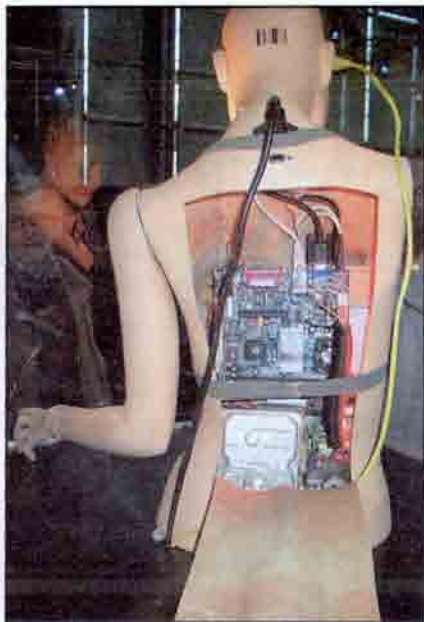
Приемлемо, дорого и очень дорого

Моддинг можно разделить на несколько групп: купил-поставил; купил — порезал — поставил; закупились — собрал "с нуля"; откопал нечто — приспособил; раскрасил. Чаще всего, когда речь идет о доработке или улучшении, имеется в виду именно корпус, но монитор, клавиатура, колонки, принтер и многое другое — этому тоже поддаются. Единственное ограничение — ваша фантазия и толщина кошелька. Если увлекаться серьезно и создавать что-то свое, придется тратить сотни долларов (в зависимости от идеи), а повезет, так выйдет и бесплатно.

Купил — поставил

Самый простой способ. Выбор причиндалов поражает своим разнообразием: корпусные вентиляторы, как простые, так и с цветными диодами, неоновые и ультрафиолетовые лампы, светящиеся шлейфы, лазерная подсветка, клавиатуры и мышки с подсветкой (кстати, удобно — в темноте не потеряешь). Некоторые устройства изначально делаются для моддеров, например, видеокарты со светящейся системой охлаждения, не редкость — материнские платы с разноцветными диодами, блоки питания — тоже с "лампочками". Стильность корпусу придают реобасы и фенбасы самого разного дизайна и чаще всего — отгадываете или нет? — с подсветкой. Оба устройства устанавливаются в 5,25 дюймовый отсек и отличаются друг от друга только количеством функций и настроек.

Фенбас — призван регулировать скорость вращения процессорного и корпусных вентиляторов, и при желании их отключать. Основ-

ная цель девайса — уменьшение шума, издаваемого блоком при работе, ведь не всегда обязательно, чтобы все пропеллеры работали на полную.

Реобас же повторяет фенбас плюс несколько дополнительных функций — показ скорости вращения вентиляторов, температуры процессора, системы, жесткого диска и многое другое, в зависимости от модели. Офигенно устройство по-разному. Какие-то экземпляры невзрачные, информация выводится на монохромном ЖК-экранчике, порой у таких штук даже иллюминации нет. Но есть очень изысканные варианты, когда на передней панели цветной ЖК-экран, способный выводить не только голую информацию, но и служить элементом развлечения (а'ля крутая автомагнитола). Наиболее шикарный вариант, когда индикаторы сделаны в стиле миниатюрных красиво подсвечивающихся "спидометров" (обычно три).

В реобас и реже в фенбас часто встраивают парочку USB-разъемов, разъемы звуковой карты (вход, выход, микрофон, нередко наличие места под Big Jack). В более дорогих мо-

жет быть кард ридер (для флэш карт).

Рядовому пользователю за глаза хватит и фенбаса. Но если вы не слышите, как работает этот ящик под столом или рядом с вами, то нет никакой надобности тратиться. А вообще, зачем все эти прищочки? — спросите вы. Но "крутые пацаны" — то знают, что пальцы гнуть — "мазево".

Купил — Порезал — Поставил

Навороты те же, зато выглядят уже более эффектно. Если в первом случае корпус пришлось бы все время держать открытым, купить с окошками или полностью прозрачный, чтобы видеть то, что "намодили", то во втором мы сами решаем, где проделать дырку под очередной вентилятор или окно (чаще всего по бокам; в качестве прозрачного элемента хорошо подходит оргстекло).

Вся работа делается доступными подручными средствами (молоток, зубило, дрель, отвертка, пила для ногтей). Но это не всегда удобно, поэтому моддеры используют "специально обученный" инструмент — дремель, которым сверлят, пилят, вырезают, отрезают без затруднений — хоть крестиком вышивая по металлу. Полезная штука, но стоит дорого. В зависимости от комплектации цена прилично возрастает. Конечно, если вы хотите серьезно поработать не только над своим

компом или открыть сервис "Вырезаем дырки" — смело приобретайте.

В корпусе с окошками хорошо смотрится одна или две неоновые лампы. Цена вопроса в пределах 300 рублей за штуку. Если покажется мало — подберите что-нибудь еще в нагрузку.

Некоторые энтузиасты меняют "лампочки" на клавиатуре и передней панели корпуса на более красивые. Процедура несложная, главное — припаять все так, чтобы не спалить всю микросхему. Наконец, если очень понравилось или нечего делать — установите вентиляторы дополнительного охлаждения в монитор. А что, пластик режется легко — вопрос только один — зачем?..

Закупился — Собрал с нуля

Именно этот способ является по-настоящему творческим и к чистому моддингу отнести сложно, так как идет не доработка, а создание. В данном случае вас может ограничить только наличие материалов, кошелек и идеи.

Почти в любой стране, где есть продвинутые пользователи-энтузиасты, открываются

моддерские клубы, в том числе и в России, где народ собирается, делится опытом, идеями, приносит свои творения, нередко дорабатывает компы на заказ. Часто проводятся соревнования по выбору лучшего "мода" (продукт творчества моддера). В интернете вы легко найдете сайты с фотографиями самых разных модов. Каждый корпус индивидуален, что увеличивает его привлекательность, в отличие от заводских штамповок.

Если в пределах вашей досягаемости имеется "клуб юных компьютералистов" — загляните, ведь наверняка они не откажут вам в совете или помощи или с радостью возьмутся за реализацию вашего проекта. Заказ будет стоить определенных денег — сами знаете, от чего зависит, но чаще всего "цена договорная". Но это если лень возиться самому.

Что же собрать с нуля? Все, что угодно. Варианты самые разные. К примеру, создайте нечто удобное — гибрид компьютера, светильника, цветомузыки и подставки под кружку или корпус, который гармонично впишется в интерьер вашей комнаты. Из ярких примеров стоит упомянуть: корпус из медных труб, материнских плат, видео- и сетевых карт; корпус в виде колеса от иномарки; корпус из металлических уголков и мелкой сетки в качестве стенок (сделан при помощи молотка и сварки), корпус в виде стеклянной сферы и многие другие. Все не перечислишь, ведь существуют тысячи разных работ.

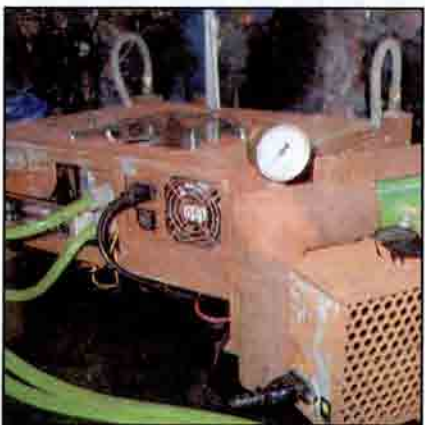
Откопал "нечто" — Приспособил

Выбор огромен, главное, чтобы все детали уместились и достаточно охлаждались особо горячие элементы. Под корпуса уже "заточили" кофеварку, микроволновую печь, мусорную корзину, "Ригонду", тумбочку и многое другое. Придумайте что-нибудь свое и смело воплощайте, ведь задумки могут быть очень оригинальными. К примеру, в качестве первого опыта можно использовать старый телевизор КВН, а его маленький экран приспособить под датчики (реобас, фенбас) и приводы. С виду получится диковинно, зато такому корпусу не будет страшен даже удар кувалдой, да и сверху можно поставить много всего, на-

пример, "сабвуфер" или здоровенную полку для дисков.

Этот вид моддинга интересен тем, что используется старый хлам и нет ничего интересней, чем вдохнуть в него новую жизнь. Также под корпус легко можно подогнать старый видеоманитофон, хотя не удивительно, если такой мод уже есть. Поэтому прежде, чем

что-то выбросить — подумайте, а не сделать ли из "мусора" что-то полезное...

Раскраска

Очень знакомо выглядит. Наверняка вы видели раскрашенные машины в разные цвета или с яркими изображениями. Последний вид компьютерного моддинга похож на авто-

мобильный. Представьте прозрачный корпус с красивой картинкой, которая изнутри подсвечивается разноцветными неоновыми лампами. Сногшибательное зрелище!

Нанести рисунок можно самому, если есть все средства и способности, главное — быть аккуратным, работать в респираторе и избегать попадания пыли на окрашиваемую поверхность. Идеальное место для творчества — гараж или там, где никто не додумается вдохнуть несколько тысяч вредных элементов в свои легкие. Основная возня придется на удаление старой краски и подготовку поверхности для нанесения новой. Естественно гуашь и акварель не подойдет — только автомобильная эмаль. Кроме того, можно смешать с краской или прозрачным лаком люминофор (порошкообразное вещество, по свойствам напоминающее фосфор) — днем будет набирать свет, вечером и почти всю ночь излучать его.

Бойтесь, не справитесь — ерунда. Доверьте все профессиональному аэрографу или зайдите на автосервис, где этим серьезно занимаются. В таком случае, от вас потребуется только четко сказать, что же таки вы хотите получить в результате.

Эпилог

Красиво, интересно, забавно — все это доработка и усовершенствование компьютера. Насколько оправданно и нужно ли — решать опять же вам. Если все же решитесь "поиздеваться" над вашим невзрачным другом, то помните, что навешивая дополнительные крутящиеся и светящиеся элементы — блок питания желателен мощный, например, 400 — 450 ватт. Хотя для пары дополнительных корпусных пропеллеров хватит и 350 ватт. Другой момент касается подсветки. Иногда она мешает или отвлекает, следовательно, стоит продумать вариант ее отключения.

А теперь, за оставшееся время до Нового года, если есть желание, попробуйте "нарядить" компьютер или хотя бы оставьте для него USB-флешку. Нельзя же оставить бедолагу в такой день без внимания... ■

Просто КИР

теле

История

■ Ветер носил по двору обрывки старых газет. Он вздымал в небо снежные смерчи и бросал их в лица прохожих. Ему нравилась эта игра. Лишь только увидев новую жертву, он буквально превращал её в Деда Мороза или Снегурочку, в зависимости от обстоятельств. На его несчастье, прохожих в этот поздний час было мало, и вскоре улицы стали совсем пустынными. Ветер немного поиграл с фонарём и, покружив ещё немного по двору, взмыл куда-то вверх и умчался прочь.

Я брёл по улице, втаптывая в землю свежевывающий снег. Ему это не нравилось, и он сердито скрипел под ногами. Москва прекрасна зимой, особенно ночью, после снегопада, когда не видно ни грязи, ни мусора, ни особенностей "архитектуры" спальных районов. Вот и сегодня наш дворик выглядел тихим и спокойным, будто и не было тут с утра сотен грузовиков, вывозящих строительный мусор.

Наш райончик видавших виды хрущёвок пошел под снос. Говорят, здесь построят новые элитные многоэтажки и суперновомодный гипермаркет. Некоторые даже якобы видели план застройки. Расселили нас оперативно, если не сказать больше. Обещали квартиры поблизости, но, как всегда, где-то что-то не получилось, и отправлять стали к чёрту на куличики, со словами "берите это, дальше ещё хуже будет". В итоге, я теперь — в Братеево, Гирькина так вообще сослала в Южное Бутово. Он долго сокрушался, что теперь до работы ему два часа добираться. Нет больше дво-

Образование

без продолжения

ра, где все знали друг друга, как облупленных. Один мой подъезд раскидали по одиннадцати районам Москвы.

А сегодня у меня ностальгия, захотелось, может быть, в последний раз увидеть до боли знакомые места, вдохнуть воздух, которым дышал всю жизнь... Но ничего этого здесь уже нет. Дома смотрят пустыми глазницами выбитых окон. Кое-где видны забытые вещи, сиротливо забившиеся в угол. Детскую площадку с деревянным грибом, который слышал не одну сотню сокровенных историй и откровенных признаний, обнесли бетонным забором, который уже успело припорошить снегом. Снег примиряет. Не так остро виден трагизм произошедшего. Преломляясь в свете единственного уцелевшего фонаря, он придаёт действительности налёт нереальности.

Но это сейчас. Я точно знаю, что уже через восемь часов сюда опять вернутся грузовики и рабочие. Нет, теперь уже совершенно ясно, возвращаться больше не хочется.

Конечно, расселять хрущёвки надо. И добрая половина разговоров у подъезда была только об этом. Но получилось, что когда пришли уведомления, никто не оказался готов, даже морально.

Расставались тяжело. Устроили общее застолье, но, даже изрядно выпив, никто не развеселился. Обещали друг другу приезжать в гости. Обменивались новыми телефонами. Прошёл уже месяц, а желания кого-нибудь увидеть так и не возникло.

Снова поднялся ветер. Видимо, там, куда он улетал, не нашлось достойных жертв. Теперь он взялся за меня и гнал прочь, к метро. Я не сопротивлялся. Он бросал в лицо хлопья снега, не давая обернуться, шумел деревьями, застревая в их макушках и свистя в паутине веток. В этой причудливой какофонии слышалось одно: "уходи...". Я не хотел видеть эти дома, а они — меня. Мы уже никто друг другу.

Час — в полупустом вагоне, двадцать минут пешком до квартиры — голые стены и вещи, сваленные в углу в огромных коробках. Единственное, что напоминает о том, что это всё-таки человеческое жильё — кровать да телевизор на тумбочке. Голые стены, как чистый лист бумаги, на котором можно написать всё что угодно. Как только что выпавший снег, который сохранит, пусть и ненадолго, следы всех тех, кто прошёл по нему. До следующего снегопада...

Новый год в этот раз воспринимается как-то особенно. Это уже нечто большее, чем просто прекрасный повод для застолья с друзьями. Сегодня это — поворот. Разумеется, не будет уже ни того Недовеса, ни меня, Сигарищенко. Нет, мы будем жить и дальше, где-то среди вас, но мы будем уже другими... Что же будет за поворотом? Покажет время. Прошлое остаётся в нашей памяти и живёт ровно до тех пор, пока мы живы и творим своими руками настоящее, готовя почву для чьего-то будущего...

С Новым годом! И да свершатся все ваши замыслы и начинания!

С любовью, **Ник Сигарищенко.**

Денис ЛОГИНОВ

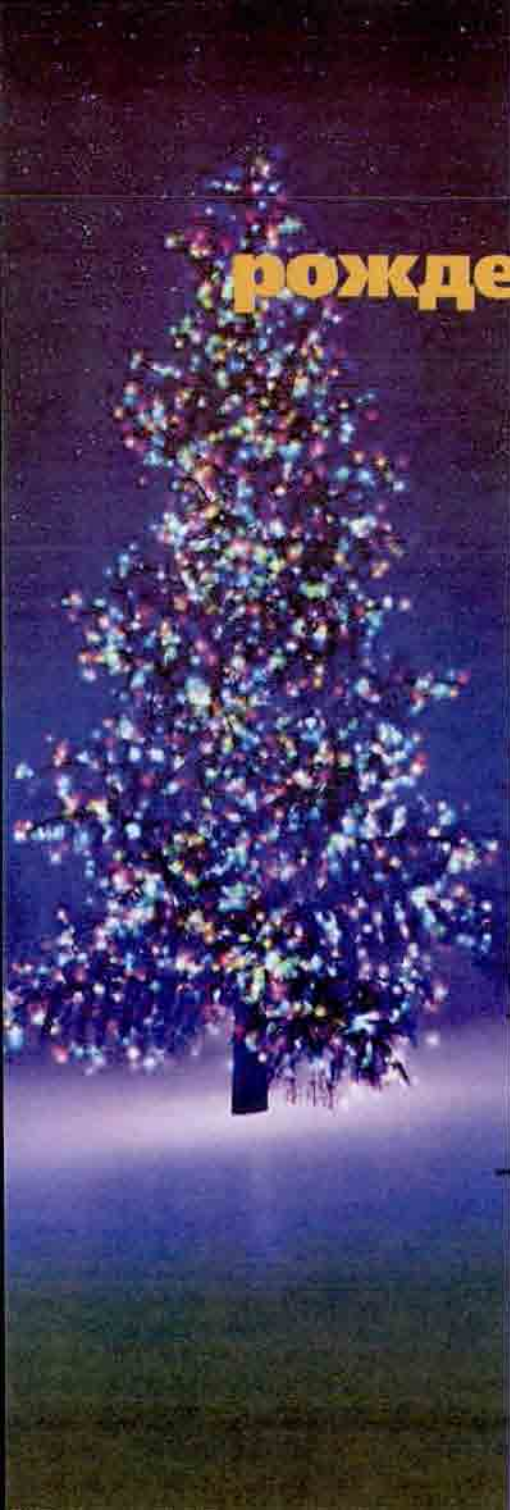
На родине рождественской ёлки

Среди тысяч и тысяч европейских рождественских базаров все-таки самый главный — во французском Страсбурге. Как правило, здесь устанавливают и самую высокую ёлку в Европе. Для нее на главной городской площади Клебер даже имеется специальное устройство, где по новейшим технологиям спиленную в горах красавицу увлажняют и питают специально подобранными смесями.

По традиции, высота ёлки не должна быть менее 30 метров. А пару лет назад верхушка рождественской красавицы даже уходила за три десятка.

Пальму, вернее, ёлку рождественского первенства жители Страсбурга держат неспроста. Ведь именно здесь, в Эльзасе, как доказано историками, христианский мир впервые стал отмечать Рождество и Новый год с елью. Случилось это в 1521 году, и только через 300 лет ёлка, в своей рождественской ипостаси, появилась в Париже.

Типичная и самая распространенная в европейских лесах вечнозеленая хвойная пирамида полтысячи лет назад стала символом райского дерева. И, чтобы придать ей истинно райский вид, зеленые ветви украшали красными яблоками. Но в 1851 году случилась сильнейшая засуха, яблок не было даже в северной дождливой Луаре. Чтобы не лишиться и так сильно опечаленную великой сушью паству веселого, светлого

праздника — священник одной из церквей в окрестностях Страсбурга попросил своего друга, отливающего на стеклотару, выдуть что-нибудь, напоминающее румяные яблоки. И тот выдул! И даже подкрасил особыми солями тонкое стекло.

Разноцветные шары пришлось как нельзя к месту. Люди, очарованные блеском и невиданной красотой хрустальных шаров, стояли в огромных очередях и расхватывали готовую продукцию прямо у дверей стекольных мастерских. У стеклодувов кончалось сырье — жители несли всю стеклянную утварь, бросали в огненные печи бутылки, вазы, вынимали из оконных рам стекла. Только затем, чтобы получить дюжину невесомых и хрупких шаров, конусов, пирамидок, которые вот уже полтора века именуются просто "ёлочными украшениями". А в целом за почти полтысячи лет для жителей Страсбурга и его окрестностей праздника эти стали поистине культовыми. С гигантскими роскошными базарами, полными немислимых яств, по-французски изысканных, и по-немецки изобильных.

Вы помните эти "вкусные" пушкинские строки:

*И Страсбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым...*

Здесь, в Страсбурге, это воспетое великим поэтом кулинарное произведение искать долго не пришлось. Оказалось, что главное рождественское кушанье не что иное, как запеченный в тесте паштет. Из мяса или дичи. Историки уточняют, что сам Пушкин предпочитал из гусиной печени. И нетленен пирог не в переносном смысле, а в самом что ни на есть прямом, практическом. Именно в запеченном виде он сохраняется довольно долго. Во всяком случае, путешествуя на лошадях в далекую от Страсбурга Россию, рождественский деликатес сохранял свежесть и вкус.

Уместно сказать, что богатый Эльзас не раз был причиной европейских войн, переходил из рук в руки. Менялась власть, мундиры, писались новые строгие указы и высочайшие повеления, но при любом режиме декабрь был месяцем празднеств и торжищ.

Вот и нынче городская казна не жалеет денег на украшения для площадей и домов. И, конечно, главная улица возле знаменитого розового кафедрального собора, как и в прошлые годы, обязательно освещена не какими-то там фонарями, а настоящими хрустальными люстрами, закутанными в тонкую шелковую кисею. Сверкающие гирлянды тянутся на 30 километров, в них вкручено 30 тысяч лампочек и специальная бригада скорой электрической помощи из Страсбургэнерго каждый день меняет

перегоревшие фонарики. Так что, даже в пасмурные зимние дни трудно понять, когда же город ярче: днем или вечером.

Но не Страсбургом единым жив эльзасец!

Чтобы в рождественскую, предновогоднюю пору найти провинциальный городок Оберне, ни освещенные дороги, ни подробные карты в общем-то не нужны. Ноги, как говорится, сами приведут. По запаху. Над праздничным базаром стоят густые ароматы копченостей, необыкновенно популярных в этих краях, граничащих с Германией и Люксембургом.

К колбасным ароматам здесь примешивается другой запах, не менее характерный. Исходит он от сверкающей медными боками установки с трубой и колесами, очень похожей на небольшой паровозик. Оказывается — это привычный для здешних мест самогонный аппарат. В исправном состоянии и высокой производительностью. Еще осенью в Эльзасе завершился винный сезон, но чтобы виноградные отжимки не пропадали, из них теперь, прямо на площади, при обильном интересе со стороны особенно мужского населения, гонят замечательный и очень крепкий напиток с пафосным названием "О де Ви" — "Живая вода". Вокруг на прилавках громоздятся изящные высокие тонкогорлые бутылочки. Угощают всех желающих. В крошечных рюмочках густятся вкусы свежих яблок, апельсинов, груш, вишен, малины и еще десятка самых вкусных запахов на свете.

И по воздействию на человеческий организм эта сорокапятиградусная вода действительно "живая"! Кругом непрекращающееся веселье, праздничные поцелуи и торговый энтузиазм. В довершение всего, в горячий виноградный жмых зарывают сосиски и томят в немислимом аромате.

И крепнет уверенность. Будь Александр Сергеевич с нами в эту эльзасскую пору — поэтических шедевров стало бы на порядок больше.

Ну, а если вам и этого мало и вы хотите... ну, чего-нибудь совсем уникального, то смело двигайтесь к прилавку Жозе Мориса. Он тут торгует колбасой. Но (не поверите!) из рыбы! Я, во всяком случае, не поверил, и тогда гостеприимный Жозе пригласил к себе на ферму, расположенную километрах в 20-ти, в Вогезских горах.

В чистых проточных прудах-траншеях здесь "ходят" крапчатые карпы. Из них делают салями. А в горных прохладных ручьях — форель. Она идет на колбасу и сосиски. Разумеется, на все нужно определенное время. Форель доходит до кондиции три-четыре года. К слову сказать, на колбасу обыкновенную идут уже годовалые поросята. Ну и возни с рыбой, конечно, больше. Работа тяжелая физически, а иногда и просто ювелирная. В конечную продукцию не должно попасть ни одной косточки. Самый ходовой инструмент — хирургический пинцет. Управляются со всем этим Жозе, его мать, отец, ну, иногда, под праздничную торговлю приглашают еще соседей помочь. Посмотрев на то, что здесь делают, а главное — попробовав, невольно начинаешь сомневаться в справедливости старинной советской поговорки, которая гласит, что лучшая рыба — это колбаса. Наверное, в редакции Жозе Мориса она звучала бы так: "Все-таки лучшая колбаса — она из рыбы!"

При этом Жозе гордо называет себя "природным антиглобалистом". То есть он за такую экономику, которая дает возможность выживать тем, кто творит что-то неповторимое. У него и в мыслях нет заговаривать на манер Мак-Дональда своей рыбной рождественской колбасой весь мир.

Пусть лучше гости со всего мира приезжают попить в эти места. Родина рождественской ёлки — это не только радость для желудка, но неплохая, а главное — очень полезная пища для ума.

Полина ТЕСЛЕР

Новый год у ворот

Новый год — это, пожалуй, единственный праздник, который приносит нам детское ожидание чуда. Причем касается это самое ожидание всех: и отъявленных скептиков, и реалистов, и тех, кто совсем отчаялся и не ждет от жизни никаких приятных сюрпризов. Мы, как дети, верим, что в эту ночь будет все совсем не так, как было раньше, что сбудутся все желания, что у нас все получится... А кто из женщин хотя бы раз не мечтал в Новый год побыть Золушкой — превратиться в сказочно красивую принцессу, от которой ни один мужчина на балу не сможет отвести восхищенного взгляда?!

Мечтали-то все, но вот получалось это отнюдь не у каждой. За пару часов до празд-

ника происходит до боли знакомая ситуация: ты стоишь в маечке и пытаешься понять, что бы такое на себя надеть. И, как назло, все сидит не так, все выглядит хуже, чем казалось ранее. "Молодой бульвар", как всегда, пришел на помощь своим читательницам и решил посоветовать, как избежать подобной ситуации.

Если в эту новогоднюю ночь ты решила стать покорительницей всех мужских сердец, необходимо знать, что молодые люди и девушки по-разному смотрят на предметы туалета. Наряд, от которого все твои подружки умерли от зависти, оценив его эксклюзивность и цену с внушительным количеством цифр, может оставить совершенно

равнодушной мужскую половину человечества. Знайте, любой женский прикид мужчины автоматически оценивает с точки зрения его сексуальности.

Под настроение, мальчики, конечно, могут поговорить о женском туалете с эстетической точки зрения, но ни один из них не будет рассматривать свою подругу или любую другую понравившуюся ему девушку как объект высокой моды. Так что у простенькой, но сексуальной юбочки гораздо больше шансов произвести фурор, чем у потрясающе стильного наряда. И еще, вы когда-нибудь наблюдали, как молодой человек, находящийся в обществе, оценивает противоположный пол? Его взгляд быстро и непринужденно скользит от одной женской фигуры к другой, но в какой-то момент вдруг останавливается на одном "объекте". Вы думаете, этот "объект" — самая красивая девушка? Ничего подобного! Мужской взгляд

продолжает свое приятное путешествие до тех пор, пока что-то не заставит его сфокусироваться, не зацепится за что-то. "И что же это может быть?!" — спросите вы.

Мы, девушки, обычно тщательно продумываем свой наряд сверху донизу, считая, что все его детали должны быть равноценны и безупречны. Но это серьезная ошибка! Одна из деталей должна быть ударной, то есть самой привлекательной. Совсем не обязательно, чтобы это были колготки в сеточку на длинных ногах или пуговичка, расстегнутая на груди. Главное — уметь сыграть на контрасте. Например, на одной шумной и многолюдной вечеринке все взгляды мужчин были прикованы к одной (кстати, не самой молодой и красивой) женщине. На ней было длинное, черное, максимально закрытое платье. Открыты только руки от плеч. И буквально все взгляды мужчин были обращены на нее! Вот вам, пожалуйста, пример

магнетизма женских обнаженных рук. А знаете ли вы, что даже запястье может "завести" мужчину. Да-да, тонкое женское запястье, украшенное легкой цепочкой или тяжелым браслетом способно надолго приковать к себе взгляд молодого человека.

Теперь о цвете наших нарядов. К сожалению, среди мужчин примерно в десять раз больше дальтоников, чем среди женщин. Так что не пытайтесь привлечь их внимание пестрыми расцветками с обилием мелких деталей: цветочков, кружочков, это может не вызывать абсолютно никаких откликов. На первом месте у молодых людей черный цвет, на втором — белый. А вот красный, который мы привыкли считать воплощением чувственности — лишь на третьем.

Еще одна важная деталь: наряд должен быть приятен на ощупь. Слишком грубые, жесткие или холодные материалы создают

между женщиной и мужчиной дополнительную преграду. Впрочем, в другую крайность впадать тоже не рекомендуется: женщина, напоминающая плюшевую игрушку, выглядит очень мило, но, по мнению мужчин, привлекательности в этом мало.

А теперь несколько советов для девчонки без комплексов, которые абсолютно уверены в своей привлекательности и незаурядности.

И их единственная цель — выделиться из толпы. Предлагаем несколько недорогих вариантов новогоднего убранства, сооруженных на скорую руку из подручных материалов. Итак, **коровка**.

Берем водолазку и треники черного цвета. Зубной пастой рисуем на них белые пятнышки. Сзади булавкой прикалываем пояс от халата. Дальше главный секрет — надувается медицинская перчатка самого большо-

го размера и привязывается веревочкой к тренировочным. Эта конструкция символизирует вымя. Дальше осталось только соорудить рожки из двух обрезанных и набитых чем-нибудь пальцев второй перчатки, и пристроить их к прическе. Залог успеха — в любой беседе вставлять периодически свое веское "МУ" в тему и не в тему, и изредка покушаться на хозяйскую зелень в горшках. Однако полностью вживаться в образ не стоит. Второй раз вас уже не пригласят.

Слоник. За два месяца до праздника начинаем много кушать. Набрал к Новому году десять лишних килограмм, облачаемся во что-нибудь обтягивающее, серебристо-серого цвета, на голову натягиваем противозаз. Костюм готов.

Для молодых людей предлагаем костюм с милым названием **карапуз**. В аптеке покупается памперс для лежачего больного. На рынке — вязаные тапочки фасона "пинетки". Мужчина обрягается во всю эту красоту, на шею вешается соска. Можно соорудить из кружевных бабушкиных панталончиков чепец.

Мумия. Для сооружения этого костюма вам понадобится трудолюбивый ассистент и три-четыре рулона туалетной бумаги. Ассистент, сдерживая истерическое ржание, забинтовывает ваше тело туалетной бумагой, местами оставляя свободно свисающие ее концы. В порядке репетиции можно побегать по комнате, подывая и трепеща развевающимися бумажными хвостиками. Если ассистент забудется в судорожных рыданиях, значит, нужный эффект достигнут.

Малинка. Берем много-много воздушных шариков красного цвета, надуваем их и склеиваем двусторонним скотчем между собой. Сооружение должно напоминать шарообразный кокон с четырьмя отверстиями. Втыкаем в кокон свое тело. Из отверстия сверху должна торчать голова, руки высовываться по бокам, снизу, естественно, ноги. Постарайтесь ничего не перепутать. На голову натяните зеленый мохеровый беретик с пимпочкой на макушке. Теперь ваша задача — неуклюже растопырившись, старательно обходить острые предметы, людей с зажженными сигаретами и шаловливо настроенных детей.

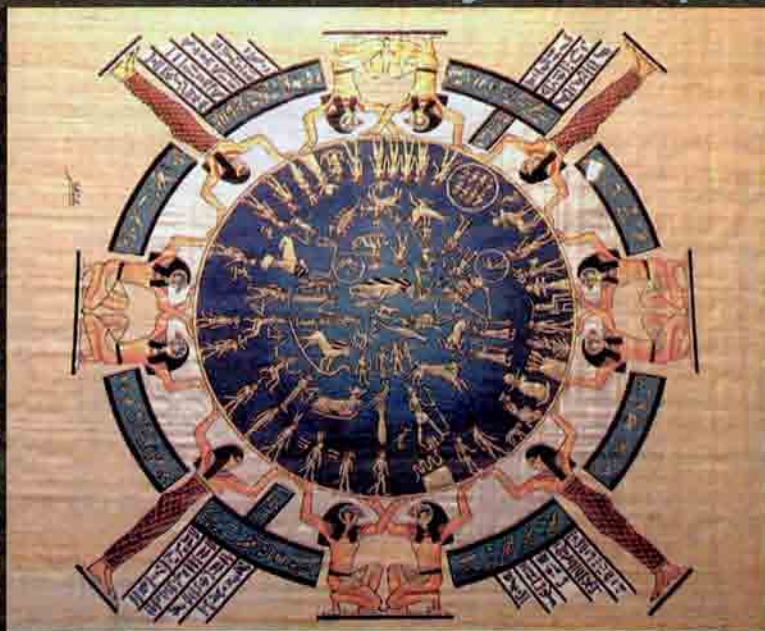
Ангел. Из плотной картонки вырезаем крылышки необходимого размера. Далее щедро обмазываем получившиеся лопахи клеем с обеих сторон. Острым ножом локво вспарываем брюхо подушке, и в получившийся ворох белой гадости макаем наше оружие. Теперь понадобится старое сиденье от унитаза, в форме незамкнутого овала. Покрыв его серебристой или золотистой краской из баллончика, приклеиваем к нему несколько елочных дождинок. Это будет арфа или лира. Кому как нравится. Надеваем белую ночнушку (без уток и ромашек), к которой, естественно, уже пришиты крылья, берем в руки лиру — сиденье унитаза. Как последний штрих, заколкой цепляем к голове одноразовую тарелку — это будет нимб. В таком наряде лучше появляться, как говорят, "под занавес", к подвыпившим участникам торжества и ангельским голосом вещать о грядущем конце света.

Собака. Необходимо навестить престарелых родственников, и одолжить у них тулупчик и ушанку советского образца. Тулуп надеваем мехом наружу, на ушанке распускаем бантик сверху, но уши оставляем торчать. Макаем кончик носа в банку с гуталином. Мило, но просто. Необходимо добавить спецэффекты. Для них понадобится большая клизма и трубка от капельницы длиной чуть больше полуметра. Клизма наполняется водой и скотчем крепится под коленкой. Трубка пускается вдоль бедра, а ее кончик выставляется. Во время празднования раздуваем на четвереньках, гавкая на красивых дам в вечерних платьях. При появлении симпатичного мужчины в смокинге, задираем ножку (на которой приляпана клизма) и путем ее сгибания в коленке, пускаем струю. При правильном применении спецэффекта всеобщее внимание гарантируется.

Но самое главное — не забудьте о танцах. Танцуйте в новогоднюю ночь как можно больше. Ведь наступает год Красной Огненной Собаки, а она очень подвижна и любит, чтобы было место, где развернуться. Постарайтесь заинтересовать этого милого песика, и тогда он будет обращать на вас внимание весь последующий год. И удача, вне всяких сомнений, не покинет вас.

Анна ШЕРКУНОВА

Звездный сувенир

Астрологическая литература насчитывает тысячи томов. Характеры людей, рожденных под двенадцать зодиакальными знаками, изучены и описаны очень подробно. Причем со всех сторон. Но, к сожалению, подавляющее большинство астрологических исследований ориентировано на интерес человека к самому себе и своему будущему. Поэтому часто, при прочтении той или иной характеристики знака, читателю не хватает конкретики, так скажем, мелочей, помогающих улучшить ему взаимоотношения не с самим собой, а с близкими людьми. В преддверии Нового года "Молодой бульвар" решил исправить ситуацию. А именно — помочь выбрать прекрасные подарки друг другу, руководствуясь знаками Зодиака.

Начнем, как обычно, с Овна.

Люди этого знака весьма азартны. Хороший подарок для них — колода эксклюзивных карт или красочная игра типа "монополии", "менеджера". Овны будут рады и мини-рулетке с фишками, которой можно пользоваться в домашних условиях, обыгрывая на деньги родню. Ни в коем случае не вздумайте дарить шахматы — эта игра никогда не заинтересует импульсивного Овна.

Овны просто обожают всевозможные механические игрушки и приспособления, новинки в мире техники и электроники, навороченные устройства для их машины. Если решили подарить компакт-диск, учтите, музыка на нем должна быть исключительно танцевальная. Овны обожают двигаться.

в коем случае не синтетика.

ретите полупрозрачную блузку или сверхкороткое вечернее платье с декольте. Женщина-Близнец обожает сексуальность в одежде.

лу, как серебро. Поэтому девушка-Рак очень обрадуется серебряному колечку или сережкам.

люди охотно носят золотые кольца и часы, а девушки хорошеют на глазах от обилия навешанных на них золотых украшений. То, что показалось бы перебором на другой даме, на львице смотрится органично и естественно.

Девы явно симпатизируют народным промыслам. Все, что связано с точной мелкой ручной работой — выпиливанием, резьбой по дереву, чеканкой, узорной росписью и вышивкой, тоже очень нравится людям этого знака.

Тельцы — самый спортивный знак Зодиака. Радость для них — получить в подарок теннисные или бадминтонные ракетки, футбольный мячик, ролики, скейт, — в общем, все, что связано с каким-либо видом спорта. Если вы не располагаете большими деньгами, преподнесите Тельцам просто коробку конфет, они обожают сладости. А если дарите что-то из шмоток, обязательно обратите внимание на ткань, из которой сделана вещь — это должен быть кашемир, шелк или мягкий сорт шерсти, но ни

Близнецы обожают сюрпризы и неожиданности, так что не сообщайте им заранее о том, что готовите подарок. Людям этого знака нравится разгадывать кроссворды, головоломки в стиле кубика-рубика, читать книги на иностранном языке, потому что для них это не работа и не учеба, а приятный отдых. Так что выбирать подарок Близнецу лучше всего в книжном магазине. Но если Близнец — ваша любимая девушка, и вы хотите подарить ей что-то более шикарное, поезжайте в дорогой бутик и приобретите полупрозрачную блузку или сверхкороткое вечернее платье с декольте. Женщина-Близнец обожает сексуальность в одежде.

Раки — фанаты всевозможных пикников и походов, поэтому прекрасным подарком для них будет мангал, набор шампуров, палатка, туристический фонарь — в общем, все, связанное с приятным времяпрепровождением на природе. Как и любой водный знак, Рак предпочитает отдыхать в таких местах, где есть возможность поплавать и порыбачить. Так что, имейте в виду, замечательным новогодним подарком для Рака будет удочка и разные рыболовные снасти. Еще Ракам приписывается любовь к такому металлу, как серебро. Поэтому девушка-Рак очень обрадуется серебряному колечку или сережкам.

Лев — это не просто звездный знак, это знак звезд. Именно под этим знаком родилось множество знаменитостей, находящихся у всех на виду. Львы обожают шик и блеск. Подарки для них должны быть исключительно эксклюзивными. Если это что-то из одежды, то только платье или майка от модного дизайнера. Страсть женщины-львицы — меховые изделия. Но по-настоящему дорогие и роскошные. Независимо от пола, Львы любят золото. Астрологи считают, что это их металл, поэтому молодые

Стиль Девы — аккуратность, скромность, изящество, классика. В гардеробе людей этого знака нет места вещам вычурным, кричащим, экстравагантным, поэтому не пытайтесь пополнить яркими нарядами шкаф Девы, все равно носить их они не будут. Ее можно порадовать деловым костюмом, строгой белой блузкой, кожаными перчатками, маленькой черной сумочкой. Кстати, Деве может очень понравиться какая-нибудь вещица декоративно-прикладного искусства. Трудолюбивые, аккуратные и терпеливые

Весы ценят и любят красивые украшения, особенно предпочитают кольца, чтобы лишний раз обратить внимание окружающих на свои красивые длинные пальцы. Бутылка вкусного сладкого ликера к празднику не меньше порадует Весов, чем изысканное украшение. Но больше всего этот знак обожает живопись. Вы не прогадаете, если подарите Весам маленькую настенную картину.

Скорпиону на Новый год лучше компанией скинуться и подарить одну дорогую и необходимую вещь, чем целую кучу дешевых побрякушек. Настоящая страсть скорпионихи — соблазнительное белье, так как в глубине души дамы этого знака уверены, что лучше всего они выглядят без одежды. Так что, скупайте всевозможные пояса для чулок, кружевные трусики и мини-бикини красного или черного цветов. Но не забывайте, все это действительно должно быть очень дорогим товаром.

Стрелец — едва ли не самый счастливый знак Зодиака. Ему подобрать подарок проще всего, так как он будет рад любой приятной безделушке — главное же внимание! Ну, а если сконцентрироваться на мелочах, Стрельцу можно подарить компакт-диск, с быстрой и ритмичной музыкой, а песни только на чужом языке, — потому что иностранные напевы переносят Стрельцов в их любимые дальние страны.

Вкус Козерога традиционен и консервативен. Ему в подарок было бы приятно получить строгие дорогие наручные часы, запонки или хорошую зажигалку. Девушкам этого знака не стоит дарить мини-юбку или трусики-стринги. В одежде они останавливают свой выбор на стиле унисекс. Козероги пренебрегают украшениями, но зато любят всевозможные аксессуары — шейные платки, шарфы, перчатки, шляпки.

Водолей — полная противоположность Овну. Лучшим подарком для Водолея будут шахматы или шашки, а лучшей книгой — что-то в жанре научной фантастики. Ведь никто так страстно не мечтает заглянуть в будущее, как Водолей. По этой же причине он очень увлекается компьютерными играми. Из одежды Водолею можно подарить что-то весьма яркого цвета: оранжевого, розового или зеленого.

Рыбы очень скромны и не любят особенно выделяться. Так что, не обязательно ломать голову над изощренным подарком. Одежду они любят ту, где много "лишней" ткани (плиссировки, драпировки и т.д.). Или "бесформенную", свитера на несколько размеров больше, широкие брюки, длинные юбки и объемные плащи. Рыбам по душе занятие живописью, так что, подарив набор красок, вы не прогадаете. Имейте в виду, Рыбы — необыкновенно одаренные фотографы. Если купить им в подарок фотоаппарат не позволяют финансы, тогда ограничьтесь фотоальбомом, и они будут вам невероятно признательны.

"Молодой бульвар" искренне надеется, что, руководствуясь нашими советами, вы сможете искренне порадовать своих близких и друзей, поднять им настроение в замечательный зимний праздник — Новый год.

Приятной вам предновогодней суеты! ■

Максим БАШКЕЕВ

Однажды в студеную пору...

■ Азартные мы всё-таки люди. Нет, не в том смысле, что любим заключать пари и ходить по казино — хотя и не без этого. Просто нашему человеку зачастую такое в голову приходит, что представителю любой другой нации покажется откровенным самоубийством. А дело здесь, на мой взгляд, в таком понятии, как возраст души. И если у чопорных европейцев она — как у столетнего дедушки, то у нас — как у шкодливого подростка, которому море по колено, а всё остальное... сами знаете куда.

Может быть, именно из-за этого с нами приключается столько забавных и смешных историй, особенно на природе. А кто с упорством обречённого стремится выбраться из города как можно чаще, невзирая ни на погоду, ни на другие обстоятельства? Конечно же, рыбаки...

История первая. Дело было несколько лет назад, когда моё знакомство с культурой зимней рыбалки только начиналось. Мой друг Лёха, отличающийся уникальной способностью оказываться везде и в то же время нигде, неожиданно под Новый год вышел на связь посредством мобильного телефона.

— Где встречаешь?

— Да не знаю ещё, — выразил я весь трагизм истинного положения дел.

— Тогда собирайся, на Селигер махнем, там база хорошая есть и рыбалка супер.

— Так ты же знаешь, я зимой не рыбаку, холодно, да и снастей с вещами у меня нет.

— Фигня вопрос, снасти я тебе дам, а одежду подберём.

Сказано, сделано. Через два дня я вдыхал полной грудью воздух Селигера в оперативно купленных зимних штанах, рыбацких бахилах и с ящиком наперевес. Стоит сказать, что место, куда мы попали, было действительно уникальным, причём пользовалось неплохой популярностью у любителей лова, и не только из Москвы.

В первый день ничем не занимались. Проходили "акклиматизацию" — пили мы, в общем. В ночи вязали снасти. С утра, умеренно невыспавшиеся, пошли на рыбалку. Далеко уходить не захотелось, отошли от базы всего метров на триста. Сидим, плотвичку бойко тянем. Пошёл снег, в двадцати метрах уже ни черта не видно. Вдруг со стороны базы страшный мат, перекрывающий вой мотора и тишину... Побросали всё как есть, побежали выяснять, что к чему.

Оказалось, четверо рыболовов, загрузившись с вечера, догонялись всю ночь. К утру вспомнили, зачем приехали. "Идти" на рыбалку возможности не было никакой, потому решили ехать. На базе имелись снегоходы, которые в случае нужды выдавались страждущим. Но, увидев этих четырёх просителей, хранитель общественных ценностей Колян отправил компанию кратчайшим путём для выполнения особо важного в этот момент задания — проспать. Но не тут-то было. Через полчаса трое из них (один всё-таки уснул) залезли в свой узик и направились в сторону озера. Именно направились, поскольку, по словам очевидцев, по дороге

ехали они очень недолго и вскоре начали выписывать различные геометрические фигуры уже на снежной целине. Шёл снег, ни зги, и вообще ничего не видно. Сходить с вечера посмотреть на берег никто не удосужился — "акклиматизировались". Обрыв заметили в самый последний момент, затормозить не успели и с трёхметрового косогра — на лёд. Как только не перевернулись... Тут бы им и повывлезать, перекрестясь. Но алкогольные пары давили на мозг, а адреналин только подзадоривал. Поехали вдоль берега, место искать. Нашли у впадения местной речушки. И деревья вокруг и берега высокие — не задувает. Вдруг — стоп. Водила газует, но — ни с места. Потом брызги из-

под колёс. Протрезвели мигом — еле успели выскочить.

В общем, когда мы с Лёхой до них дошли, узик вместе со снастями почти весь ушёл под воду, только задние фонари да труба выхлопная торчат из-под льда. А эти стоят, глазами хлопают... Им теперь возвращаться домой не на чем. Достать, говорят, надо. А как достать, когда ни подъехать, ни подойти — полыня ведь.

Домой горе рыбаков отправили автобусом, а узик так и зимовал у берега, весной вытащили. Постоял два дня — высох, поменяли аккумулятор — завёлся... До сих пор на базе работает.

История вторая. Произошла спустя три дня после купания зелёного узика. Один рыболов решил окуней потягать. А места рыбные — на противоположном берегу. Взял снегоход — уехал. Мы на старом месте сидим, ловим. Мужика еле видно. Вдруг мужик с места сорвался и — к снегоходу. А из леса тень серая за ним по снегу глубокому прыгает. Мужик снегоход завёл и дал газу. А тень —

за ним. Только к середине отстала и обратно в лес пошла.

Волк это был. Мужик-то окуня блеснил, то есть рукой в это время активно дёргал. Видно, серому это и не понравилось, решил проверить, кто это безобразничает. В общем, повезло мужику, что снегоход завёлся. А то...

История третья. Бывает и так, что снегоход не заводится. И в чём здесь причина, человек не знакомый с устройством карбюраторного двигателя, вряд ли сообразит. Поэтому, если едут далеко от базы, берут минимум два снегохода, поскольку, если уж один встанет, то второй-то... Тоже ещё не факт, что поедет.

Вот и мы с Лёхой попали. До базы километров шесть по целине. Мобильник в этой глуши работает с потрясающим непостоянством, так что позвонить и сказать, чтобы нас забрали, мы не смогли. Бросили жребий. Идти пришлось мне. Шёл без малого два часа. Увидев тяжелодышащего рыболова, от которого пар валил, как от котельной, местные всё поняли. Только ехать обратно было не на чем, все снегоходы разобрали. Обратно тоже пришлось пешком идти, но уже с инструментом. На базу вернулись мы только к ночи.

История четвёртая. Произошла на этот раз с моими знакомыми. Поехали они на выходные рыбачить. Солнце, снег, сосны, воздух, озеро... Красота, одним словом. Как всегда, взяли с собой, но недооценили своих

сил, и к обеду всё закончилось. Решили метнуться к магазину, благо, до источника всего 15 километров. Туда доехали благополучно. На обратном пути солнце стало совсем уж припекать, на дороге асфальт местами оттаял. Весной пахнет. Мужики окна пооткрывали и сидят прямо в машине усугубляют. Вдруг водитель — Толик — тормозит и говорит:

— Там ... какой-то прямо на дороге сидит, то ли заснул, то ли помер. Пойду, пинка ему отведу, чтоб знал, где сидеть.

И точно, сидит кто-то в шубе, ноги расставил и голову наклонил. А Толик до него метров двух не дошёл и тихонько так обратно к машине. И со словами "ну его на ..., пусть сидит" начал сидельца по обочине объезжать. Мужики — к окнам. Сидит на дороге худющий медведь, дремлет, на тёплом асфальте под солнцем греется. Даже не проснулся, только ушами повёл.

История пятая. Произошла с отцом одного моего знакомого. Отец тот служил майором не скажу — где, не скажу — в какой части ракетных войск. Городишко затхлый, заниматься определённо нечем. Пить в середине зимы уже надоело. Мужики начали на рыбалку ходить, чтоб только дома не сидеть. А отец, назовем его Василий Васильевич, рыбу не ловил, ибо зимой холодно. Вот и грустил без дела на морозе.

Заметив смертную тоску в майоровых глазах, местный прапорщик решил горю помочь.

— Я, Василий Васильевич, на рыбалку послезавтра, айда со мной.

— Так не ловлю я зимой, холодно.

— Не переживай, я тебе со склада такой тулуп выдам — все обзавидуются.

Уговорил, в общем. В тот же день пошли на рынок, купили мотыля. Разделили поровну.

— А мне с ними что делать-то?

— Положи в капроновый чулок и в бачке унитаза привяжи. Там вода всегда проточная. За два дня не успеют испортиться.

Так и сделали. На следующий день Василий Васильевич вместе с прапорщиком ушёл на работу. А ничего не подозревавшая его жена дома осталась, приболела. И в какой-то момент, спуская воду, заметила какие-то красные штуки, которые ещё и дергались (чулок, видно, дырявый оказался). Решив, что почки, так сказать, решили с ней попрощаться, она стремглав понеслась к местному эскулапу. Благо нестись было всего через два дома. Доктор внимательно выслушал пациентку и выдвинул версию о предстоящей рыбалке и посоветовал дождаться мужа.

Что было вечером — оставим без комментариев. Ураган Катрина нанёс США меньший урон, чем жена Василию Васильевичу. В общем, он до сих пор на зимнюю рыбалку ни ногой.

История шестая и последняя. Источник не установлен, но упорно выдается за быль.

Пошли три мужика на рыбалку. Вещи, снасти и три бутылки "Столичной" в таре по 0,75 литра. До места добрались уже затемно, посему решили не рыбачить, а просто попить водочки. Распили первую, принялись за вторую. Один из троицы, видимо самый со знательный, высказал трезвую мысль, что напиваться-то не надо, завтра вставать рано. Мысль имела успех. Решили допить до половинки второй бутылки "И всё!" Для физического осмысления понятия "половина" на бутылке маркером нарисовали линию.

Утро следующего дня, ближе к полудню. В умах властвует тяжёлое похмелье. Вокруг разбросаны разнообразные вещи, в том числе и три пустые бутылки из-под "Столичной". Причём две из них — одна в нижней части, а другая целиком — усеяны маркерными насечками...

С Новым годом, дорогие читатели! ■

Евгения ГОРДИМЕНКО

Пока часы двенадцать бьют...

Ну вот неожиданно, в декабре, и подкрался Новый год. Елка, мандарины, шампанское, Дед Мороз с бородой из ваты, смешанный звон курантов и бокалов. И, разумеется, по-нашенски неслабое застолье. Ни на одну секунду не сомневаюсь, что на новогоднем столе большинства наших сограждан будет стоять тазик с оливье, селедка под шубой и "какая гадость эта ваша заливная рыба". А также "Птичье молоко" и конфеты "Ассорти". И ничего тут уже не поделаешь, потому как мы с вами ретрограды, традиционалисты и вообще просто любим оливье. Кстати, чтоб вы знали, первоначально оливье был совсем не тем, что он представляет собой сейчас. В оригинальном рецепте туда входили отварные рябчики, телячий язык, черная паюсная икра, свежий салат, отварные раки, очень мелкие маринованные огурчики и каперсы (колючая овощная культура, у которой маринуют цветочные почки). Заправляли весь этот буржуйский изыск соусом провансаль, который должен готовиться на французском уксусе, двух яйцах и фунте прованского оливкового масла. Вот так. А вы ничтоже сумняшеся крошите туда "Докторскую"! Но это так, к слову. Все равно вы приготовите оливье по собственному рецепту и будете радостно уплетать его за обе щеки...

Но для общего развития я вам расскажу, какие же новогодние кулинарные традиции

есть в других странах, чтобы вы не прожили остаток жизни в уверенности, что оливье и заливную рыбу едят везде...

В Великобритании, например, готовят рождественский кекс. Как готовят, я уже рассказывала, но, как говорится, не кексом единым. На Британских островах вообще принято обильное угощение на Новый год. Считалось, что тогда и весь следующий год будет сытным и богатым. Подают, например, запеченную фаршированную индейку под соусом из крыжовника. Традиционным же новогодним напитком считается пунш. Он непременно должен включать пять компонентов (это слово происходит от индийского "панч" — пять): любое виноградное вино или шампанское, водка или ром, чай, сахар и лимонный сок. Два алкогольных компонента и три безалкогольных. Варили пунш и варят до сих пор в серебряной кастрюле, чтобы подчеркнуть собственную состоятельность.

А в Шотландии существует обычай ставить на стол большой кубок специального рождественского напитка "соуенс". Его делают из заквашенного и подвергнутого брожению ячменного зерна с добавлением меда и сливок. Не уверена относительно вкуса этого напитка, но против традиций не пойдешь... В сочельник же шотландцы готовят по особому рецепту рождественский суп. Бульон для него варят из мяса быка,

убитого в день святого Мартина. Такая вот святая говядина...

Есть в Шотландии еще одна примета, правда, не кулинарная. Считается, что если первым в Новом году в дом зайдет человек с темными волосами, то год будет удачным. Учитывая, что шотландцы в большинстве своем рыжие, брюнеты идут просто нарасхват...

В Японии хозяйки готовят блюда из продуктов, которые, по поверьям, приносят счастье: из морской капусты (символ радости), каштанов (успех в делах), из гороха и бобов (здоровье) и вареной рыбы (бодрость духа и спокойствие). Поскольку празднование Нового года в Японии длится семь дней, то всю еду готовят заранее, чтобы не отвлекаться в праздники. Как это она у них неделю хранится? У нас бы все съели в первые же два дня...

В Испании, Португалии и на Кубе символом богатства и плодородия считается виноградная лоза. Поэтому в новогоднюю ночь с каждым ударом часов нужно загадывать 12 желаний и на каждое съедать по виноградине. Если решите встречать Новый год по этому обычаю, позволю себе дать два совета: во-первых, виноград берите маленький и без косточек, а то можно подавиться. Во-вторых, желания стоит заранее написать на бумажке, потому что с ходу придумать двенадцать штук не так просто, как кажется. Испанцы — большие мясоеды, поэтому традиционное новогоднее блюдо — жареный барашек, а напиток, конечно, знаменитый испанский херес...

А в Голландии едят столь милые нашему сердцу и столь же бесполезные для нашей талии пончики. Кольцо там символизирует завершение полного цикла, завершение года. Пончики и сами по себе вкусные, а уж когда их польют шоколадом или посыплют орешками, то... В общем, в Голландии я бы пожила... Тем более, что запивают они свои пончики напитком под названием "слем": из горячего молока, в которое кладут чай, сахар, корицу, цедру лимона, шафран, гвоздику и мускатный орех... Его вполне можно приготовить самому, так что очень советую попробовать!

Если попадете на Новый год в Австрию, Венгрию или Югославию, то на столе ни за что не увидите птицу — считается, что счастье в таком случае улетит из дома.

В Норвегии и Дании гостям непременно подадут рисовый пудинг, с запеченной внутри изюминкой на счастье. Кому она достанется, тот и проживет этот год лучше всех. Красивая традиция, конечно, но на мой вкус, изюма в рисовом пудинге должно быть много...

Хотя это все же куда более гуманно, нежели в Греции, где на счастье в пирог запекают монетку. Об изюм зубы не сломаешь, а о монетку — вполне. Но монетка — это еще что! В полночь глава греческой семьи выходит во двор и разбивает о стену плод граната — если зерна разлетелись по двору, значит, в новом году опять же будет счастье.

А на Тибете все в традициях миролюбивого далай-ламы: пекут пирожки и раздают их прохожим. Правда, есть и корыстная подоплека: чем больше пирожков раздашь, тем богаче будешь. Так что не все так просто...

Во Франции на новогоднем столе обязательно должно быть как можно больше белого: белые свечи в белых подсвечниках, фрукты в белой глазури и белый кекс на десерт. Эта традиция хранится с тех пор, когда белизна символизировала то, что хозяйева перед приходом гостей как следует все вычистили в доме. А то ведь средневековые особой чистоплотностью не отличались...

А вот в Польше берут не цветом, а количеством — к столу подается тринадцать видов блюд: от рыбной похлебки до сдобного печенья с компотом и свежими фруктами. Любят все-таки покушать братья-славяне...

В России же... Ну, собственно, вы знаете: оливье, селедка под шубой, заливная рыба, мандарины, ёлка, вопль хозяйки: "У меня же еще горячее в духовке!.." и усталый вздох гостей, понимающих, что места на десерт уже не остается... Впрочем, праздник, как известно, считается удавшимся, если до десерта дело не дошло... Ничего, съедите торт и пирожные утром!

Счастливого Нового года!!!

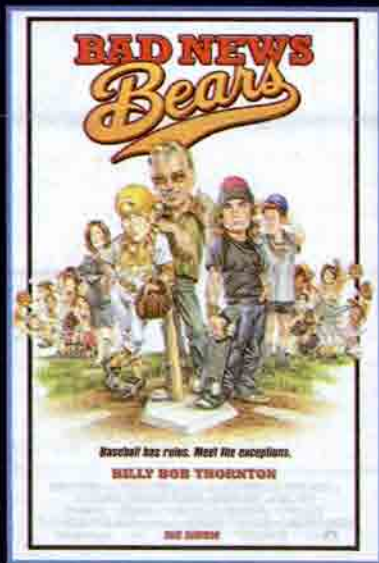
НОВИЧОК криминальная комедия

Режиссер: Маркус Сиега

Год выхода: 2005, USA

В главных ролях: Ник Кэннон, Розелин Санчес, Шон Эшмор и другие.

Описание данного релиза начнем с фразы: "Где-то подобное уже видели и не один раз". Это еще не говорит о том, что данная история окажется хуже. Молодой паренек 24-х лет работает детективом и все никак не может доказать, что способен не только "подносить кофе", но и раскрывать громкие преступления. Все дело в его внешности — выглядит намного младше своих лет, поэтому и отношение к нему соответственное. Наконец, его привлекают к расследованию серьезного дела, где его внешние данные должны сыграть важную роль. Парню предстоит внедриться в учебное заведение, где обитает злостная банда. Вот и пришел час, когда на практике можно доказать свое мастерство. А получится ли — увидите сами, главное — помните, что внешность бывает обманчива.

НЕСОСНЫЕ МЕДВЕДИ спортивная комедия

Режиссер: Ричард Линклайтер

Длительность: 113 мин, 2005, USA

В главных ролях: Билли Боб Торнтон, Грег Киннер, Марсия Гэй Харден и другие.

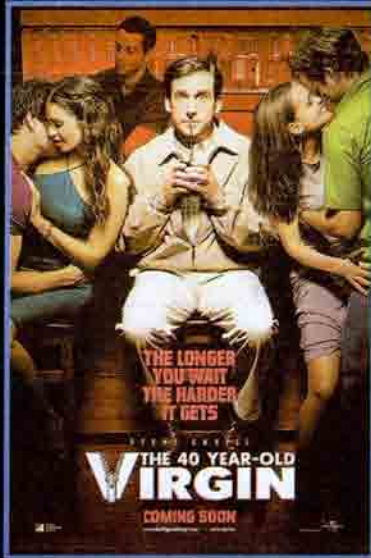
А еще американцы безумно любят бейсбол, поэтому на эту тему фильмов не меньше, чем о путешествиях. Картина выходит под лозунгом: "В бейсболе есть правила. Но никогда не поздно их менять". В принципе — заход классический, как и сам сюжет. Фильм в большей степени ориентирован на детей, а у них восприятие интересного и смешного совершенно другое. Построение картины до безумия типичное — опытный тренер "натаскивает" детскую команду неудачников. В итоге, они становятся победителями. Снято и срежиссировано новое творение очень неплохо — иным зрителям понравится. В фильме есть еще образовательный момент — человек должен стремиться к лучшему, работая над собой, и тогда все получится.

ДЕВОЧКИ СНОВА СВЕРХУ молодежная комедия

Режиссер: Питер Гершина
Длительность: 88 мин, 2004, Германия
В главных ролях: Диана Амфт, Кэролин Херферт, Жасмин Грит и другие.

В последние годы немцы стали радовать хорошими молодежными комедиями. В чем-то они похожи на "пирог", а по качеству — выигрывают по всем параметрам. Чем же создатели хотят порадовать во второй серии? Планка качества осталась на том же уровне, и плевается после просмотра не придется. Сюжет, как и в "Девочках сверху", строится на трех подругах (Инка, Лена, Люси). Девушки повзрослели, и настала пора покинуть родителей, что они и сделали. Но как жить и на какие деньги снимать квартиру — работы-то нет. В таком случае девчата выбирают единственный верный, по их мнению, выход — влюбить в себя обеспеченных парней и устроиться за их счет... В фильме много интересных находок, смотрится на одном дыхании и оставляет только положительные впечатления.

СОРОКАЛЕТНИЙ ДЕВСТВЕННИК комедия

Режиссер: Джэд Апатоу
Длительность: 116 мин, 2005, USA
В главных ролях: Стив Карелл, Кэтрин Кинер, Пол Рудд и другие.

Позорно ли быть девственником? Создатели же этой картины считают, что "да". Вот оно насаждение выгодных или привычных для них стереотипов. Для рекламы подобран соответствующий слоган: "Лучше поздно, чем никогда". Весь сюжет уместается в пару строчек: однажды жил человек, достатком и материальными благами не обиженный. То есть у него было практически все, а женщин — никогда. За дело берутся закадычные друзья — это же неправильно, что у друга нет и не было девушки, и совсем не важно, что ему всего 40. Есть над чем посмеяться, чему посочувствовать и удивиться. Фильм оценят те, кому за 20, а детям об этом думать еще рановато, но это уже на ваше усмотрение.

Анжелика

или без них. 41. Собрание кардиналов, избирающих нового папу. 43. Пятиугольное укрепление в углу крепостной ограды. 45. Крестьянское восстание во Франции после Столетней войны. 48. "Сердечки" в картах. 51. Место, где ковбой чувствует себя, как дома. 52. Сотая часть итальянской лиры. 54. Многотомная священная книга буддизма. 56. Государство, каким стала Франция при Наполеоне. 59. Певец-вегетарианец, начавший восхождение к славе в группе, названной именем польского астронома. 60. Винтовой конвейер. 61. Гора, которую гиганты в греческих мифах решили взгромоздить на Пелион. 62. Знаменитый пропагандист кальвинизма в Шотландии. 63. Французский писатель, "труженик мысли", во его же определению первооткрывателя. 64. Рабочее состояние шамана. 65. "Мирное сосуществование двух нервных систем" (Э. Кроткий). 66. Узбекский лирик, старший современник Навои.

По вертикали. 1. Полная неудача. 2. Пологая вытянутая возвышенность. 3. Шляпа, названная по герою Латинской Америки, при жизни которого ее носили. 4. Стебель, чаще других страдающий от любителей рвать. 5. "Щит счастья" (Н. Рерих). 6. Приказание, требование. 7. Стул, какой в республике может быть лишь в музее. 8. Второй после Москвы город, где в СССР появился троллейбус. 10. Вещи на выброс. 11. "Летучий голландец" как оптическое явление. 12. Голодное к учению глухо. 14. Каждый из героев кавказского, в первую очередь осетинского эпоса. 16. Устройство для сот в улье. 20. Так обычно называл А. Пушкин Наталью Гончарову после свадьбы в письмах к друзьям. 25. Ипостась Ноздрева в "Мертвых душах" Н. Гоголя. 26. Создатель "Любовного напитка". 27. Им и пишут, и рисуют. 28. Телефонная привязь, уже мало привязанная к молодежи. 30. Митинговый матюгальник. 31. Стремление рассмешить вручную. 32. Самый богатый художественный музей России, хотя он и был сильно опустошен большевиками. 38. Штангист держит вес. А боксер? 40. Заморский зеленый змий, какой неразбавленным могут пить лишь в России. 41. Ученый, "закрутивший" Землю вокруг Солнца. 42. В пехоте — фельдфебель, в кавалерии — ... 43. Кулик, чей звук при токовании напоминает бляенные ягненка. 44. Корыстный посредник между мужчиной и женщиной. 46. Город, где можно увидеть гробницу Данте. 47. Водка или хлеб на Руси из "пивного зерна". 49. "Цемент науки" (Г. Абелев). 50. Уголовное дело медвежатника. 52. Глупость с эпитетом "собачья". 53. "Рак толстосумов". 54. Недуг и вечная боль В. Борисова-Мусатова. 55. Хлебное море. 57. У карлика — метр с кепкой, у баскетболиста — два метра с лишком. 58. Общежитие, где пешком под стол ходят. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали. 4. Шмидт. 6. Варяг. 8. Хиазм. 10. Цинизм. 12. Набор. 13. Юность. 15. Щегол. 16. Аршин. 17. Арена. 18. Очерк. 21. ...алтын. 22. Поела. 24. Калибр. 27. "Нистру". 31. Ростовщик. 32. Прутков. 33. Мозгляк. 34. Насреддин. 35. Акопян. 37. Задача. 39. Снобизм. 43. Пудра. 46. Эники. 47. Иблис. 50. Окрол. 51. Якорь. 52. Скаред. 53. Ефрон. 54. Фовист. 55. Орган. 56. ...питие... 57. Ницца.

По вертикали. 1. Жилище. 2. Крабоед. 3. Мамонт. 4. Шлица. 5. Тамга. 6. Ванлоо. 7. Геракл. 8. Хрюша. 9. Метан. 11. Зенки. 14. Нильс. 19. Честертон. 20. Разведчик. 22. Прованс. 23. Анимизм. 24. Карга. 25. Лотто. 26. Броня. 28. Икона. 29. Тигра. 30. Утята. 36. Пирке. 38. Добро. 40. Нэлепп. 41. Биоритм. 42. Зияние. 43. Пекло. 44. Дорога. 45. Ардан. 47. Иофан. 48. Львица. 49. Соска.

	1	2		3			4		5		6		7	8		9
10						11										
12													13			
						14										
15					16									17		
				18						19						
	20		21						22							23
24						25										
					26											
27													28			
											29					
30		31						32				33		34		35
36							37				38					
				39												
40												41				
				42												
43												44				

Э Р У Д И Т

По горизонтали. 1. Поморский рыболовный карбас с парусом и тремя парами весел. 7. Удлиненное тело в роговой чешуе, длинный хвост, маленькая голова, короткие лапы и мощные кривые когти. Обитает в Азии и Африке. 11. Русская цинга. 12. Самый первый король Венгрии. 13. Белый, дармовой, насыщенный, пеклеванный, черный, чужой. 14. Транспортная машина с маховиком вместо мотора. 15. Человек, который, по И. Крылову, в сердце "всегда отыщет уголок". 17. Птица-носорог, чья самка линяет замурованной в дупле, насидывая чаще всего единственное яйцо. 18. Прямо над головой. 19. Фамилия отца и сыновей — американских оптиков, изготовивших объектив для Пулковской обсерватории. 24. "Поэма, ставшая видимой" (по древнеиндийскому трактату). 25. Каждый из группы английских художников, подражавших итальянским живописцам до времени автора "Сикстинской мадонны". 27. Отрицательное качество молодца в русских песнях, идущее от Алеши

Поповича и Чурилы Пленковича. 28. Н. Заболоцкий по отношению к Э. Неизвестному. 31. Размер, каким написан "Витязь в тигровой шкуре" Ш. Руставели. 32. "Религия" Северной Кореи. 36. Двадцатая часть аптекарского скрупула. 38. Цветок, какой в России первым получил в подарок Николай Второй. 39. Французский композитор, считавший, что партия оркестра в концертах Шопена "не что иное, как холодный и почти бесполезный аккомпанемент". 40. Французский художник-фовист, сказавший: "Писать — это видеть за других". 41. Короткий железный меч у персов и скифов. 42. Приверженец одного из двух главных течений в индуизме. 43. Фамилия одной из сторон в войне белой и алой розы. 44. "... не может кончиться удачей, — в противном случае его зовут иначе" (С. Маршак).

По вертикали. 2. Атака волн на гранит в стихотворении Ф. Тютчева "Море и утес". 3. Настоящая фамилия Ф. Саган. 4. Выступает на брусках, велосипеде, на канате, "катушках", лестнице, перше, проволоке, на стульях и столах, на штейн-трапе. 5. Профессиональный сказитель и музыкант-певец в Западной Африке. 6. Столица королевства Тонга. 8. Обалденный прием расплаты. 9. Знаменитый певец-бас, называвший себя: "Русский медведь с берегов Эльбы". 10. Любимый музыкальный инструмент Т. Гейнсборо, на котором он виртуозно играл. 16. Форма объединения ремесленников, в России запрещенная большевиками сразу после захвата ими власти. 17. Итальянский композитор, подготовивший оперную реформу К. Глюка. 20. Французский революционер, чья фигура, по мнению историка искусства Р. Кантинелли, была "гнусной, омерзительной". 21. Американский физик (квантовая электродинамика), участник создания первой атомной бомбы. 22. Смертный грех. 23. Итальянская сосна на картине А. Ватто "Жиль". 26. Старания бросить тень на человека, опозорить его. 29. Армянский поэт XII века, последние 20 лет жизни бывший католиком. 30. Третий сын Чингисхана и его преемник, завоевавший Азербайджан, Армению и Грузию. 31. Французский остролов, за чьим гробом в 1894 году шли только три мужественных человека — аббат Сийес, Ван-Прат и революционный деятель Женене. 33. Иудейский царь, истребивший все памятки и обряды идолопоклонства, в том числе и медного змия, сделанного Моисеем. 34. Лукавство, угодничество. 35. Ремень, впрягавший бурлака в работу. 37. Материал для создания гхатама — индийского барабана. ■

ОТВЕТЫ НА ЭРУДИТ, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали. 2. Индюк. 9. Заузе. 10. Своеволие. 11. Усней. 13. Брамс. 14. Ястребятник. 17. Гугенот. 18. Порас. 21. Книд. 23. Таро. 24. Ремизов. 26. Чепчик. 27. Фереби. 28. Центнер. 29. Хаус. 32. Озье. 33. Сарай. 34. Эготизм. 38. Автопортрет. 40. Кровь. 41. Ворон. 42. Мещанство. 43. Зимин. 44. Шишак.

По вертикали. 1. Жабры. 2. Изумруд. 3. Несс. 4. Юбея. 5. Шварц. 6. Пемброк. 7. Со-страт. 8. Лилия. 12. Ясновидец. 15. Керек. 16. Ткачиха. 17. Гиппиус. 19. Сабезизм. 20. Корифей. 22. Достигаев. 24. Рис. 25. Бер. 27. Фетти. 30. Самокат. 31. Каноист. 32. Озорник. 35. Евреи. 36. Чтиво. 37. Авгит. 39. Тори. 40. Коза.

Арина Холина

— В последнее время журналисты начинают писать книги. Как вы объясните такую тенденцию?

— Это обычная практика. Во всем мире многие писатели выходят из журналистики. Это у нас пока еще живет мнение, что писатель не может расплыться на всякую мелочь вроде статей для газет и материалов для журналов. А вот Булгаков, Ильф и Петров начинали в газете "Гудок", и только потом стали полноценными писателями. Так что я рада, когда журналисты начинают писать — конкуренция должна поднять уровень литературы.

— Что вас заставило начать писать книги?

— Когда я уволилась из журнала, у меня не было ничего — ни контракта с издательством, ни надежды, но как только я уволилась, когда ехала домой в трамвае в состоянии легкого шока,

почувствовала себя безмерно счастливой. Я контролировала всю свою жизнь — не начальник, никто. Наверное, ради этой свободы я и начала писать.

— Насколько ваши книги автобиографичны?

— Я думаю, что книга — это рассказ автора о том, как он хотел бы жить. Я вкладываю свои слова, мысли, желания в моих героев. В каком-то смысле это даже более личное, чем пересказывать события, которые с тобой произошли.

— Бывало такое, что ваши друзья, знакомые узнавали себя в ваших книгах?

— В какой-то момент я открыла для себя кайф такой вот литературной мести. Бесит тебя кто-то — ты его в книге прикладываешь. Но с этим надо быть осторожной, чтобы не скатиться на уровень базарной склоки.

— В каком жанре вы работаете?

— Сейчас это мистика. Мне хочется и самой верить, и убедить читателей в том, что жизнь — это чудо, во всех смыслах. Ведь мы не знаем, откуда взялся наш мир, откуда все эти звезды, вселенные — а если точно ничего не знаем, значит, можно верить во все, что угодно. В Бога, в привидений, в жизнь на Марсе.

— На какую аудиторию рассчитаны ваши книги?

— Я не делю читателей на умных и глупых, на городских и деревенских, потому что самое важное для меня — чтобы человек закрыл книгу и подумал: у меня все получится!

— Сюжет вашего нового романа "Дорогой, я стала ведьмой в эту пятницу!" чем-то напоминает "Иствикских ведьм" Апдайка. Можно ли ваш новый роман назвать современной версией произведения классика?

— И да, и нет. То есть, конечно, что уж тут лукавить, с Апдайка я основу слизала. Да, было желание — обыграть "Иствикских ведьм". Тем более, что там в основе отношения мужчины и женщины: у Апдайка — в контексте сексуальной революции, а в кино и у меня — больше мистики. Ну, и новые отношения полов.

— Творчество каких современных авторов вам нравится?

— Мне нравится Устинова. Она хорошо пишет и не стесняется говорить о простых человеческих чувствах, не стесняется быть естественной в своих книгах. У нас все стесняются. Считается, что нужно писать так, чтобы никто не уличил тебя в сентиментальности. А она делает это очень качественно и хорошо, так, что трогает душу. Еще я обожаю Улицкую. “Медя и ее дети” — роман моего сердца. Люблю Донцову — если хреново, нет лучшего лекарства, как проглотить ее роман. Да! Прочитала недавно Платову — очень круто! Просто супер! “Дьявол носит Прада” мне нравится, “Тайная жизнь шоппоголика”... Я фанат Лукьяненко, очень люблю Горина, царствие ему небесное — он гений диалогов, с большим почтением отношусь к Жванецкому.

— В ваших книгах женщины красивые, успешные, они легко меняют мужей. Вам не кажется, что это американизированный образ? И у нас в стране таких женщин не так много.

— Сейчас появилось просто немыслимое количество успешных женщин. Даже известные домохозяйки идут работать. Сидеть дома уже не актуально. Трагедийная героиня, которую бросает муж после 10 лет совместной жизни с 15-ю детьми, уже неактуальна. Сейчас женщина понимает: даже если она хоть трижды замужем, нужно что-то делать, чтобы потом не сморкаться в пододеяльник и не говорить о том, что все мужчины — сволочи. Этот мир дает очень много возможностей, и глупо ими не пользоваться. А мужей и жен меняли во все времена и во всех странах. И кстати, никто не делает это “легко” — разрыв это всегда трудно и больно.

— Как вы относитесь к женщинам, которые посвятили свою жизнь карьере?

— Ну, это особый вид психоза. Я много работаю, но я не трудоголик — для меня, кроме работы, есть очень много важного и интересного, а люди, которые решили, что с помощью ударного труда решат все свои проблемы, вытеснят горе, разочарование и недоверие к жизни — это люди несчастные.

— Как относится муж к вашей творческой деятельности? Он не говорил вам, что ничего из этого не получится?

— Если бы сказал, я бы с ним развелась. Что это за муж такой, который против жены? Мой любимый мужчина переживает за меня, наверное, даже больше, чем за себя.

— Написание книг — это для вас хобби или источник дохода, дело жизни?

— Не буду говорить, что дело жизни — здесь намечается какой-то пафос. Дело жизни — это сама жизнь, и говорить, что такой-то вид деятельности — смысл твоего существования, на мой взгляд, глупо. Это источник дохода, это та профессия, которая доставляет мне удовольствие, и к которой я очень серьезно отношусь. А хобби — это увлечение вне работы. Мое любимое хобби — лежать с книжкой на диване в окружении бутербродов, мармелада и шоколада, и ничего не делать.

— По-вашему, что такое успех? Вы его добились?

— Успех — это промежуточное состояние, когда чего-то добился, но у тебя еще все впереди. Когда понимаешь, что впереди ничего нет, это очень грустно. А когда все впереди, а позади только большие надежды — ты слишком не уверен в себе, у тебя нет никаких гарантий. Успеха либо не добиваешься никогда — это для тех, кто ноет, как несправедлива жизнь, либо добиваешься всегда — поднялся на пролет, внизу уже пять этажей, а вверх еще девяносто пять, но ты все-таки уже вверх.

— Рецепт успеха от Арины Холиной?

— Надо жить сегодня. У тебя нет завтра. И нет вчера. Ты не можешь открыть дверь и заглянуть в будущее. Только в данный момент можешь почувствовать жизнь.

Дорогие

наши читатели!

От всей души поздравляем всех
с наступающим Новым годом!

Пусть в ваших домах и семьях

царят мир и согласие,

а во всех делах

сопутствует удача!

Счастья вам и много радости в 2006-м!
Спасибо, что вы есть и что остаетесь с нами!